

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства»
(ПГУАС)

Е.М. Каргина

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Часть 1

НАУЧНО-ПОНЯТИЙНАЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА

Рекомендовано Редсоветом университета
в качестве учебного пособия для студентов,
обучающихся по направлениям 08.03.01 «Строительство»,
38.03.02 «Менеджмент», 38.03.01 «Экономика»

Пенза 2014

УДК 811.112.2: 629
ББК 81.2 Нем.
К18

Рецензенты: кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Естественно-научные и гуманитарные дисциплины» ПФ НОУ ВПО «Академия МНЭПУ» Ильина Ж.В.; кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства» Горбунова В.С.

Каргина Е.М.

К18 Теория перевода. Ч. 1. Научно-понятийная и концептуальная основа: учеб. пособие по немецкому языку / Е.М. Каргина. – Пенза: ПГУАС, 2014. – 168 с.

Представляет собой учебный комплекс из двух логически взаимосвязанных частей.

Основной задачей теоретического материала части 1 является ознакомление студентов с научно-понятийной и концептуальной основой курса теории перевода. Рассматриваются предпосылки возникновения науки о переводе и основы развития современной теории перевода. Представлена понятийная основа теории перевода, сущность процесса перевода. Анализируются следующие темы: междисциплинарный характер теории перевода; объект и предмет современной теории перевода; системный подход к изучению перевода; единицы перевода; основные категории теории перевода: эквивалентность и адекватность; основные виды перевода.

Учебное пособие подготовлено на кафедре иностранных языков и предназначено для студентов, обучающихся по направлениям 08.03.01 «Строительство», 38.03.02 «Менеджмент», 38.03.01 «Экономика», магистрантов и аспирантов, а также для студентов, получающих дополнительное (к высшему) образование по направлению подготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

© Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства, 2014
© Каргина Е.М., 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Социальные, экономические, политические инновации вызывают к жизни изменения в характере и функции перевода. Изменился характер и жанр переводимой литературы. На смену теологической и философской литературе пришла деловая проза и труды по естественным наукам и технике. В центре внимания находится профессиональная коммуникация и перевод специализированных научных конференций. Появляются новые виды перевода.

Для создания квалифицированного межъязыкового перевода необходимо принимать во внимание ряд факторов: совокупность лингвистических (грамматических, лексических, текстологических) факторов оригинала и перевода, особенности автора исходного сообщения и получателей этого сообщения, их знания, опыт, особенности восприятия людей, которым предназначается перевод, особенности времени культуры, а также культурологические особенности переводимых текстов.

Теория перевода рассматривает перевод в широких рамках межъязыковой коммуникации и изучает все ее аспекты и определяющие факторы, такие как собственно языковые, так и внешние по отношению к языку и прямо или косвенно влияющие на выбор языковых единиц. Широкий спектр вопросов, затрагиваемых теорией перевода, находит выражение в разнообразных подходах к пониманию и изучению перевода.

Пособие ставит целью передать студентам знания в области теории перевода, рассказать о месте перевода в общественной практике, о проблемах его теории и практики и создать, таким образом, необходимую теоретическую базу для квалифицированного и эффективного анализа текста.

Данное пособие предназначено для студентов, магистрантов и аспирантов, обучающихся по направлениям подготовки ВПО, реализуемым в вузе, а также для студентов, получающих дополнительное (к высшему) образование по направлению подготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

ВВЕДЕНИЕ

В соответствии с современными реалиями наша эпоха наряду с другими эпитетами получила название «эпоха перевода», что связано с небывалым ростом информации, быстрым распространением и потреблением которой человечество обязано переводам. Многие люди, не являющиеся специалистами-переводчиками, вовлечены в переводческую деятельность. Знание основ теории, границ, возможностей и основных приемов перевода становится элементом общего образования человека. На сегодняшний день, когда требования к кругозору и эрудиции переводчика многократно возрастают, данный «элемент общего образования» как никогда необходим всем изучающим иностранный язык.

Глобальные изменения в обществе, как в России, так во всем мире, привели к изменению роли иностранного языка в системе образования. Иностранный язык стал базовым элементом современной системы образования, средством достижения профессиональной самореализации личности. Технический прогресс и связанные с ним международные отношения требуют от выпускников технических вузов теоретических знаний и практических навыков в области перевода, анализа, реферирования и аннотирования текстов и документации.

Изучение иностранных языков является необходимой и неотъемлемой составной частью общеобразовательной профессиональной подготовки научных и научно-педагогических кадров. Это обусловлено интернационализацией научного общения, развитием сотрудничества специалистов и ученых на глобальном уровне и расширением сферы научного дискурса в современной коммуникации. Знание иностранного языка облегчает доступ к научной информации, использование ресурсов Интернета, помогает налаживанию международных научных контактов и расширяет возможности повышения профессионального уровня ученого.

Актуальность содержания данного пособия обусловлена тем фактом, что теория перевода нужна и обучающемуся переводу, и начинающему переводчику, и переводчику-профессионалу и обучающему переводу. По словам Л.С. Бархударова: «Перевод как учебная дисциплина не может существовать без теории, так как без теоретических обобщений преподавание сводится к трудно контролируемому развитию интуиции, а в худшем случае – к натаскиванию¹». Профессиональный переводчик сможет плодотворней использовать передовой опыт в своей области и развивать свое мастерство, если он овладел методом критического анализа перевода.

¹ Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975.

Учебное пособие содержит тематический материал по курсу «Теория перевода». Пособие состоит из двух частей, каждая из которых содержит предисловие, введение, последовательно изложенный тематический материал, заключение, приложения.

Часть I – «Теория перевода: научно-понятийная и концептуальная основа» состоит из 10 тематических разделов. Основной задачей теоретического материала данной части является ознакомление студентов с проблематикой курса теории перевода. Рассматриваются предпосылки возникновения науки о переводе и основы развития современной теории перевода. Представлена понятийная основа теории перевода, сущность процесса перевода. Анализируются следующие темы: междисциплинарный характер теории перевода; объект и предмет современной теории перевода; системный подход к изучению перевода; единицы перевода; основные категории теории перевода: эквивалентность и адекватность; основные виды перевода. Последовательно изложенный теоретический материал первой части пособия «Теория перевода» готовит студентов к восприятию основ методологии перевода, представленных во второй части пособия.

Практическая деятельность переводчиков и исследования в области перевода дают возможность постоянно пополнять и совершенствовать теорию перевода, что способствует появлению различных концепций и системных положений в области теории перевода, анализ которых представлен в первой части настоящего пособия.

Часть II – «Теория перевода: основы методологии и техники перевода» состоит из 10 тематических разделов. Основной задачей теоретического материала данной части является ознакомление студентов с теоретико-методологическими проблемами курса теории перевода. Рассматриваются нормативные аспекты перевода, переводческие соответствия, прагматика перевода. Анализируются способы описания процесса перевода, основные принципы техники перевода. Представлены приемы перевода на основе системных эквивалентных соответствий (типология переводческих эквивалентов), переводческие трансформации (трансформационный перевод), приемы передачи безэквивалентных номинаций. Дается анализ проблем перевода научно-технической литературы, принципов работы со словарями. В заключение рассматриваются вопросы этики переводчика, в частности: моральные принципы переводчика; нормы профессионального поведения переводчика; профессиональная пригодность и профессиональные требования; правовой и общественный статус переводчика.

Во II части пособия представлен краткий словарь переводческих терминов.

Рекомендуется изучение тем в предложенной в пособии последовательности, так как учебный материал организован по принципу увеличения трудности и постепенному детализированию информации.

Тема 1. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАУКИ О ПЕРЕВОДЕ

Переводами с одного языка на другой люди пользуются давно, однако никто не может точно сказать, когда был сделан первый перевод, но это произошло тогда, когда осуществилось общение людей, говоривших на разных языках при помощи языка-посредника. Следует заметить, что отношение к переводу было очень противоречивым до появления лингвистической теории перевода в 30-е годы XX столетия. Для одних перевод был увлечением или любимым занятием, для других – перевод был служебной обязанностью, для третьих – перевод был просто невозможным по убеждениям.

Благодаря переводу, люди, говорившие на разных языках, могли общаться в многонациональных государствах, перевод обеспечивал межъязыковую и межкультурную коммуникацию, благодаря переводам распространялись различные учения и религии.

В последние годы изменились взгляды на понятие «культура». Раньше под словом «культура» понимали совокупность материальных и духовных достижений общества, сейчас это слово охватывает все исторические, социальные и психологические особенности сферы деятельности человека.

В работах отечественных и зарубежных ученых подчеркивается та особая роль, которую играет перевод в развитии культуры, науки, экономики, литературы и самого языка общения.

На сегодняшний день перевод сам стал объектом культурологических исследований, и новая концепция культуры накладывает свой отпечаток на эти исследования, однако не следует противопоставлять культурологические исследования языковым. В настоящее время многие лингвистические положения переводятся в разряд культурологических и объясняются различиями в культурах этноса, однако такая замена не решает самих проблем.

Рассматривая вопросы межкультурной коммуникации и перевода, не следует забывать, что основную роль в этих процессах играет переводчик – человек, владеющий одним или несколькими иностранными языками, который обеспечивает межкультурную коммуникацию. Для обеспечения межкультурной коммуникации, переводчик в наше время должен быть не только билингом, но и «бикультурным». Межкультурная коммуникация и перевод неразделимы. Перевод является разновидностью межъязыковой и межкультурной коммуникации.

На протяжении всей истории развития человеческого общества разные народы вступали и вступают в торговые, военные, политические, экономические, культурные, научные и другие отношения друг с другом. В процес-

се общения языки этих народов оказывали и оказывают определенное влияние друг на друга, что приводило и приводит к их изменению, исчезновению одних и появлению других языков. Особую роль в этих процессах играло и продолжает играть двуязычие (bilingualism) и многоязычие (multilingualism) и, соответственно, люди, владеющие двумя (билингвы), и несколькими языками (полиглоты).

Проблемы двуязычия, многоязычия и влияния языков друг на друга привлекали внимание ученых давно, но по-настоящему объяснить эти явления было практически невозможно, потому что языковые системы были изучены недостаточно, и их последовательное сопоставление было затруднено. Долгое время отношение к двуязычию и многоязычию оставалось противоречивым.

Изучая эти проблемы, ученые установили, что двуязычие возникло в эпоху первобытнообщинного строя. В результате войн, которые велись между родами, говорившими на разных языках, захватывались пленные, которые вынуждены были усваивать язык нового рода, но и свой родной язык они не могли сразу забыть, таким образом, они становились билингвами.

Двуязычие в первобытном обществе носило случайный и временный характер, но уже в то время возникла необходимость в переводе с одного языка на другой.

С появлением государственных объединений, таких как Древний Египет, Римская империя, государств Древней Греции, Индии, Ирана, Средней Азии и др., включивших в себя разноязычные племена и народности, возникла необходимость общения между этими народами. Появилась потребность в профессиональных переводчиках. Смешанные браки в этих странах приводили к различным формам двуязычия. Завоевание новых территорий часто приводило к победе языка завоевателей над языком побежденных. Таким примером может служить распространение латыни на правах государственного языка на огромной и разнообразной по этническому составу территории Римской империи – на Пиренеях, во Франции, Альпах, на Балканском полуострове. Латынь видоизменилась и дала начало современным романским языкам.

Особый интерес представляет латинско-греческое двуязычие, которое началось в 146 г. до н.э. с покорения римлянами Греции. Это двуязычие оставило человечеству греко-латинскую научную терминологию, основу терминологии во всех отраслях знания.

Устойчивые формы двуязычия стали возникать в эпоху феодализма. Этому способствовали переход от языческих верований к новым религиям, которые вносили в общество второй, культовый язык и письменность.

В результате войн происходило покорение одного народа другим, и этот фактор лежит в основе франко-английского двуязычия, греко-

турецкого, славяно-турецкого и других форм двуязычия в Османской империи; чешско-немецкого в Чехии; польско-украинского, польско-белорусского, польско-литовского в землях, завоеванных поляками.

В эпоху капитализма двуязычие становится широко распространенным явлением, создаются благоприятные условия для двуязычия. Возникает мода на иностранные языки. В этот период появляются такие многонациональные государства, как Российская империя, Австро-Венгрия, США, в которых язык одной господствующей нации является государственным языком. В колониях страны-метрополии проводят политику, направленную на вытеснение местных языков и культур языком и культурой метрополии. В этот период возникают языки-гибриды, которые представляют собой смешение туземных (местных) языков с каким-либо европейским языком, языком колонизаторов. Примерами таких языков являются «пиджин-инглиш» и креольские языки французского типа в Американско-Карибской зоне и в зоне Индийского океана.

В результате наблюдения за «поведением» языков и их изучения в многонациональных государствах, таких как Великобритания, Франция, Россия, США, уже в прошлом веке ученые пришли к выводу о том, что языки оказывают влияние друг на друга и происходит смешение языков. В 1875 году была опубликована книга И.А. Бодуэна де Куртенэ «Опыт фонетики резьянских говоров И. Бодуэна де Куртенэ», в которой он говорит о смешанном характере языков. Под влиянием языков друг на друга И.А. Бодуэн де Куртенэ понимал конвергентную перестройку языков в ходе контактов. «Влияние смешения языков, – говорил он, проявляется в двух направлениях: с одной стороны оно вносит в данный язык из чужого языка свойственные ему элементы (запас слов, синтаксические обороты, формы, произношение); с другой же стороны оно является причиной ослабления степени и силы различаемости, свойственной отдельным частям данного языка».

Анализ процесса изучения иностранных языков, межъязыкового общения и перевода, практическая работа в этих сферах деятельности подтверждают выводы, сделанные отечественными и зарубежными учеными о том, что языки оказывают влияние друг на друга, а результатом этого влияния могут быть перенос, заимствование и конвергенция.

При заключении торговых сделок между двумя партнерами, говорящими на разных языках (один из которых русский), как правило, используется набор из английских и русских слов и фраз, понятных только этим людям. Если раньше в результате делового общения появился «пиджин-инглиш», вероятно в наше время мы становимся свидетелями появления «пиджин-рашн» (деловой русский).

Общение между деловыми партнерами, говорящими на разных языках, может осуществляться и при помощи переводчиков. В далекие времена та-

ких людей на Руси называли толмачами. В наше время трудно представить себе решение международных вопросов без участия переводчиков.

Практическая деятельность переводчиков и исследования в области перевода дают возможность постоянно пополнять и совершенствовать теорию перевода, однако следует отметить, что до сих пор существуют разные взгляды на теорию перевода и на перевод.

Основы лингвистической теории перевода в нашей стране были заложены Андреем Венедиктовичем Федоровым в 1930-е годы в курсе лекций по теории перевода, читавшемся им в Московском литературном институте имени М. Горького. В книге «О художественном переводе» А.В. Федоров пишет о том, что успешное сочетание теории и практики перевода возможно лишь на широкой филологической основе. Эта работа содержит общие принципы лингвистического подхода к переводу текста, которые получили дальнейшее развитие и уточнение во «Введении в теорию перевода» (1953 г.) и во 2-м (1958 г.) и 3-м переработанном и дополненном издании под названием «Основы общей теории перевода» (Лингвистический очерк) 1968, 1983 и 2002 года.

В основу лингвистической теории перевода А.В. Федорова положено установление определенных закономерностей при помощи сопоставления особенностей словарного состава, грамматического строя и стилистического использования языковых средств французского, немецкого, английского и русского языков и анализа переводческой практики.

Важнейшим положением этой теории является функциональный принцип установления таких соответствий.

Противники лингвистической теории перевода обвиняли А.В. Федорова в формализме, и среди них был один из создателей советской школы художественного перевода, «реалистической теории перевода» И.А. Кашкин. В основу «реалистической теории перевода» он положил познание действительности, стоящей за переводимым текстом и проникновение в так называемый «затекст». Речь идет о художественном переводе и проникновение за текст дает возможность передать полнее мысль автора. Сам И.А. Кашкин признавал необходимость передачи оригинала равноценными средствами, а его «реалистическая теория перевода» строилась на литературоведческой основе, необходимой для художественного перевода, что не обеспечивает критериев равноценности языковых средств. В функциональном плане эти критерии может обеспечить лишь лингвистическая теория перевода.

Следует заметить, что не все согласны с лингвистической теорией перевода. Так, авторы работы «Основы общего и машинного перевода» И.И. Ревзин и В.Ю. Розенцвейг упрекали А.В. Федорова и его последователей в «нормативности», выдвинутой им теории и в том, что эта теория не является чисто лингвистической, поскольку А.В. Федоров пользуется также данными литературоведения. Следует отметить, что нормативным в этой

теории является лишь метод анализа и синтеза, позволяющий исследовать пути реализации основной цели адекватного перевода: воссоздания единства формы и содержания оригинала средствами другого языка.

Использование данных литературоведения свидетельствует о достоинстве теории, нежели о ее недостатке, так как перевод текста не может быть теоретически осмыслен без учета его жанровых особенностей. Процесс перевода является комплексным по своей сущности и не может быть исчерпывающе описан без привлечения данных логики, психологии и стилистики. Поэтому трудно представить лингвистическую теорию перевода в химически чистом виде.

Однако авторы «Основ общего и машинного перевода» считают возможным и объективным осуществление такой теории. Они говорят, что «подобная теория объективна в том смысле, что она не исходит от конкретного устройства двух сопоставляемых языков, а стремится к познанию перевода как естественного процесса, заложенного в самой природе речевого общения, независимо от воли людей, как и безотносительно к тому, участвуют ли в нем люди или машины, или сочетания усилий человека и машины.

Эта теория не связана с каким-то определенным языком и рассчитана «на все времена, для всех народов», что делает ее заманчивой, притягательной и трудной в осуществлении, поскольку способности переводчиков и уровень их подготовки очень разные.

Одним из известных последователей лингвистической теории А.В. Федорова является Я.И. Рецкер, который в своих трудах пишет, что в течение более тридцати лет переводческой, редакторской и педагогической работы по преподаванию перевода в вузе, ему оказывала существенную помощь комплексная лингвистическая теория перевода, разработанная в трудах А.В. Федорова, которого он называет своим учителем.

Теория перевода нужна и обучающемуся переводу, и начинающему переводчику, и переводчику-профессионалу и обучающему переводу. По словам Л.С. Бархударова: «Перевод как учебная дисциплина не может существовать без теории, так как без теоретических обобщений преподавание сводится к трудно контролируемому развитию интуиции, а в худшем случае – к натаскиванию». Профессиональный переводчик сможет плодотворней использовать передовой опыт в своей области и развивать свое мастерство, если он овладел методом критического анализа перевода.

В области теории перевода большого внимания заслуживают работы В.Н. Комиссарова, Л.С. Бархударова, Я.И. Рецкера, В.Н. Крупнова, А.Л. Пумпянского, А.Д. Швейцера, Р.К. Миньяр-Белоручева и др. Теория перевода постоянно пополняется и обогащается новыми авторами и новыми трудами, но не следует забывать, что основы лингвистической теории перевода в нашей стране были заложены Андреем Венедиктовичем Федоровым.

Тема 2. РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

«Всякий предмет человеческого знания, – писал В.Г. Белинский, – имеет свою теорию, которая есть сознание законов, по которым он существует. Сознать можно только существующее, только то, что есть, и потому для создания теории какого-нибудь предмета должно, чтобы этот предмет как данное или уже существовал как явление, или находился в созерцании того, кто создает его теорию»¹. Это философское рассуждение Белинский применяет к переводу. Впервые в российской литературной критике речь идет о неких законах, о теоретических моделях, отражающих перевод как предмет действительности и обобщающих некоторые предшествующие эмпирические представления о переводе.

Понадобилось целое столетие, чтобы современная теория перевода заявила о себе в начале второй половины XX в. как особое научное направление. С тех пор прошло немногим более 50 лет – период, весьма краткий в истории деятельности, которая исчисляется тысячелетиями. Однако для теории перевода этот период оказался плодотворней, чем все предшествующие тысячелетия, на протяжении которых люди использовали перевод в межъязыковой коммуникации, задумывались и спорили о сущности, принципах и закономерностях перевода, не пытаясь создать стройную теорию этого объекта.

Вся история современной науки о переводе укладывается в рамки творческой жизни всего лишь одного поколения. На фоне стремительного развития этой науки в весьма короткий исторический период взгляды на перевод отдельных исследователей естественным образом эволюционировали. Параллельные разыскания, осуществлявшиеся разными переводческими школами, иногда приводили к тому, что об одних и тех же явлениях высказывались аналогичные суждения, но в иных терминах. Поэтому, анализируя современное состояние теории перевода, следует, прежде всего, воздерживаться от каких бы то ни было постулатов и беспопытных суждений о взглядах и теоретических построениях тех или иных исследователей.

Начало бурного развития современной теории перевода связывают с 50 гг. XX в. не случайно. Толчком для ее развития послужили резкие изменения в переводческой практике, произошедшие в середине прошлого века и соответственно общественный интерес к этой деятельности.

Одной из главных причин этих изменений оказалась Вторая мировая война и прямо или косвенно связанные с ней последующие политические события. Война вызвала перемещение по всему миру огромных много-

¹ Белинский В.Г. «Гамлет, принц датский». Драматическое произведение. Сочинение Уильяма Шекспира. Перевод с английского Николая Полевого (1838) // Русские писатели о переводе. М., 1960. С. 196.

язычных человеческих потоков. В большинстве случаев эти перемещения требовали языкового посредничества. Переводчиками поневоле становились люди, мало-мальски владевшие языками других народов. Таким образом, в сферу перевода вовлекалось огромное количество людей самых разных национальностей, ранее даже не задумывавшихся о том, что такая деятельность существует и как она осуществляется. Многие выдающиеся филологи, литераторы, журналисты, до того имевшие опыт перевода художественной, научной, общественно-политической литературы, оказались вовлеченными в сферу совсем иного вида перевода – военного. Русские, немцы, англичане, американцы, французы, итальянцы, японцы и представители других национальностей, говорившие на разных языках мира, став военными переводчиками, столкнулись с непривычными условиями перевода, с новыми для них речевыми жанрами и типами текстов, новыми регистрами языка, а также с особыми требованиями к переводу. Они смогли иначе оценить такие основополагающие категории теории перевода, как адекватность, эквивалентность, верность, точность, вольность, буквальность и т.п.

Востребованность переводческих кадров потребовала ускоренной и интенсивной подготовки молодых специалистов. Для этого были необходимы наиболее эффективные методики обучения иностранным языкам и переводу в особых, «закрытых» условиях, когда не могло даже речи идти о зарубежных языковых стажировках. Но разработка таких методик была возможна только на основе теоретического осмысления того, чем же на самом деле является перевод.

Вторая мировая война закончилась Нюрнбергским процессом – судом над нацистскими военными преступниками, проходившим в Международном военном трибунале в 1945–1946 гг. Именно с этого момента начинает регулярно практиковаться новая форма устного перевода – синхронный перевод. Нюрнбергский процесс считается официальным временем рождения синхронного перевода¹.

После Второй мировой войны возникают новые международные организации, самые мощные и авторитетные из которых – Организация Объединенных Наций (1945), ЮНЕСКО (1946) – объединили многие страны мира. На заседаниях этих международных организаций синхронный перевод становится основной формой обеспечения межъязыкового общения. Переводчики-синхронисты и организаторы перевода столкнулись с целым рядом новых трудностей. Во-первых, им необходимо было координировать два вида речевой деятельности – слушанья и говорения. Во-вторых, они должны были уметь мгновенно переключаться с одного направления перевода на другое, когда выступления прерывались репликами на другом языке. Иногда им приходилось осуществлять перевод с помощью языка-

¹ Гофман Е. К истории синхронного перевода // Тетради переводчика. М., 1963. С. 20.

посредника и решать другие сложнейшие задачи. Это потребовало глубокой теоретической разработки проблем перевода как в его лингвистических, так и в психологических и социальных аспектах.

Вторая мировая война способствовала распаду мировой колониальной системы. Рост национального самосознания народов освобождавшихся стран нередко приводил к отказу, полному или частичному, от использования в общении доминировавших ранее европейских языков. В результате увеличивается число языков, вовлекаемых в сферу регулярного международного общения.

Интенсивная «военно-политическая помощь» народам множества стран потребовала массовой подготовки переводчиков, в том числе и по языкам, считавшимся до того редкими, экзотическими – суахили, индонезийский, дари, пушту и др.

В условиях «холодной войны», начавшейся почти сразу после Второй мировой, создаются военно-политические блоки: в 1949 г. – НАТО (Организация Североатлантического договора), в 1954 г. – СЕАТО (Организация Договора Юго-Восточной Азии), в 1955 г. – СБИТО (Организация Центрального Договора), Организация Варшавского договора и др., объединившие народы многих стран мира.

Все эти международные обмены, независимо от их целей и значимости для истории, повлекли за собой бурный рост переводческой деятельности, для выполнения которой нужно было подготовить огромное число переводчиков. Перевод вышел за пределы кустарничества и постепенно приобретал статус массовой профессии. Интенсивная подготовка профессиональных переводчиков иногда в очень сжатые сроки показала необходимость глубокого теоретического осмысления основных проблем перевода как интеллектуальной деятельности особого рода. Теория перевода становится теоретической базой для разработки эффективных методик обучения профессиональному переводу. Таким образом, она тесно смыкается с методикой обучения иностранным языкам, обращаясь к категориям, традиционно изучавшимся в русле лингводидактики, в частности, к категориям речевой деятельности, интерференции, фоновых знаний и др.

Массовый характер подготовки переводчиков потребовал не только совершенствования методики обучения переводу, тщательной и глубокой разработки теоретических проблем перевода, но и иного взгляда на личность переводчика. Раньше, когда в качестве переводчиков обычно выступали филологи с обширными знаниями, владевшие многими языками, «упражнявшиеся» в разных видах перевода и таким образом самостоятельно развившие переводческие навыки, можно было говорить о плеяде талантливых переводчиков-самоучек. В новых условиях вырастает армия обученных профессионалов, имеющих, однако, узкую специализацию, как по языкам, так и по сферам коммуникации, профессия переводчика становится

ся массовой. Переводчики пытаются укрепить свой социальный статус. Они начинают объединяться в творческие союзы, профессиональные организации, гильдии и т.п., издавать свои органы печати.

В языкознании начинается истинный бум сопоставительных контрастных исследований, осуществлявшихся методом перевода и для перевода, которые, по сути дела, представляли собой частные теории перевода для конкретных пар языков. В поле зрения исследователей уже попадают не только традиционные сочетания постоянно изучающихся языков, но и новые, сравнивающие европейские языки с самыми разнообразными языками народов Африки и Азии.

С появлением первых электронных вычислительных машин еще в середине 40-х гг. возникает идея заставить переводить машину. В самом деле, стремительное нарастание потоков научной, технической, общественно-политической и другой информации на самых разных языках делает весьма затруднительным перевод и обработку текстов обычными «ручными» способами. Даже многотысячные армии переводчиков, как профессионалов, так и «технарей», т.е. специалистов в разных отраслях науки и техники, занимавшихся научно-техническим переводом часто как второстепенной, дополнительной деятельностью, уже не могли справиться с информационной лавиной. Именно в этот период предпринимаются первые попытки машинного (или автоматического) перевода – «автоматизированной обработки информации в условиях двуязычной ситуации»¹.

В 1954 г. проводится так называемый Джорджтаунский эксперимент, в результате которого получен первый перевод небольшого и несложного текста с одного языка на другой. Стремление поручить машине перевод, сложную интеллектуальную задачу, плохо поддающуюся формализации, потребовало интеграции многих наук, «соединения описательно-эвристического подхода, характерного для гуманитарных наук, в частности для языкознания, с объективной и конструктивной методикой, присущей технике и естественным наукам»². Во многих странах создаются научные коллективы, объединяющие лингвистов, математиков, кибернетиков и ученых других отраслей знаний, целью которых было создание действующих систем автоматического перевода. Машинный перевод стимулировал теоретические исследования в области лингвистики, лингвостатистики, инженерной лингвистики и др., представляя собой не только источник важных и интересных научных проблем, но и «полигон» для экспериментальной проверки многих теоретических положений в области перевода в целом. Только с 1954 по 1963 г., т.е. менее чем за 10 лет после Джордж-

¹ Нелюбин Л.Л. Перевод и прикладная лингвистика. М., 1983. С. 10.

² Пиотровский Р.Г. Предисловие к кн.: Нелюбин Л.Л. Перевод и прикладная лингвистика. С. 3.

таунского эксперимента, было опубликовано около 1500 работ, посвященных автоматическому переводу¹.

В середине XX столетия отмечается и новая волна интереса к проблемам культурной антропологии. Активизация деятельности Американского библейского общества, переведившего Библию на языки многих народов мира, вновь обращает внимание исследователей к проблемам языковой и культурной вариативности. Это проблема понимания сообщения, изначально созданного на другом языке, в лоне другой культуры, в другую историческую эпоху, людьми другого языкового сознания, иначе членящего и называющего окружающий человека мир. Теория перевода смыкается с этнографией и историей, антропологией и социологией.

Вопросы теории художественного перевода традиционно продолжают обсуждаться и изучаться в русле литературоведения и литературной критики, где они преимущественно и исследовались на протяжении предшествовавших столетий.

Все это стимулирует возрастание научного интереса к переводу. Вторая половина XX в. ознаменовалась выходом в свет, как в России, так и за рубежом множества работ по теоретическим проблемам перевода, составивших основу современной науки о переводе.

Каково реальное состояние науки о переводе сегодня, каковы ее объект и предмет, по каким путям может пойти ее дальнейшее развитие, на какое место среди других наук может она претендовать?

В отечественной науке о переводе поворотным моментом стала книга А.В. Федорова «Введение в теорию перевода» (1953), в которой впервые давалось аргументированное определение теории перевода как преимущественно лингвистической дисциплины. Федоров признавал, что перевод можно рассматривать и в плоскости других дисциплин, в частности истории культуры и литературы, психологии. «Но поскольку перевод всегда означает работу над языком, постольку перевод всего больше требует изучения в лингвистическом разрезе – в связи с вопросом о характере соотношения двух языков и их стилистических средств»², – утверждал исследователь.

Естественная связь перевода с языком, с речевой деятельностью, с ее продуктом – текстами, составляющими материальную оболочку этой деятельности, т.е. тем, что можно реально подвергнуть анализу, привело к тому, что зародившаяся теория перевода, всё более отдаляясь от литературоведения и литературной критики, испокон веков обсуждавших проблемы перевода и переводной литературы, стала рассматриваться как сугубо лингвистическая дисциплина, точнее, как одна из прикладных отраслей языко-

¹ Кулагина О.С., Мельчук, И.А. Автоматический перевод: краткая история, современное состояние, возможные перспективы // Автоматический перевод. М., 1971. С. 3.

² Федоров А.В. Введение в теорию перевода. М., 1953. С. 13.

знания. Возникла так называемая «лингвистическая теория перевода», в основу которой были положены основные постулаты современной лингвистической науки.

Разочарование в возможностях машинного перевода и представление об «исчерпанности» лингвистической переводческой проблематики на некоторое время охладил интерес лингвистов к проблемам перевода.

Но это ослабление исследовательского интереса к переводу было недолгим. В настоящее время вновь оживился интерес исследователей к теоретическим проблемам перевода. Свидетельством тому является публикация новых монографий, сборников статей, учебников и учебных пособий по переводу. В 1999 г. после десятилетнего перерыва возобновилась публикация научно-теоретического сборника «Тетради переводчика». Союз переводчиков России начал выпускать периодическое издание теоретической и, практической направленности «Мир перевода». Известные переводчики, которым уже надоело «перелагать чужие мысли», сами становятся писателями-мемуаристами¹. Начался очередной бум переводческой проблематики в научных исследованиях, изучающих речевую коммуникацию.

¹ См.: Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М., 1996;
Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода. М., 1997;
Оболенская Ю.Л. Диалог культур и диалектика перевода. М., 1998;
Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. М., 1999;
Тапер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М., 2000;
Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М., 2001;
Алексеева И.С. Профессиональное обучение переводчика. СПб., 2000; М., 2001;
Брандес М.П., Провоторов В.И. Предпереводческий анализ текста. М., 2001;
Латышев Л.К. Технология перевода. М., 2001;
Казакова Т.А. Художественный перевод. СПб., 2002;
Перевод и коммуникация. М., 1997;
Вопросы французского языка и теории перевода. М., 1999;
Университетское переводоведение. СПб., 2000;
Язык и культура. Лингвистика, поэтика, сравнительная культурология, теория перевода. М., 2001

Тема 3. ПОНЯТИЙНАЯ ОСНОВА ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Теория перевода – научная дисциплина, изучающая различными методами и приемами структуру и наиболее общие закономерности перевода – одной из самых древних и весьма популярных в настоящее время видов человеческой деятельности – как профессиональной, так и любительской¹.

Общая теория перевода обычно противопоставляется так называемым частным теориям перевода, которые, в свою очередь, также подразделяются на две большие ветви. Первая из них рассматривает закономерные соответствия форм двух конкретных языков и регулярные способы перехода от одного конкретного языка к другому конкретному языку, и наоборот. Так, например, можно говорить о частной теории перевода английского и русского, французского и английского, русского и китайского и других пар языков. Такие частные теории перевода наиболее тесно смыкаются с контрастивной лингвистикой.

Вторая ветвь изучает частные закономерности определенных видов переводческой деятельности, свойственные именно этим видам, но отличающие их от других. Так, существует теория художественного перевода, теория устного перевода и т.п. Теоретические исследования этого направления иногда называют специальными теориями перевода. К этому направлению относятся теоретические исследования особенностей перевода речевых произведений различного содержания и разных речевых жанров, например, теории военного перевода, юридического, медицинского, технического и т.п.

Общие закономерности перевода как интеллектуальной деятельности, характерные для любого перевода, независимо от сопоставляемой пары языков, от формы переводческой деятельности и условий ее протекания, от содержания и прагматической направленности переводимых речевых произведений, изучаются общей теорией перевода.

Как ни парадоксально, эта древнейшая и сложнейшая деятельность имеет весьма молодую теорию, сравнимую по возрасту с генетикой и кибернетикой.

В настоящее время существует значительное количество определений перевода. Каждый исследователь, стремящийся разработать собственную теорию, как правило, дает свое определение объекта исследования.

Французский переводчик и теоретик перевода Э. Кари объясняет трудности в определениях перевода следующим образом: «Понятие перевода, в самом деле, очень сложно, и не только потому, что в наше время оно приобрело столь удивительное многообразие, но также потому, что оно беспрестанно изменялось на протяжении столетий. Возможно, именно это затрудняло размышления многих авторов, которые, соглашаясь с мнением

¹ Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

предшественников либо оспаривая их, не замечали, что не всегда говорили об одном и том же»¹.

Действительно, перевод предстает как чрезвычайно сложное и многостороннее явление, описать все сущностные стороны которого в одном, даже очень развернутом, определении весьма сложно, если вообще возможно. Прежде всего, следует иметь в виду, что само слово перевод является многозначным и даже в пределах данной научной дисциплины соотносится, по меньшей мере, с двумя различными понятиями: перевод как некая интеллектуальная деятельность, т.е. процесс, и перевод как результат этого процесса, продукт деятельности, иначе говоря, речевое произведение, созданное переводчиком. Иногда, чтобы избежать двусмысленности, в строгих научных описаниях используют заимствованный из английского языка термин «транслят», призванный обозначать продукт переводческой деятельности. Вряд ли следует считать этот термин удачным именно в силу его чужеродной формы. Более того, контекст научного описания, как правило, позволяет безошибочно определить, идет ли речь о деятельности или о продукте.

Слово «перевод» имеет несколько различных значений. В толковом словаре русского языка указано 5 значений этого слова. Но даже когда слово «перевод» употребляется в смысле «перевод с одного языка на другой», оно и в этом случае может толковаться двояко:

а) перевод как результат определенного процесса. Например: Он читал Шекспира в переводе.

Текст, полученный в результате перевода, называют транслятом.

б) перевод как сам процесс, т.е. как действие от глагола «переводить».

Преимущественно в этом втором значении термин «перевод» будет употребляться в дальнейшем.

Говоря о процессе перевода, мы будем рассматривать его в лингвистическом плане, т.е. как определенного вида межъязыковое преобразование или трансформацию текста на одном языке в текст на другом языке.

В настоящее время существует несколько определений перевода в лингвистическом плане, основанных на положении А.В. Федорова о том, что «перевод – это передача текста письменной или устной речи средствами другого языка». Результат перевода – текст оригинала, переданный средствами другого языка. Из нескольких определений перевода, приводимых в словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой, особый интерес представляют следующие:

2-е значение: «Перевод – передача информации, содержащейся в данном произведении речи, средствами другого языка»;

3-е значение: «Перевод – отыскание в другом языке таких средств выражения, которые обеспечивали бы передачу на него не только разнооб-

¹ Cary E. Comment faut-il traduire? Lille, 1986. P. 81.

разной информации, содержащейся в данном речевом произведении, но и наиболее полное соответствие нового текста первоначальному также и по форме (внутренней и внешней), что необходимо в случае художественного текста, а также при передаче на другом языке понятий, которые не получили в нем устойчивого выражения».

Перевод отличается от сокращенного изложения, пересказа и других форм воспроизведения текста тем, что он является процессом воссоздания единства содержания и формы подлинника. При переводе с одного языка на другой необходимо учитывать действие одних и тех же логико-семантических факторов для передачи смыслового содержания текста, сохранив при этом его стилистические, экспрессивные и другие особенности в соответствии с нормами данного языка.

Приведем некоторые определения перевода, принадлежащие известным ученым, и проанализируем, как отражаются в них те или иные стороны интересующего нас объекта:

А.В. Федоров¹:

«Перевод рассматривается, прежде всего, как речевое произведение в его соотношении с оригиналом и в связи с особенностями двух языков и с принадлежностью материала к тем или иным жанровым категориям».

«Перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка».

«Процесс перевода, как бы он быстро ни совершался в отдельных, особо благоприятных или просто легких случаях, неизбежно распадается на два момента».

А.Д. Швейцер²:

«Перевод может быть определен как: однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде... Процесс, характеризующийся установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемой различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями».

М. Ледерер³:

«При переводе недостаточно понять самому, нужно, чтобы поняли другие. По определению, перевод распадается на две части, восприятие смысла и его выражение».

Я.И. Рецкер⁴:

¹ Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1983. С. 10

² Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М., 1988. С. 75.

³ Lederer M. Interpreter pour traduire. Paris, 1997. P. 31

⁴ Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974. С. 7.

«Задача переводчика – передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности. Под «целостностью» перевода надо понимать единство формы и содержания на новой языковой основе. Если критерием точности перевода является тождество информации, сообщаемой на разных языках, то целостным (полноценным или адекватным) можно признать лишь такой перевод, который передает эту информацию равноценными средствами. Иначе говоря, в отличие от пересказа перевод должен передавать не только то, что выражено подлинником, но и так, как это выражено в нем. Это требование относится как ко всему переводу данного текста в целом, так и к отдельным его частям».

Ж. Мунен¹:

«Перевод – это контакт языков, явление билингвизма. Но этот очень специфический случай билингвизма, на первый взгляд, мог бы быть отброшен как неинтересный в силу того, что он отклоняется от нормы. Перевод хотя и является бесспорным фактом контакта языков, будет поэтому описываться как крайний, статистически очень редкий случай, когда сопротивление обычным последствиям билингвизма более сознательно и более организовано. Это случай, когда билингв сознательно борется против всякого отклонения от нормы, против всякой интерференции».

«Перевод (особенно в области театрального искусства, кино, интерпретации), конечно, включает в себя откровенно нелингвистические, экстралингвистические аспекты. Но всякая переводческая деятельность, Федоров прав, имеет в своей основе серию анализов и операций, восходящих собственно к лингвистике, которые прикладная лингвистическая наука может разъяснить точнее и лучше, нежели любой ремесленный эмпиризм. Если угодно, можно сказать, что, подобно медицине, перевод остается искусством, но искусством, основанным на науке».

В.С. Виноградов²:

«Нужно согласиться с мыслью, что перевод – это особый, своеобразный и самостоятельный вид словесного искусства. Это искусство «вторичное», искусство «перевыражения» оригинала в материале другого языка. Переводческое искусство, на первый взгляд, похоже на исполнительское искусство музыканта, актера, чтеца тем, что оно репродуцирует существующее художественное произведение, а не создает нечто абсолютно оригинальное, тем, что творческая свобода переводчика ограничена подлинником. Но сходство на этом и кончается. В остальном перевод резко отличается от любого вида исполнительского искусства и составляет особую разновидность художественно-творческой деятельности, своеобразную форму «вторичного» художественного творчества».

¹ Mounin G. Les problemes meoriques de la traduction. Paris, 1963. P. 4

² Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М., 1978. С. 8.

Р.К. Миньяр-Белоручев¹:

«Объектом науки о переводе является не просто коммуникация с использованием двух языков, а коммуникация с использованием двух языков, включающая коррелирующую между собой деятельность источника, переводчика и получателя. Центральным звеном этой коммуникации является деятельность переводчика или перевод в собственном смысле этого слова, который представляет собой один из сложных видов речевой деятельности».

«Перевод как бы удваивает компоненты коммуникации, появляются два источника, каждый со своими мотивами и целями высказывания, две ситуации {включая положительную и отрицательную ситуации}, два речевых произведения и два получателя. Удвоение компонентов коммуникации и является основной отличительной чертой перевода как вида речевой деятельности. Удвоение компонентов коммуникации создает свои проблемы. Двумя важнейшими из них являются проблема переводимости и проблема инварианта в переводе».

Л. С. Бархударов²:

«Перевод можно считать определенным видом трансформации, а именно межъязыковой трансформации».

Какие же сущностные признаки перевода могут быть выведены из приведенных выше определений? Итак, перевод – это:

- речевое произведение в его соотношении с оригиналом;
- выражение того, что было уже выражено средствами другого языка, перевыражение;
- процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации;
- коммуникация с использованием двух языков, контакт языков, явление билингвизма;
- вид речевой деятельности, в котором удваиваются компоненты коммуникации;
- двухфазный процесс, так как он распадается на две части, на два момента;
- межъязыковая трансформация;
- вид словесного искусства; искусство, основанное на науке.

Перевод как речевое произведение, т.е. как текст, интересен для теории перевода именно как величина относительная. Однако относительный характер текста перевода состоит не только в том, что он должен рассматриваться в соотношении с оригиналом. Разумеется, текст перевода – это единственная материализованная сущность, которая при сопоставлении с исходным речевым произведением позволяет приоткрыть завесу над тайной переводческой деятельности, выявить ее механизмы, смоделировать

¹ Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М., 1996. С. 25.

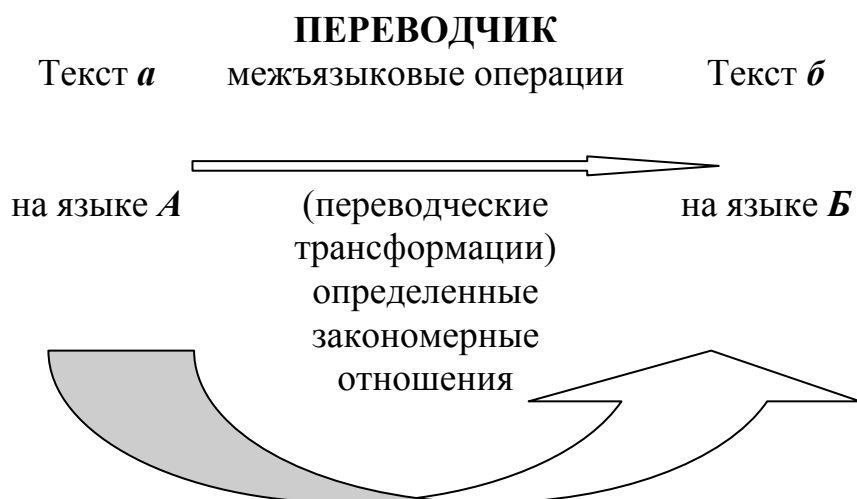
² Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975. С. 6.

ее. Любой перевод всегда предполагает оригинал. Из этого следует, что отношение оригинал / перевод есть объективная необходимость, некая постоянная, отражающая сущность данного явления. В то же время, перевод представляет собой речевое произведение, оказывающееся в одном ряду с другими речевыми произведениями, существующими и постоянно возникающими в среде переводящего языка и переводной культуры. Перевод всегда соотносится с этими речевыми произведениями и оценивается нередко только по отношению к ним, например литературной критикой.

Следует различать учебный перевод и профессиональный перевод.

Учебный перевод связан с расшифровкой иноязычного текста с целью его понимания, и он дает возможность постичь основы иностранного языка, приемы, методы и технику перевода, углубить свои знания в языке с учетом выбранной специальности.

Профессиональный перевод – особая языковая деятельность, направленная на воссоздание подлинника на другом языке. Эта деятельность требует специальной подготовки, навыков и умений. Термин «преобразование» нельзя понимать буквально. Сам исходный текст, конечно, остается неизменным, но наряду с ним и на основе его создается другой текст на ином языке, который мы называем переводом. Иными словами, речь идет об определенном отношении между двумя языковыми или речевыми единицами, из которых одна является исходной, а вторая создается на основе первой. Имея исходный текст *a* на языке *A*, переводчик, применяя к нему определенные операции (переводческие трансформации), создает текст *b* на языке *B*, который находится в определенных закономерных отношениях с текстом *a*.

В своей совокупности эти межъязыковые операции и составляют то, что мы называем «процессом перевода» в лингвистическом смысле. Таким образом, перевод можно считать определенным видом трансформации, а именно, межъязыковой трансформацией.

Суммируя, можно сказать, что предметом лингвистической теории перевода является научное описание процесса перевода как межъязыковой трансформации, то есть преобразования текста на одном языке в эквивалентный ему текст на другом языке.

Задача лингвистической теории перевода – моделирование процесса перевода в указанном выше смысле, то есть построение определенной модели процесса перевода, или иными словами, некоторой научной схемы, отражающей существенные стороны этого процесса.

Поскольку речь идет о теоретическом моделировании, то теория перевода, как любая теоретическая модель, отражает не все, а лишь наиболее существенные черты описываемого явления. Теория перевода рассматривает не любые отношения на языке подлинника и языке перевода, а лишь отношения закономерные, то есть типические, регулярно повторяющиеся.

Однако, при сопоставительном анализе текста подлинника и текста перевода вскрывается большое количество отношений единичных, нерегулярных, устанавливаемых только для данного конкретного случая.

Такие единичные, «незакономерные» соответствия не поддаются обобщению, и лингвистическая теория перевода не может учитывать их в своих построениях. Эти «незакономерные» соответствия представляют наибольшую трудность для переводчиков. В умении находить индивидуальные, единичные, не предусмотренные теорией соответствия и заключается творческий характер переводческой деятельности.

С другой стороны, по мере развития переводческой теории многие явления, которые в начале представлялись индивидуальными, нерегулярными, постепенно получают объяснение и включаются в объект рассмотрения теории перевода.

Как и в любой теоретической дисциплине, в теории перевода имеет место построение не одной, а целого множества моделей, по-разному отображающих моделируемый процесс.

В современной теории перевода существует целый ряд моделей перевода. Все они верны по-своему, так как моделируют одно и то же явление, но с разных сторон. Разумеется, ни одна из них не может претендовать на абсолютную истинность или универсальность.

Существующие модели перевода не исключают друг друга – они во многом совпадают и дополняют друг друга, и вместе дают представление о сложном процессе перевода во всем его многообразии.

Таким образом, потребность переводчика в знании теории перевода объясняется следующими причинами:

Во-первых, знание теории перевода помогает переводчику убедиться в том, что его решение объективно.

Во-вторых, обсуждение практических, прикладных проблем перевода на современном уровне вынуждает переводчика употреблять некоторые термины теории перевода: транслятор, инвариант, переводческая компетентность, концепция нормативно-содержательного соответствия. Это необходимо, поскольку уровень изложения с использованием терминов наиболее компактен и позволяет с помощью одного слова обозначить целое комплексное явление, формализованное посредством теории перевода.

В-третьих, любая профессия, даже самая практическая, в современном цивилизованном мире не терпит «винтиков», которые слепо исполняют свои функции, не понимая, что делают. Наличие таких «винтиков» наносит вред и всему обществу, и индивидуальности каждого такого исполнителя. Современные представления о человеке требуют, чтобы, исполняя свою роль, он знал общие ее особенности, ее суть.

В данном случае современному переводчику как представителю человечества нельзя не знать ничего о процессе перевода и его результатах на языке теоретических обобщений. Современная жизненная практика свела профессиональное теоретическое знание к необходимому минимуму.

Тема 4. СУЩНОСТЬ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА

Процесс перевода определяется как трансформация текста на одном языке в текст на другом языке. При переводе всегда имеются два текста (или два речевых произведения), из которых один является исходным, а второй создается на основе первого путем межъязыковых трансформаций. Язык текста подлинника называют исходным языком, сокращенно ИЯ. Язык текста перевода принято называть переводящим языком, сокращенно ПЯ. Качество перевода определяется его адекватностью, или полноценностью. «Полноценность перевода означает исчерпывающую точность в передаче смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему».

Понятие «полноценное функционально-стилистическое соответствие подлиннику» достаточно ясно указывает на два возможных пути передачи формы в единстве с содержанием: воспроизведение особенностей формы подлинника и создание функциональных соответствий этим особенностям. Следовательно, наряду с передачей особенностей формы подлинника необходимо учитывать стиль, характерный для данного материала, а не буквально копировать форму оригинала. Следует помнить, что при переводе отдельные лексические и грамматические элементы подлинника могут передаваться различными вариантами, если они приемлемы с точки зрения адекватности оригинала. Адекватность перевода отдельных фраз, предложений и абзацев следует рассматривать в плане достижения адекватности перевода всего оригинала в целом, так как не только части создают целое, но и целое определяет части. Для того чтобы сделать полноценный перевод, переводчику приходится преодолевать целый ряд трудностей. Решение вопроса о переводимости и трудностях перевода в психолингвистическом плане связано с вопросом о взаимоотношении между языком, мышлением и ориентацией переводчика. Если исследователь перевода считает, что мышление у всех людей имеет универсальный, общечеловеческий характер, то он будет понимать проблемы перевода и переводческие трудности в одном плане. Если же он считает, что в мышлении людей, пользующихся разными языками, имеются существенные различия, то в работе такого исследователя проблемы переводимости и перевода будут освещаться по-иному. Суть вопроса заключается в решении проблемы познания мира, связанной с различным мировоззрением.

А.В. Федоров в своем труде «Введение в теорию перевода» отмечает, что именно этим и объясняется ожесточенность происходящих споров по вопросам переводимости и непереводимости текста. При наличии определенных знаний, соответствующих пособий и словарей можно сделать адекватный, или полноценный перевод любого текста.

Понятие эквивалентности перевода

Базовым понятием переводческой теории является понятие эквивалентности. Очевидно, не всякая замена текста на одном языке текстом на другом языке является переводом. Чтобы иметь право называться переводом (транслятом), текст на ПЯ должен содержать в себе что-то такое, что содержится и в тексте на ИЯ. Иначе говоря, при замене текста на ИЯ текстом на ПЯ должен сохраняться какой-то определенный инвариант.

Понятие «инвариант» заимствовано из языка математики. В математике существуют такие преобразования, в ходе которых меняется само математическое выражение, а его содержательная сущность остается неизменной. В этом случае математики говорят об инвариантном преобразовании. Инвариант – та неизменяемая содержательная сущность, которая остается сама собой в ходе различных преобразований самого выражения.

В процессе перевода происходит тоже преобразование речевого сообщения (текста), содержательная сущность которого остается без изменения. Поэтому можно говорить об инварианте перевода. Инвариант перевода – неизменное содержание мысли со всеми ее оттенками; это исходное содержание мысли полностью сохраняется в тексте перевода (трансляте).

Инвариант – такое понятие, которое человек создал в своем сознании, изучая процессы преобразования выражений. Сам инвариант не может быть выделен в материальную оболочку. Его можно лишь мысленно ощутить, но представить нельзя, так как он существует только в своих вариантах. Реальной сущностью инварианта является всегда какой-то вариант. Одну и ту же мысль можно выразить несколькими вариантами. Например:

1. Обучение переводу дело сложное.
2. Обучить переводу совсем непросто.
3. Крайне сложно осуществить обучение искусству перевода.
4. Научить переводить отнюдь нелегко.

Это происходит в пределах одного языка, так как одно и то же содержание мысли всегда можно выразить по-разному. Следовательно, инвариант – это известная абстракция объективно существующей закономерности человеческого мышления, которая выражается в том, что между содержанием мысли и ее словесным выражением нет взаимнооднозначного соответствия. Оно отсутствует потому, что мышление и язык – это не одно и то же, что они связаны, но представляют собой разные явления сознания. Неизменным остается инвариант мысли, который в случае перевода мы называем инвариантом перевода. Инвариант перевода складывается из эквивалентности смыслов и тождественности функции речевых произведений оригинала и транслята.

Мера сохранения этого инварианта и определяет собой меру эквивалентности текста перевода тексту подлинника. Необходимо определить, что же остается инвариантным в процессе перевода.

При решении этой задачи нужно исходить из того, что язык – система знаковая. А каждый знак имеет двусторонний характер: план выражения (форму) и план содержания (значение). Разные языки содержат единицы, различающиеся в плане выражения (то есть по форме), но совпадающие в плане содержания (то есть по значению). На самом деле, поскольку минимальным текстом обычно является предложение, постольку процесс перевода всегда осуществляется в пределах минимум одного предложения. При переводе на уровне предложения, как правило, устраняется несовпадение между единицами разных языков в плане содержания.

Явление интерференции в переводе

В языкознании проблема интерференции обычно рассматривается в рамках языковых контактов и под интерференцией понимается «нарушение билингвом (человеком, владеющим двумя языками) норм и правил соотношения двух контактирующих языков». В лингвистическую литературу термин «интерференция» был введен учеными Пражского лингвистического кружка, однако широкое признание этот термин получил после выхода в свет монографии У. Вайнрайха «Языковые контакты».

Необходимыми условиями для проявления интерференции являются двуязычие или многоязычие и языковой контакт. Местом проявления лингвистической интерференции является сам человек, выполняющий перевод с одного языка на другой, когда он пытается компенсировать какие-то элементы, явления и функции одной языковой системы, элементами, явлениями и функциями из другой, что может привести к акценту, буквализму, искажению смысла и к различным отклонениям от оригинала, а может и помочь при переводе.

До 1950-х годов интерференция в отечественной психолингвистике рассматривалась исключительно как отрицательное влияние ранее усвоенных навыков на последующее приобретение новых в условиях двуязычия. Однако в настоящее время интерференция рассматривается уже не только как отрицательное, но и как положительное влияние, которое может прослеживаться в сфере умений, навыков, знаний и даже памяти. Соответственно, можно говорить об интерференции положительной и отрицательной. В этом ключе толкуется понятие «интерференция навыков» и К.К. Платоновым, который при этом проводит аналогию с физической интерференцией: «Как в физике интерференция волн, интерференция навыков дает и ослабление, и усиление новых навыков под влиянием уже имеющих».

В работе «Проблема интерференции в теории перевода» В.Н. Комиссаров пишет о том, что в теории перевода следует рассматривать все виды интерференции при переводе: как нежелательные, так и целесообразные.

Таким образом, принимая во внимание теоретические положения и практические достижения в области изучения интерференции, под лингвистической интерференцией следует понимать и взаимовлияние контактирующих языков, которое может быть как отрицательным, так и положительным и выражается в отклонениях от нормы в одном языке под влиянием другого (при отрицательной интерференции) и в приобретении, закреплении и усилении навыков в одном языке под влиянием другого (при положительной интерференции). Более упрощенно под лингвистической интерференцией следует понимать вмешательство элементов одной языковой системы в другую, которое может быть как конструктивным, так и деструктивным.

В отечественной и зарубежной литературе лингвистическую интерференцию рассматривают на пяти уровнях:

- фонетическом;
- морфологическом;
- синтаксическом;
- лексическом;
- семантическом.

Однако практика показывает, что при изучении специального перевода и в работе начинающих переводчиков интерференция является практически на всех уровнях и может быть:

1. Звуковая, или звукоподражательная, (фонетическая, фонологическая и звуковая – репродукционная) интерференция.
2. Орфографическая интерференция (вмешательство элементов другой языковой системы при написании слов).
3. Грамматическая (морфологическая, синтаксическая и пунктуационная) интерференция.
4. Лексическая интерференция.
5. Семантическая интерференция.
6. Стилистическая интерференция.

Под влиянием переводящего языка может проявляться внутриязыковая интерференция.

Иногда в отечественной литературе встречаются сложные образования, такие как лексико-семантическая интерференция и др., потому что семантическую интерференцию могут вызвать лексические, грамматические, фонетические и другие отклонения при переводе с одного языка на другой. Полезная интерференция может проявляться на тех же уровнях при использовании положительно интерферирующих элементов (интерферентов) одной языковой системы в другой (морфем, слов, выражений и т.д.

Изучая перевод как процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, как коммуникацию с использованием двух языков, как контакт языков, со всей очевидностью можно обнаружить межъязыковую и межкультурную асимметрию. Сегодня, пожалуй, никто не сомневается в том, что любой из современных языков способен выразить, описать любой фрагмент реальной действительности. Р. Якобсон рассматривал заявления о «непереводимости», которые время от времени провозглашаются скептиками как попытки разрубить «гордиев узел» множества запутанных проблем теории и практики перевода. «Весь познавательный опыт и его классификацию, – утверждал он, – можно выразить на любом существующем языке»¹.

В подтверждение этого можно вспомнить, что на сегодняшний день Библия, представляющая собой исчерпывающую антологию ситуаций, типов, сюжетов, моралей, которые в несколько измененном виде лишь повторяются во всей последующей мировой литературе, переведена более чем на 2000 языков мира.

Но никто не сомневается и в том, что языки отражают действительность по-разному, асимметрично. Когда в переводе языки оказываются в контакте, когда при описании какого-либо фрагмента действительности значения одного языка с необходимостью определяются через значения другого, асимметрия проявляется наиболее отчетливо. Можно обнаружить, что языки по-разному членят действительность, различно описывают одни и те же явления и предметы, обращая внимание на разные их признаки. Люди разных культур по-разному выражают радость и отчаяние, любовь и ненависть, для них по-разному течет время, по-разному мир «звучит» и окрашивается в цвета. У одних есть предметы, отсутствующие у других, одни до сих пор активно используют то, что уже давно вышло из употребления у других. Но люди иных культур и иного языкового сознания способны понять эти различия. Поэтому если рассматривать перевод только как способ описания той же самой действительности средствами иного языка, то проблема перевода оказывается довольно легко решаемой и вопрос о «переводимости» не возникает.

Но перевод – это перевыражение. Если любое речевое произведение представляет собой в известном смысле материальное оформление отражения фрагмента действительности сознанием индивида, то перевод является отражением отражения. Он отражает фрагмент действительности не непосредственно, а как уже осмысленный сознанием другого, ведь переводим мы не описание факта, а мысль о факте. Насколько точно можно и нужно передавать мысли другого в переводе, где предел переводческой «верности», когда, напротив, перевод становится «предательством»²?

¹ Якобсон Р. Избранные работы. М, 1985. С. 364.

² Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

Определения перевода позволяют обрисовать в общих чертах и фигуру переводчика. Переводчик – это, по меньшей мере, двуязычная личность, обращенная одновременно к двум культурам. Переводчика иногда пренебрежительно называют «службой двух господ», но если речь идет о двух культурах, которым служит переводчик, то обидного в таком определении ничего нет. Ж. Мунен определил перевод как особый случай билингвизма. Особенность переводческого билингвизма, на наш взгляд, состоит, во-первых, в том, что переводческий билингвизм имеет, как правило, асимметричный характер. У большинства переводчиков доминирует один язык, данный ему от рождения, и одна культура, впитанная вместе с этим языком. Этот язык и эта культура подчиняют себе другие, с которыми переводчику приходится сталкиваться в переводе. Через призму доминирующего языка и доминирующей культуры понимаются смыслы, заключенные в речевых произведениях на другом языке, воспринимаются факты иной культуры. Во-вторых, в процессе перевода оба языка присутствуют в акте речи и функционируют одновременно.

В коммуникативном акте с переводом все гораздо сложнее, чем в обычной коммуникации на одном языке. Многие составляющие коммуникативного акта удваиваются. Центральная фигура этого акта коммуникации – переводчик – постоянно меняет свои роли, становясь то получателем речи, то отправителем, видоизменяется форма сообщения. Само сообщение также не остается неизменным. В нем непременно что-то теряется, что-то появляется новое.

Считается, что перевод осуществляется в два этапа – восприятие смысла и его выражение. В какой же момент происходит преобразование смысла? Или смысл исходного сообщения остается неизменным? Но тысячелетняя практика перевода свидетельствует о том, что это не так. Что же остается в переводе, можно ли установить некий инвариант смысла, наличие которого необходимо для того, чтобы конкретная процедура могла быть определена как перевод? Какими единицами оперирует переводчик, переходя от восприятия речи к ее порождению, совпадают ли они с единицами языка, или с квантами информации, или еще с какими бы то ни было сущностями?

Процесс перевода определяют как процесс межъязыковой трансформации. Но что трансформируется в переводе? Возможен ли перевод без трансформирования? Что лежит в основе переводческих операций? Поддаются ли они исчислению и типологическому представлению?

Можно ли считать переводом любую передачу смысла исходного речевого произведения средствами иного языка или же перевод – это только особый вид межъязыковой речевой деятельности? Взгляды на перевод варьируют: от максимально широкого, которого придерживался, например, Шлегель, писавший, что «человеческий ум может только одно – перево-

дить»¹, до максимально узкого, различающего перевод и интерпретацию и отказывающего устному переводу в статусе «перевода».

Любое определение перевода, если необходимо придать ему лаконичную форму, будет страдать некоторой односторонностью. Слишком сложное явление, слишком противоречивы его интерпретации, слишком неоднозначно отношение к нему общества.

По мнению французского переводчика, писателя и теоретика перевода Валери Ларбо «в истинном переводчике непременно сочетаются ценнейшие и редчайшие человеческие качества: самоотречение и терпение, даже милосердие, скрупулезная честность и ум, обширные знания, богатая и проворная память»². И если каких-то из этих добродетелей и качеств может и не хватать даже у лучших умов, то ими никогда не бывают наделены посредственности.

К этой исключительно точной оценке личности переводчика следует добавить, что если у человека, всерьез решившего заниматься переводом, каких-либо из этих качеств пока и не хватает, они могут быть развиты в процессе обучения переводу, ведь обучение переводу не только прививает определенные профессиональные знания и навыки, развивает красноречие, о чем писали еще Цицерон и Квинтилиан, но и воздействует на человека нравственно, формирует из него сильную, психически устойчивую, этически выдержанную и разносторонне образованную личность³.

Для того чтобы освоить все тонкости непростого переводческого дела, стать настоящим мастером, необходимо, прежде всего, познакомиться с тем, что делали предшественники на протяжении не менее двух тысячелетий, т.е. того периода, о котором в истории перевода сохранились хоть какие-то свидетельства. Опыт предшественников позволяет, прежде всего, увидеть неразрывную связь переводческой деятельности со всей жизнью общества, место и роль перевода в развитии цивилизации. Овладение этим опытом предохраняет от повторения ложных шагов, которые иногда совершали даже выдающиеся мастера своего дела в поисках решений труднейших проблем перевыражения смыслов, заключенных в знаках другого языка, отражающих иное видение мира, иной опыт мирозерцания, иной ход суждений.

Исторический опыт дает возможность убедиться в том, что в переводе, в подходах к оценке качества перевода, верности и точности существуют цикличность и мода, что одни и те же решения в разные эпохи оцениваются противоположно, что переводческая практика всецело зависит от состояния словесности народа, на язык которого осуществляется перевод, от

¹ Цит. по: Копанев, П.И. Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск, 1972. С. 185.

² Larbaud V. Sous invocation de Saint-Jerome. Paris, 1946.

³ Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

представлений общества о красивом и правильном. И, наконец, изучение опыта переводчиков прошлого показывает, что многие из современных проблем теории перевода поднимались неоднократно на протяжении всей истории этой деятельности, так и не получив окончательного разрешения. Перевод как сложнейшая интеллектуальная деятельность представляет собой объект изучения многих научных дисциплин. Не только лингвистика, литературоведение и литературная критика, история языка и литературы изучают перевод. Некоторые аспекты переводческой деятельности изучаются психологией, социологией, религиоведением, кибернетикой, информатикой и другими научными дисциплинами. Но у данной деятельности есть своя собственная теория, особая научная дисциплина, пользующаяся методами других наук и накопленными ими знаниями, но имеющая свой собственный предмет – установление закономерностей переводческих преобразований, обнаружение объективных причин переводческих решений и разработка их типологий. Теорию перевода можно определить как фундаментальное научное знание о подобии, о подобии вещей реального мира, о подобии отражения человеческим сознанием реального мира, о подобии выразительных возможностей человеческих языков. Подобие всегда относительно. Степень относительности варьирует от объекта к объекту, от языка к языку, от культуры к культуре¹.

Переводчик находит подобие в море разнообразного, подобие, которое может быть воспринято человеком иной культуры, иного языка, иной исторической эпохи. Многочисленные приемы и операции, к которым прибегает переводчик для установления такого подобия, составляют в совокупности методологию перевода, овладение которой необходимо даже исключительно талантливому человеку, тонко чувствующему все мельчайшие нюансы значений, смыслов, ситуаций. Если даже относится к переводу как к искусству, то это искусство, по справедливому утверждению Ж. Мунена², основано на науке. Методологию перевода можно разработать, ей можно обучить, как можно научить от природы талантливого композитора нотной грамоте, талантливого живописца – технике живописи и т.п.

¹ Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

² Mounin G. Les problemes meoriques de la traduction. Paris, 1963. P. 4.

Тема 5. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ХАРАКТЕР ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Теория перевода и литературоведение

Развитие лингвистической теории перевода сопровождалось ее резким отмежеванием от литературоведческой теории перевода, а, следовательно, всего того донаучного и научного опыта, который накопила литературная критика за многие столетия существования художественного перевода. Разумеется, в литературоведческой теории или, точнее, в теоретических взглядах на художественный перевод, которые можно обнаружить в работах литературных критиков, в специальных работах по теории художественного перевода, а также в многочисленных предисловиях, комментариях, дневниках, письмах и т.п. писателей и поэтов, занимавшихся переводами, не все так точно и научно обосновано, как в лингвистических работах по переводу. Но в них есть то, чего недостает большинству лингвистических исследований перевода и лингвистической теории перевода в целом – они пытаются охватить и сравнить весь текст художественного произведения в его оригинальном и переводном вариантах.

Оценивая перевод, писатели-переводчики, прежде всего, обращают внимание на то, какое впечатление оказывает на них как на читателей текст перевода по сравнению с текстом оригинала, создает ли он то же настроение, вызывает ли те же эмоции. Конечно, категории впечатления, настроения, эмоций недостаточно конкретны и с большим трудом поддаются точному анализу. Но именно несоответствие в восприятии оригинального и переводного текстов, подкрепленное конкретными примерами переводческих неудач, и вызвало к жизни так называемый переводческий скептицизм, т.е. отрицание возможности качественного полноценного перевода художественного текста на другой язык.

В теории текста неоднократно делались попытки представить текст как систему, т.е. как совокупность взаимосвязанных элементов, образующую некое единство. Учитывая, что практически каждый объект реальной действительности может быть представлен через понятие системы, вполне можно согласиться с тем, что текст – это определенная система. При этом необходимо распространить на него основные принципы, свойственные всякой системе, а именно принципы целостности, структурности, взаимозависимости со средой, иерархичности, множественности описания и др.

Если рассматривать текст как систему, которую мы должны воспроизвести иными средствами, а именно средствами языка перевода, то можно увидеть, что современная теория перевода достаточно полно показывает пути преобразования структуры текста оригинала в переводе, а точнее, правила перевода отдельных элементов структуры: известны способы пе-

ревода различных трупп слов и преобразования синтаксических конструкций, способы достижения соответствующего коммуникативного (актуального) членения и передачи отдельных стилистических эффектов. Но способны ли мы увидеть текст оригинала как некий целостный объект? В чем его целостность? Ведь целостность системы в принципиальной несводимости ее свойств к сумме свойств составляющих ее элементов и невыводимости из них свойств системы в целом. Видим ли мы текст оригинала как некий реально существующий объект в реальной среде, способствовавшей или обусловившей его появление на свет, либо, напротив, противодействовавшей его появлению? Можем ли мы установить его взаимосвязь с этой средой, т.е. с окружающей действительностью, учитывая, что действительность, простирающаяся перед взором автора оригинала, совсем не та, что видит перед собой переводчик? Способны ли мы сейчас в полной мере оценить иерархичность той системы, которая предстает перед нами в виде текста оригинала? Ведь иерархичность системы – это не только свойство ее компонентов представлять собой некие подсистемы (достаточно вспомнить о слове с присущей ему системой значений), но и включенность в качестве элемента в систему более широкого плана. На все эти вопросы современная теория перевода может дать лишь фрагментарные ответы, которые никак не могут претендовать на целостную теорию. В этом, пожалуй, основное уязвимое место современной науки о переводе: растворившись в частностях, в конкретных, пусть даже очень важных и очень трудных для перевода деталях, она не смогла подняться до уровня науки со значительным уровнем обобщения. Причиной этому является не слабость ученых, посвятивших себя исследованию проблем перевода, не недостаточность проявлений объекта для его объективной оценки, а, напротив, чрезмерная его вариативность и принципиальная невозпроизводимость (ведь всякий речевой повтор воспринимается либо как неприятный штамп, либо как стилистический прием)¹.

Известно, что переводческий скептицизм имел в своей основе различные мотивы. Удивительно, что все явления, вызывавшие и вызывающие недоверие к переводу, действительно существуют. Иначе говоря, все аргументы против перевода, приводившиеся на протяжении многих столетий, несомненно, заслуживают внимания. Если даже не останавливаться сейчас на аргументе о невозможности сохранения в переводе и формы, и содержания, так как это положение лишь констатирует внешнее несходство текстов оригинала и перевода, но не раскрывает причин этого несходства, то остается, по меньшей мере, еще два аргумента, над которыми следует задуматься, – это, во-первых, отражение в языке так называемого народного, или национального, духа и, во-вторых, неповторимость художественного вдохновения. О национальном духе говорилось и писалось сравнительно

¹ Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

много. Можно надеяться, что наметившийся в последние годы интерес к вопросам сравнительной культурологии, все более настойчиво звучащие призывы переводить не тексты, а культуры позволят если не раскрыть полностью тайны национального духа, то хотя бы приблизиться к их пониманию. Что касается неповторимости художественного вдохновения, то этот аргумент противников перевода серьезному изучению еще не подвергался. Но при всей внешней идеалистичности и мистичности этот аргумент заслуживает внимания. Действительно, если художник не может сам повторить то, что было создано им в момент вдохновения, т.е. в определенный момент жизни, в определенной ситуации, под воздействием определенных эмоций и идей и в определенном окружении, то как же может это повторить переводчик, другой человек, в другой жизненной ситуации, в другом эмоциональном состоянии, да еще и средствами другого языка? Обычно этот вопрос остается без ответа, а в качестве контраргумента приводится довод о том, что перевод существует уже не одно тысячелетие, а переводная литература занимает достойное место в литературе каждого народа. Ответ же напрашивается сам собой: абсолютный перевод, т.е. абсолютно точное, без каких бы то ни было искажений, воспроизведение текста оригинала переводчиком невозможно. А перевод есть лишь приближение, более или менее полное, но никогда не абсолютное, к тексту оригинала.

Из этого, видимо, и следует исходить, строя теорию перевода как теорию относительного выбора – выбора форм для выражения средствами языка перевода той реальности, которая отражена в содержании текста оригинала; выбора смыслов, оригинального речевого произведения, которые могут и должны оставаться в переводе; выбора того, что может быть «принесено в жертву» в переводе в условиях неизбежных утрат.

Выбор всегда индивидуален. Литературоведческий подход к переводу предполагает обращение к личности переводчика, попытку понять его выбор, его решения исходя из его личностных качеств как художника. Недаром переводчики художественных произведений, даже те, что не создали ни одного оригинального произведения, всегда оценивались по тем же критериям, что и оригинальные писатели и поэты. Переводческие работы писателей и поэтов рассматривались литературной критикой в одном ряду с их оригинальными творениями, сравниваясь с ними.

Именно литературоведческий подход к переводу позволяет взглянуть на перевод как на искусство, но не на искусство в широком смысле слова, как на высокий уровень мастерства в любой области деятельности, а на искусство как на способ воспроизведения действительности, в основе которого лежит ее образное освоение. Он позволяет найти категории, сближающие перевод с другими видами искусства.

Современная теория искусства, широко использующая семиотические категории, сближается с современной теорией перевода, также строящейся на семиотических основаниях.

Теория перевода и лингвистика

Заявив о себе как о науке лингвистической, теория перевода поспешила, прежде всего, подчинить литературоведческий подход лингвистическому¹. А.В. Федоров, определив статус теории перевода как отрасли лингвистической науки, отмечал, что «изучение перевода в литературоведческой плоскости постоянно сталкивается с необходимостью рассматривать языковые явления, анализировать и оценивать языковые средства, которыми пользовались переводчики»². В свое время лингвистика привлекала исследователей перевода большими по сравнению с литературоведением стройностью и строгостью теории, большей точностью методов.

Отношения между теорией перевода и лингвистикой с самого начала складывались непросто. В начале 60-х гг. прошлого столетия французский лингвист, автор одной из первых крупных работ по теории перевода Ж. Мунен отмечал, что переводческая деятельность ставит одну весьма важную для современной лингвистической науки проблему: если согласиться с распространенными в лингвистике положениями о лексических, морфологических и синтаксических структурах, то придется признать, что перевод невозможен³. В самом деле, лексические, морфологические и синтаксические структуры языков если и пересекаются, то совпадают лишь в незначительных частях. «Наложение» этих систем разных языков друг на друга демонстрирует их явную асимметрию, поэтому теоретически перевод невозможен. Но этот теоретический вывод противоречит переводческой практике, плодами которой пользуется человеческое общество на протяжении нескольких тысячелетий. «Можно сказать, продолжал Ж. Мунен, – что существование перевода является скандалом для современной лингвистики»⁴.

Лингвистическая наука, не стремилась признавать теорию перевода своей дочерней отраслью. Структурная и функциональная лингвистика, получившая широкое распространение после выхода в свет «Курса общей лингвистики» швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра, последовательно игнорировала переводческую деятельность, исключив переводческие проблемы из сферы языка и определив им, видимо, место где-то в маргинальных областях речи. Ж. Мунен отмечал, что ни одна крупная тео-

¹ Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

² Федоров А.В. Введение в теорию перевода. С. 13.

³ Mounin G. Les problemes theoriques de la traduction. Paris, 1963. P. 8.

⁴ Mounin G. Les problemes theoriques de la traduction. Paris, 1963. P. 8.

ретическая работа по общей лингвистике фактически не упоминает о переводе.

Характерно, что в Лингвистическом энциклопедическом словаре 1990 г., т.е. тогда, когда по лингвистической теории перевода уже были написаны тысячи работ, не нашлось места для отдельных статей ни о теории перевода, ни о самом переводе. Единственное явление, имеющее непосредственное отношение к переводу и удостоившееся чести быть описанным в словаре, – это автоматический перевод, который по своим теоретическим основаниям ближе всего примыкает к структурным и математическим направлениям в лингвистике¹. Возможно, в этом пренебрежении к теории перевода отражается идея, сформулированная еще в начале 50-х гг. известным лингвистом А.А. Реформатским, утверждавшим, что такой науки быть не может: «Практика перевода может пользоваться услугами многих наук, но собственной науки иметь не может. Это вытекает из разнообразия типов и жанров перевода»². Попав в лоно языкознания, теория перевода всегда стремилась идти в ногу с этой наукой, «соответствовать» новейшим тенденциям лингвистической теории того или иного периода. Вряд ли можно назвать хотя бы одно направление, одну школу, одну теорию в языкознании, которые так или иначе не нашли бы своего отражения в науке о переводе.

В 60-е гг. под влиянием идей структурной лингвистики, а также в связи с проникновением в лингвистику идей кибернетики в научный обиход входит понятие лингвистической модели. Исследователи перевода, откликнувшись на нововведение, приступили к созданию самых разнообразных моделей перевода. И если в лингвистике термин «модель» начинает приобретать то же содержание, что и термин «теория», то и в науке о переводе термины «модель перевода» и «теория перевода» становятся синонимами³. Каждая из этих моделей представляла собой как бы отдельную теорию перевода, опирающуюся на положения и использовавшую методы тех или иных направлений лингвистической науки. Так, порождающая грамматика легла в основу трансформационной модели перевода, семантические теории (метод компонентного анализа, порождающая семантика и др.) породили семантические модели, коммуникативная лингвистика – коммуникативную модель перевода и т.п.

Такое положение было вполне понятным и оправданным, если учесть, что молодая теория перевода, с самого начала объявившая себя прикладной отраслью науки о языке, не могла не опираться на данные фундаментальной лингвистики. Это нередко приводило к тому, что авторы каждой

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

² Реформатский А.А. Лингвистические вопросы перевода // Иностранные языки в школе. 1952. № 6. С. 12.

³ Львовская З.Д. Теоретические проблемы перевода. М., 1985. С. 42.

Комиссаров В.Н. Слово о переводе. М., 1973. С. 32.

последующей модели если и не отрицали полностью предыдущие, то непременно отмечали их односторонность и неспособность представить теоретическую картину перевода в целом. Само понимание тех или иных моделей перевода было далеко не однозначным. Так, «ситуативная модель» трактовалась В.Н. Комиссаровым как аналог «денотативной модели», а А.Д. Швейцером – как самостоятельная модель, наполненная совершенно иным содержанием.

Тем не менее, на протяжении более четверти века модели перевода занимали видное место в работах по теории перевода. Как только появлялись новые направления и теории в лингвистике, тотчас начинали строиться новые модели перевода. Разумеется, каждая вновь появившаяся модель освещала какую-либо новую сторону перевода, дополняя общую картину научного представления объекта. В конечном итоге признавалось, что каждая модель перевода дает верное теоретическое представление о каком-либо одном аспекте перевода, но взятые вместе они способны составить достаточно стройную научную картину перевода как особой разновидности двуязычной коммуникативной деятельности. Такое положение в еще сравнительно молодой теории перевода было вполне объяснимым. Перевод представлял собой сложный объект, изучение которого изначально предполагало множественность разносторонних описаний.

Развиваясь как отрасль науки о языке, теория перевода преемствовала накопленные лингвистикой знания и опиралась на них в построении новых концепций.

В то же время сама лингвистическая наука постоянно расширяла как свой объект, так и предмет. Она уже не удовлетворялась взглядом на язык только как на «определенным образом организованную знаковую систему», что было свойственно ей в первой половине XX столетия главным образом под влиянием идей Ф. де Соссюра, для которого единственным объектом лингвистики в собственном смысле был язык как социальная сущность, независимая от индивида. Ее объектом становится уже не только язык как «система, которая подчиняется лишь своему собственному порядку»¹, а речевая деятельность в целом. В поле зрения лингвистики попадает речь. Изменяется и предмет этой науки. Ее интересует функционирование системы языка в человеческом обществе, механизмы порождения речи, культурная обусловленность вариативности речи, т.е. все то, что определялось Ф. де Соссюром как «внешняя лингвистика»². Ф. де Соссюр выводил из сферы собственно лингвистики {или «внутренней лингвистики»} такие

¹ Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 6.

² Там же. Соссюр предлагал различать внутреннюю и внешнюю лингвистику. Иллюстрируя это различие, он приводил пример с игрой в шахматы: «То, что эта игра пришла в Европу из Персии, есть факт внешнего порядка; напротив, внутренним является все то, что касается системы и правил игры. Если я фигуры из дерева заменяю фигурами из слоновой кости, то такая замена будет безразлична для системы; но если я уменьшу или увеличу количество фигур, такая перемена глубоко затронет «грамматику игры».

предметы, как связь языка с историей расы и цивилизации, с внешней и внутренней политикой, религией, литературой, географией. В то же время Ф. де Соссюр признавал, что именно внешнюю лингвистику «главным образом имеют в виду, когда приступают к изучению речевой деятельности»¹.

Во второй половине XX столетия лингвистика вновь обращается к забытым на время предметам. Возникают смежные научные направления: социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, ареальная лингвистика, лингвистика текста и многие другие. Такое расширение предметной области современной науки о языке было вполне закономерным. В самом деле, взгляд на язык как на систему не может ограничиваться только изучением ее структуры. Наличие структуры есть неперемнное свойство системы. Но обязательным свойством системы является и ее связь с окружающей средой. Кроме того, в силу принципиальной сложности любой системы ее полное и точное познание требует построения множества различных теоретических моделей, каждая из которых описывает лишь определенный аспект. Поэтому никакое, даже самое исчерпывающее описание структуры языка не может адекватно представить его как систему.

Расширение предметной области современной лингвистики дало теории перевода возможность выйти за рамки собственно структурных сопоставительных разысканий и попытаться более точно определить свой предмет, опираясь на данные смежных наук.

Однако связь лингвистики и теории перевода не односторонняя, а взаимная. Не только теория перевода заимствует у лингвистики идеи и методы, но и лингвистика в своих разысканиях нередко опирается на перевод.

Р. Якобсон отмечал исключительно важную роль перевода для лингвистической науки. Расширенное понимание перевода позволило исследователю представить его как универсальное средство лингвистического анализа. «Эквивалентность при существовании различия, – писал он, – это кардинальная проблема языка и центральная проблема лингвистики. Как и любой получатель вербального сообщения, лингвист является его интерпретатором. Наука о языке не может интерпретировать ни одного лингвистического явления без перевода его знаков в другие знаки той же системы или в знаки другой системы. Любое сравнение двух языков предполагает рассмотрение их взаимной переводимости»². Таким образом, взаимная переводимость как главное из свойств, присущих всякой паре языков, оказывается методологической основой межъязыкового лингвистического анализа.

¹ Соссюр Ф. Де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 6.

² Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. С. 18.

Накопленные лингвистической теорией перевода знания дают определенное представление о переводе и как об особом роде коммуникативном акте, и как о виде речевой деятельности, и как о некоторой совокупности межъязыковых трансформаций. Именно в этой области теория перевода продвинулась наиболее существенно как в плане общей теории, так и в отношении конкретных пар языков, т.е. в частных теориях перевода. Но каждый раз, когда переводчик-практик получает текст для перевода, он оказывается перед проблемой выбора, т.е. перед необходимостью одновременно решать множество вопросов не только лингвистического, но и социального, психологического, этнографического, культурологического и других планов, на которые современная наука о переводе еще не дает исчерпывающих ответов.

Вряд ли можно полностью согласиться с мнением А.Н. Крюкова, что «одним из парадоксов современной теории перевода является детальное описание операционной структуры деятельности переводчика – генерализации, конкретизации, антонимизации, добавлений, опущений и т.д. и т.п. – вне связи с ее целесообразностью»¹.

Действительно, авторы большинства описаний «технологий перевода», т.е. различных приемов, способов, методов переводческих преобразований, как правило, избегают оценочности. Они стремятся раскрыть механизм различных переводческих операций. Сочетание же описания механизма переводческих операций и критической оценки их целесообразности растворило бы теорию перевода в море частных случаев, свело бы ее к анализу конкретных «переводческих случаев», возможно, не всегда удачных переводческих решений. Справедливости ради стоит заметить, что в большинстве работ описаниям операционных структур предшествуют глубокие теоретические рассуждения о наиболее существенных проблемах общей теории перевода. Многочисленные попытки построения теоретических моделей перевода, поиски объективных критериев эквивалентности и адекватности перевода, постоянно предпринимавшиеся исследователями на протяжении всех 50 лет истории лингвистической теории перевода, были направлены именно на то, чтобы понять смысл переводческих решений, оценить их целесообразность и правомерность.

Разумеется, упреки в «механицизме» свидетельствуют об определенном несовершенстве современной теории перевода, ибо подчеркивают ее статус как прикладной науки, призванной в первую очередь непосредственно способствовать решению многообразных задач переводческой практики. В то же время они еще раз напоминают о сложности и исключительной вариативности самого объекта научного исследования, его принципиальной несводимости к какой бы то ни было одной, раз и навсегда верной,

¹ Крюков А.Н. Межъязыковая коммуникация и проблема понимания // перевод и коммуникация. М., 1997. С. 77.

абстрактной модели, о невозможности представления искусства перевода как простой совокупности технических приемов по преобразованию текста на языке А в эквивалентный текст на языке В.

Но несовершенство и, возможно, некоторая односторонность лингвистической теории перевода совершенно не предполагают ее несостоятельности. Такая постановка вопроса была бы несправедливой и оскорбительной для блестящей плеяды теоретиков перевода, заложивших основы этой науки и сочетавших в себе богатый опыт практической переводческой деятельности, выдающиеся способности к лингвистическому анализу и огромную научную эрудицию. Л.С. Бархударов, В.Г. Гак, В.Н. Комиссаров, Р.К. Миньяр-Белоручев, И.И. Ревзин, Я.И. Рецкер, В.Ю. Розенцвейг, А.В. Федоров, М.Я. Цвиллинг, А.Д. Швейцер, Е.Г. Эткинд, Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне, О. Каде, Дж. Кэтфорд, Ж. Мунен, Ю. Найда, П. Оргёлен и многие другие сформулировали основные положения лингвистической теории перевода, позволившие ей заявить о себе как об особом научном направлении.

Лингвистическая теория перевода зарождалась как наука о речевой коммуникации. Опираясь на данные и некоторые методы структурной, т.е. «внутренней», по определению Ф. де Соссюра, лингвистики, она с самого начала оказалась ориентированной на «внешнюю лингвистику», на речь, на межъязыковую коммуникацию. В этом она сближалась со стилистикой и развивалась параллельно с появившейся почти одновременно с ней сопоставительной стилистикой. А.В. Федоров в первой отечественной книге по теории перевода прямо говорил о том, что «основная задача теории перевода как лингвистической дисциплины вырисовывается всего ярче в стилистическом разрезе»¹. Первые крупные работы по теории перевода канадских лингвистов Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, а также швейцарца А. Мальблана назывались «Сопоставительными стилистиками»². Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне отмечали, что перевод неотделим от сопоставительной стилистики, так как всякое сравнение должно основываться на эквивалентных фактах. Сопоставительная стилистика исходит из данных перевода, выводя свои законы, переводчик же использует законы сопоставительной стилистики для сооружения перевода³. Более того, в статье «Стилистика и трансформация» Ж.-П. Вине ставит знак равенства между терминами «теория перевода» и «сопоставительная стилистика»⁴.

¹ Федоров А.В. Введение в теорию перевода. М., 1953. С. 18.

² Vinay J.-R, Darbelnet J. / Stylistique comparee du fraruais et de anglais. Mediode de traduction. Paris, 1958; Malblanc A. Stylistique comparee du francais et de Pallemand: Essai de representation linguistique comparee et etude de traduction. Paris, 1961.

³ Vinay J.-R, Darbelnet J. Op. cit. P. 21.

⁴ Vinay J.-P. Stylistique et transformation / 7 Meta. 1966. Vol. 11. №1. P. 13.

Теория перевода и сопоставительная стилистика

Сопоставительная стилистика представляет собой сегодня один из разделов сравнительно молодой и бурно развивающейся отрасли науки о языке – сопоставительного языкознания. Идея сопоставительного изучения стилистических особенностей родного и иностранного языков была выдвинута Ш. Балли еще в начале прошлого столетия¹. Швейцарский лингвист обратил внимание на то, что современные европейские языки имеют множество сходных черт, что «в своем непрерывном развитии эти языки отнюдь не расходятся между собой, а, наоборот, стремятся ко все большему сближению»². Общие черты европейских языков и служат, по мнению Балли, основой, позволяющей «стилистике расширить сферу своей деятельности, центром которой является родной язык, и изучать с точки зрения последнего другие современные языки. Стилистика может сопоставлять их, чтобы выявить в первую очередь сходные черты, а затем и различия».

Идеи Ш. Балли получили свое развитие и в трудах отечественных ученых, в частности, в «Сравнительной типологии французского и русского языков», «Сопоставительной лексикологии» и других работах В.Г. Гака, во «Французской стилистике» Ю.С. Степанова, в «Очерках общей и сопоставительной стилистики» А.В. Федорова и в целом ряде других работ. Все эти работы по стилистике, так или иначе, связаны с теорией перевода. С одной стороны, они во многом опираются на факты перевода: переводные тексты в сравнении с текстами оригиналов представляют собой приоритетный материал для сопоставительного стилистического анализа. С другой стороны, стилистические разыскания обогащают теорию перевода научными данными об особенностях функционирования сталкивающихся в переводе языков в тех или иных ситуациях речевой коммуникации.

Поворотным пунктом в развитии сопоставительной стилистики, равно как и теории перевода, оказалось основание Альфредом Мальбланом серии под названием «Библиотека сопоставительной стилистики». В этой серии вышли первые работы, посвященные непосредственно сопоставительно-стилистическим исследованиям пар языков и задуманные как методики перевода, в частности, «Сопоставительная стилистика французского и английского языков» Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, «Сопоставительная стилистика французского и немецкого языков» А. Мальблана³ и др.

А. Мальблан акцентировал внимание на том, что сопоставительное исследование языков не только позволяет успешно решать методические задачи преподавания иностранных языков, но и имеет большое значение для

¹ Bally Ch. *Traite de Stylistique franchise*. Paris, 1909; Bally Ch. *La langage et la vie*. Paris, 1926.

² Балли Ш. *Французская стилистика*. М., 1961. С. 40.

³ Vinay J.-R, Darbelnet, J. *Op. cit.*; Malblanc, A. *Op. cit.*

развития теории языка, так как дает возможность вскрыть в языке по контрасту такие языковые явления, которые в силу их привычности ускользают из поля зрения исследователя, работающего на материале какого-либо одного языка. Поэтому сопоставительные исследования являются одновременно и разысканием, и контролем¹. А. Мальблан разработал метод сопоставительного синхронного исследования выразительных средств генетически неродственных языков, а именно метод перевода, который стал основным методом сопоставительно-стилистических исследований самых различных пар языков.

Но, несмотря на наличие обширного материала, накопленного в области сопоставительной стилистики, проблема системной организации связанных текстов, целостных речевых произведений, проблема «правильной коммуникации», «осуществляемой в соответствии с целями, задачами, сферой и в целом ситуацией общения»², в сопоставительном плане освещены еще недостаточно полно. Однако, именно такие знания необходимы переводчику для осознания того, что «верно», а что «не совсем верно» при использовании форм другого языка, какие языковые средства из тех, что могут быть использованы в переводе, в большей степени соответствуют целям, задачам и сферам общения.

Намечая перспективы развития сопоставительно-стилистических исследований, А. Мальблан писал, что сопоставительная стилистика должна пройти два этапа. На первом этапе изучаются ресурсы сопоставляемых языков, пути перехода от одного языка к другому, т.е. путем перевода описываются эквивалентные формы выражения в сопоставляемых языках. На втором этапе сопоставляются жанры и стили языков и определяется, что в сравнительных языках принадлежит языку, а что – речи, т.е. индивидуальному. На этом же этапе сравниваются средства, которыми располагает каждый из сопоставляемых языков для выражения сатиры, юмора и др.³

Таким образом, на первом этапе сопоставительно-стилистического исследования должны быть решены сугубо лингвистические задачи – задачи контрастивного описания стилистических ресурсов сравниваемых языков. На втором же этапе, как отмечал А.В.Федоров, сопоставительная стилистика А. Мальблана «должна строиться комплексно как дисциплина одновременно лингвистическая и литературоведческая, причем, как явствует из поставленной задачи, тут требуется привлечение не только данных из сферы поэтики или теории литературы, но и широких историко-литературных сведений»⁴. На этом этапе интересы сопоставительной стилистики и теории перевода оказываются еще более близкими. В самом деле, современ-

¹ Malblanc A. Op. cit. P. 15.

² Кожина М.Н. Соотношение стилистики и лингвистики текста // Филологические науки. 1979. № 5. С. 63.

³ Maiblanc A. Op. cit. P. 16.

⁴ Федоров А.В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М., 1971. С. 39.

ная теория перевода, особенно теория художественного перевода, стремится стать комплексной дисциплиной, вобравшей в себя основные идеи и лингвистики, и литературоведения. Для перевода также оказывается необходимым привлечение обширной историко-литературной информации. Однако в подобной трактовке идея А. Мальблана о целях сопоставительно-стилистических исследований на втором этапе не выходит за пределы художественной речи. Между тем для общей теории перевода представляет интерес более широкий взгляд на цели и задачи сравнительных стилистических разысканий. Развивая мысль А. Мальблана о том, что на втором этапе должны сопоставляться «жанры и стили» языков, можно определить этот этап как функционально-стилистический. В этом случае целью второго этапа сопоставительно-стилистического исследования оказывается выявление сходств и различий в организации речевых произведений средствами сравниваемых языков на фоне конкретных функциональных задач речевой деятельности, т.е. с учетом целей и сфер общения. И в этом случае сопоставительная стилистика также должна строиться комплексно, но уже привлекать данные не только историко-литературного характера, но и из области теории текста и социальной лингвистики, культурной антропологии и этнографии, истории и многих других наук.

Объектом наблюдения на втором этапе сопоставительно-стилистического исследования должен стать текст, завершённое речевое произведение, созданное в результате речетворческого процесса в соответствии с определенной целью, прагматической установкой и традиционно принятыми нормами, в определенной ситуации общения, части которого объединены между собой «разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи»¹. Именно на уровне текста, в способах и видах связи имен и высказываний в единое речевое целое, прежде всего, проявляются контрастные черты различных «жанров и стилей» сопоставляемых языков. Текст является традиционным объектом стилистик, и поэтому, несмотря на то, что лингвистика текста не так давно выделилась в особое направление в языкознании, многие категории и понятия, которыми оперируют сейчас исследователи текста, получили свое научное осмысление в стилистике. «Изучение функционального аспекта языка, – отмечает М.Н. Кожина, – его употребления, с необходимым «подключением» анализа целого комплекса экстралингвистических факторов речевого акта (содержание целей, задач, формы высказывания, сферы общения, взаимоотношения коммуникантов, жанра сообщения и т.п.), разных компонентов ситуации общения было темой исследования многих известных отечественных и зарубежных стилистов уже в 20-е и 30-е гг. нашего столетия (и даже ранее)»².

¹ Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981 С.18.

² Кожина М.Н. Соотношение стилистики и лингвистики текста // Филологические науки. 1979. № 5. С. 6.

Однако в сопоставительном плане вопросы системной организации речи в определенных конкретных условиях общения в достаточной степени еще не освещались. А. Мальблан, по собственному признанию, ограничился первым этапом сопоставительно-стилистического исследования, сосредоточив внимание на сходствах и различиях в стилистических системах двух языков, а также на возможностях передачи в переводе стилистических средств одного языка стилистическими средствами другого. К.А. Долинин, анализируя работы по сопоставительной стилистике, проведенные советскими исследователями, справедливо отмечал, что «собственно стилистическая проблематика, рассматриваемая в сопоставительном плане, почти целиком относится к стилистике художественной речи – к традиционным литературным стилям рассматриваемых пар языков, к их просодическим системам, а также к проблемам индивидуального стиля автора оригинала и переводчика»¹. Это позволяет исследователю не без оснований сделать вывод о том, что «сопоставительная стилистика как лингвистическая дисциплина еще не построена или, во всяком случае, еще не достроена»².

Как во «внутренней» лингвистике функциональная стилистика явилась логическим развитием стилистики дескриптивной, так и во «внешней», сопоставительной, лингвистике сравнительное описание стилистических значений языков продолжено сравнением того, как люди пишут и говорят на разных языках в аналогичных, социально детерминированных ситуациях общения. Решение данной задачи не только позволяет дополнить пробел, существовавший в сопоставительной стилистике, но и способствует развитию теории перевода в том ее разделе, который оперирует категорией адекватности, т.е. соответствия переводного текста целям, задачам, сферам общения, т.е. всем аспектам коммуникативной ситуации.

Таким образом, сопоставительная стилистика выходит за рамки художественной речи. В сфере ее «интересов» оказываются произведения разных жанров; ее внимание сосредоточено на вариативности употребления в речи средств выражения, возникающей вследствие различия целей и ситуаций общения, т.е. под воздействием внешних по отношению к языку факторов. Она не ограничивается только сопоставлением изолированных, пусть даже стилистически маркированных, форм языкового выражения – слов, словосочетаний, предложений, а анализирует текст как высшую единицу коммуникации. Эта единица коммуникации, характеризующаяся смысловой целостностью и завершенностью, а также определенной прагматикой, обладает сложной структурой, элементы которой связаны между собой различными видами семантических и логических отношений, реализуемых в разных типах лексической, грамматической и просодической связи.

¹ Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л., 1978. С.24.

² Там же.

Каков же должен быть принцип подбора материала, подлежащего изучению в ходе сопоставительно-стилистического исследования, ориентированного на сравнение «жанров и стилей»? Соответствуют ли в полной мере методы перевода, применявшиеся на начальном этапе сравнительно-стилистических исследований, целям и задачам современной сопоставительной стилистики?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно, прежде всего, установить, что принимается за основу стилистического сопоставления, т.е. осознать, что является общим для сопоставляемых объектов в структурном или семантическом планах. «В противном случае, – отмечает В.Н. Ярцева, – не только утратится вся сложная картина системных связей внутри каждого из исследуемых языков, но и выявление черт несходства у сравниваемых языков сведется к перечню разрозненных «раритетов»¹.

Начиная с уровня морфем, т.е. наименьших двусторонних единиц языка, связанных с элементами системы значений, и до высшего уровня языковой системы – уровня предложения, основа для сопоставления может располагаться соответственно в одной из этих двух областей: либо в области форм, либо в области значений. В зависимости от того, в какой из этих двух областей выбрана основа для сопоставления, различают два направления исследований, называемых ономаσιологическими, если сопоставление идет от значений и функций к выражающим их языковым формам, и семасиологическими, если, напротив, сравниваются значения и функции некоторых заданных языковых форм².

В какой же из этих двух областей следует искать точку отсчета для стилистического сопоставительного анализа? В сопоставительно-стилистических исследованиях А. Мальблана, Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, относимых к теоретико-переводческому ответвлению сопоставительной стилистики в силу того, что сравнение стилистических особенностей языков осуществляется путем перевода и в целях перевода, за точку отсчета принимается эквивалентность значений языковых форм, использованных в оригинальном тексте. При этом априорно предполагается, что исследователь наблюдает эквивалентность языковых форм, т.е. эквивалентным оказывается весь комплекс значений языковых форм, использованных в конкретном речевом произведении, представляющий собой совокупность прагматического, семантического и контекстуального значений. Языковые единицы, реализованные в тексте оригинала и в тексте перевода, воспринимаются исследователем как семантически и стилистически эквивалентные независимо от того, принадлежат языковые единицы, использованные в текстах оригинала и перевода, к одному или к разным уровням языковой системы.

¹ Ярцев В.Н. Контрастивная грамматика. М., 1981. С. 20.

² Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977. С. 17–18.

Путем такого сопоставления могут быть установлены, с одной стороны, структурные различия единиц сравниваемых языков, имеющих аналогичные значения, а с другой – определенные межъязыковые соответствия выразительных средств, принадлежащих в сравниваемых языках разным уровням.

Однако функциональная эквивалентность, т.е. комплекс значений языковых форм, употребленных в речи, вряд ли может составить *tertium comparationis* – то общее для двух сравниваемых объектов «третье», отталкиваясь от которого можно выявить их различия и сходства. Единицы языка, реализованные в речи, обладают лишь речевой системностью, которая заключается в их взаимообусловленности и взаимосвязи в рамках определенного текста. Но для системной интерпретации сходных и различающихся признаков средств выражения необходимо установление абстрактных парадигматических параллелей. Поэтому в качестве основы для каждой отдельной ступени сравнительного стилистического анализа из совокупности значений, формирующих функциональную эквивалентность языковых форм, выбирается какое-либо одно обобщенное значение, одна функция. В силу своей обобщенности они могут выступать как категории. Так, например, основу для сопоставления могут составить семантические категории бытийности, посессивности, временной и пространственной локализованности и др.¹; стилистические категории: социально-жанровая (книжность, просторечие, профессионализм, экзотизм и т.п.), эмоционально-оценочная (пейоративность, возвышенность, нейтральность), историко-стилистическая (историзм, архаизм, неологизм); категории логики (типы отношений между понятиями, типы логических связей между суждениями и др.).

Касательно семасиологически ориентированного сопоставительного исследования, выбирающего *tertium comparationis* в сфере форм, то в данном случае, сопоставляя аналогичные формы двух языков (например, интернациональные морфемы типа анти-, аэро-, мета-, гипер-, лог-; созвучные лексемы: русск. революция, акция, математика и нем. die Revolution, die Aktion, die Mathematik, а также грамматические формы – порядок слов и т.п.), мы устанавливаем в одних случаях сходство или близость их значений и функций, а в других – отличия, контрастные черты. Семасиологическое сопоставление может быть только поуровневым. На каждой отдельной фазе такого сравнения устанавливаются сходства и различия в значениях и функциях единиц какого-либо одного уровня языковой системы – морфем, лексем, предложений.

Возможности осуществления системного семасиологического сопоставительного исследования, предполагающего переход на каждой после-

¹ Бондарко А.В. Основные понятия функциональной грамматики в аспекте сопоставительных исследований // Всесоюзная научно-практическая школа по сопоставительному и типологическому языкознанию: Тезисы докладов. М., 1986.

дующей фазе анализа к сравнению форм все более высокого уровня языковой системы, в известной степени ограничены самим языковым материалом. Пожалуй, только близкородственные языки содержат достаточное число аналогичных форм на всех уровнях языковой системы, которые могли бы составить объект семасиологически ориентированного межъязыкового сопоставления.

Языки, генетически далекие друг от друга, при их сравнении позволяют констатировать лишь отдельные, весьма незначительные совпадения форм. А на нижних уровнях языковой системы – морфемном и даже лексическом – какие-либо соответствия языковых форм типологически различных языков могут вовсе отсутствовать. Определенный интерес для теории перевода представляют семасиологические сравнения сходных по внешней форме и генетически близких лексем, а именно интернационализмов, а также лексем, регистрируемых в обоих из сопоставляемых языков. Большинство из них, различаясь нюансами значений и особенностями функционирования, относятся к так называемым «ложным друзьям переводчика». Систематизация таких диалексем, представляющих очевидные трудности для переводчиков, есть один из традиционных предметов сопоставительных исследований. Семасиологические сравнительные разыскания весьма интересны на грамматическом уровне, в сфере синтаксических форм, располагающих, как правило, достаточным спектром аналогий, которые могли бы быть положены в основу сравнения. Результаты таких исследований позволяют определить, насколько возможно сохранять в переводе аналогичные грамматические формы, т.е. переводить сложноподчиненное предложение сложноподчиненным, настоящее время глаголов – настоящим временем и т.п. Эти исследования позволяют приблизиться к решению вопросов о допустимой степени формальной эквивалентности в переводе, о целесообразности и закономерности тех или иных формальных преобразований.

Стилистика – это, прежде всего, выбор, выбор языковых форм на всех уровнях языковой системы, а также определенных способов их организации в речи. Следовательно, и стилистическое сопоставительное исследование должно носить межуровневый характер.

Противопоставление поуровневого и межуровневого подходов к сравнительному исследованию языков может служить критерием различия сопоставительного языкознания и теории перевода. Л.С. Бархударов, отмечая различия, существующие между сопоставительным языкознанием и теорией перевода, писал: «Сопоставительное языкознание, как и языкознание вообще, имеет дело с системами языков – в его функции входит вскрытие черт сходства и различия между системами двух языков в области звукового (фонологического) строя, словарного состава и грамматического строя. Поэтому для сопоставительного языкознания (как и для язы-

кознания вообще) существенным является разграничение уровней языковой иерархии, т.е. отнесение тех или иных единиц языка (или двух сопоставительных языков) к определенному аспекту или уровню языковой системы»¹. А для теории перевода «принадлежность рассматриваемых единиц к определенному уровню или аспекту языковой системы совершенно не играет роли; сопоставление языковых единиц в теории перевода производится только на основе общности выражаемого ими содержания, т.е. значения, иными словами, на основе семантической общности данных единиц, независимо от их принадлежности к одному или разным уровням языковой иерархии»².

Близость предметов изучения сопоставительной стилистики и теории перевода очевидна. А.В. Федоров отмечал, что размежевание между сопоставительным языкознанием и теорией перевода отчетливо прослеживается только на уровнях системы языка. «Но стоит только назвать стилистический уровень или аспект (в последнем термине не было бы ничего непривычного при сочетании его с определением – «стилистический»), т.е. ввести в круг сопоставительного изучения языков и сопоставительную стилистику, как разграничение с теорией перевода отпадет и границы сотрутся»³. Разграничение же сопоставительной стилистики и теории перевода, полагал А.В. Федоров, окажется возможным, если рассматривать эти дисциплины с точки зрения объема решаемых ими задач⁴.

Сопоставительная стилистика независимо от того, о каком этапе сопоставительного исследования идет речь, т.е. о сопоставлении стилистических ресурсов языков или о сопоставлении «жанров и стилей» языков, имеет ономаσιологическую направленность: она изучает, какими средствами сравниваемые языки выражают аналогичные значения.

На втором этапе сопоставительно-стилистического исследования сравнение «жанров и стилей» языков предполагает уже выход на уровень текста. Функционально-стилистические особенности жанров, разновидностей речи формируются только на уровне текста как высшей единицы коммуникации, построение которой обусловлено ситуацией общения. Значения, функции и категории, которые мы принимаем в этом случае за точку отсчета для сравнения, также носят текстовый характер: категории логической связности высказываний, как, например, категория логического следования, конъюнкция, импликация и т.п.; контекстовые типы номинаций и т.п.

В сопоставительно-стилистических исследованиях, имевших целью выявление стилистических ресурсов сравниваемых языков, обычно не проводилась функционально-стилистическая дифференциация речи, а если и

¹ Бархударов, Л.С. Язык и перевод. М., 1975. С. 26.

² Там же. С. 27.

³ Федоров, А.В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М., 1971. С. 12.

⁴ Там же.

проводилась, то лишь фрагментарно. Доказательством этому служит тот факт, что подавляющее большинство сопоставительно-стилистических исследований осуществлялось на материале художественной речи. Сопоставление «жанров и стилей», естественно предполагающее выход за рамки художественной речи и привлечение разнообразного с функционально-стилистической точки зрения материала, требует особого метода двустороннего анализа стилистических явлений, который заключается, с одной стороны, во внутриязыковом сравнении текстов, относимых исследователем к различным жанрам или стилям, а с другой – в межъязыковом сопоставлении текстов, квалифицируемых как тексты одного жанра или стиля речи.

Для этого необходимы довольно конкретные критерии различения жанров и стилей речи. Иначе говоря, мы опять сталкиваемся с проблемой выбора *tertium comparationis*, но теперь эта точка отсчета для сравнения должна позволить нам не только сравнить аналогичные жанры сопоставляемых языков, но и разграничить внутри них различные жанры. Что же может быть принято за основу такого двустороннего сопоставления? Еще в середине 60-х гг. Ж.-П. Вине отмечал, что сопоставительная стилистика должна преодолеть стадию сравнения и анализа двух текстов и приступить к анализу глубинных мотиваций, которые толкают авторов пишущих на разных языках, создавать разные по своей природе тексты¹.

Кроме области значений и области языковых форм (о них мы говорили выше) существует еще одна сфера, которая может предоставить аналогии и параллели для сопоставления. Эта сфера располагается вне языка и включает в себя комплекс факторов, предопределяющих характер выбора и организации языковых средств в речи, таких как цель, прагматическая установка, условия общения, межличностные отношения между коммуникантами и т.д. Именно такой комплекс экстралингвистических факторов, обуславливающих функционально-стилистическую дифференциацию речи и определяемый нами как типовая ситуация общения, и должен составить базу для сравнения «жанров и стилей» языков. Если в основу сопоставления положены аналогии, существующие вне языка, вне конкретных языковых форм и их значений, то становится уже необязательным привлечение для сравнительного межъязыкового анализа семантически или формально адекватного языкового материала, т.е. оригинальных текстов и текстов их переводов, которые, как известно, служили основным источником лингвистической информации на первом этапе сопоставительно-стилистических исследований, особенно в тех работах, которые были ориентированы на развитие теории перевода и осуществляли сопоставление путем перевода и для перевода (А. Мальблан, Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне и др.). Сопоставление жанров и текстов, предполагаемое как сопоставление на уровне

¹ Vinay, J.-P. *Stylistique et transformation*. P. 5.

текста, т.е. анализ текстовых категорий, может осуществляться путем сравнения между собой оригинальных текстов двух (или более) языков, создававшихся в аналогичных типовых ситуациях общения.

Возможность использования оригинальных текстов в качестве материала для сопоставления отмечает и А.В. Федоров. Проводя разграничение задач сопоставительной стилистики и теории перевода, он пишет: «Сопоставительная стилистика, правда, может строиться на основе анализа не только переводов в их отношении к оригиналам, но и оригинальных текстов, представляющих те или иные аналоги или параллели (употребление одинаковых средств языка – например, архаизмов или варваризмов, или глагольных форм или одинаковых типов предложений, либо принадлежность к одинаковым функциональным стилям или литературным жанрам, либо близость индивидуальной манеры в произведениях двух авторов), а результаты такого анализа могут быть полезны и для теории перевода, как и все, что помогает установлению закономерностей в отношениях между двумя языками. С другой стороны, сопоставление переводов с оригиналами может вызывать и выводы, выходящие за пределы перевода, т.е. имеющие более общий интерес»¹. Таким образом, сопоставительно-стилистическое исследование, особенно в том случае, когда сравниваются «жанры и стили» языков, может проводиться как на материале текстов оригиналов и их переводов, так и на материале только оригинальных текстов. Разумеется, сопоставление на материале оригинальных текстов более ограничено в выборе непосредственного предмета сопоставления, опорной точки, в силу того, что исследователь оперирует семантически не адекватными, а лишь функционально аналогичными текстами. Однако для изучения сходства и различий в реализации в речи текстовых категорий, формирующих специфические черты функционально дифференцированных разновидностей речи (жанров и стилей), функциональной аналогичности речевого материала оказывается достаточно.

Возможность анализировать материал двух видов приводит некоторых исследователей к заключению, что необходимо различать две самостоятельные ветви сопоставительной стилистики. Та, что изучает в сравнительном плане оригинальные тексты двух языков, «принадлежит к числу теоретических дисциплин языкознания и в отличие от исследования перевода самостоятельного прикладного значения не имеет»². С таким категоричным заявлением вряд ли можно согласиться. Сопоставление оригинальных текстов двух языков, основанное на общности их функционально-стилистических признаков, т.е. сопоставление жанров и стилей, имеет не только теоретическое, но и прикладное значение. В самом деле, такое со-

¹ Федоров, А.В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М., 1953. С. 44.

² Шадрин, Н.Л. Сопоставительная стилистика и теория перевода // Изв. АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1982. Т. 41. № 1. С. 13.

поставление позволяет сделать выводы об особенностях организации речи средствами сопоставляемых языков в соответствии с целями, задачами, условиями коммуникации, содержанием и формой сообщения, взаимоотношениями коммуникантов и т.п., что в свою очередь способствует «правильной» коммуникации на переводящем языке.

Более того, сопоставление оригинальных текстов позволяет избежать некоторых опасностей, которым подвержено сопоставительное исследование текстов оригиналов и текстов их переводов, и в известной степени располагает более объективными данными для анализа.

Сопоставление оригинального (исходного) текста с текстом перевода ставит исследователя в некоторую зависимость от языкового опыта переводчика. А. Мальблан, показывая схему процесса перевода, отмечал, что представление об объекте мысли, имеющееся в голове автора исходного текста, адресанта (сигнификат 1) в процессе перевода может быть подвержено трем видам искажений. Во-первых, искажения могут быть обусловлены неверным восприятием переводчиком исходного текста, т.е. возникновением сигнификата 2, отличного от сигнификата 1. Во-вторых, они могут быть вызваны неспособностью переводчика адекватно передать на языке перевода корректно воспринятый исходный текст, отчего, прежде всего, страдает индивидуальное своеобразие подлинника. И, наконец, в-третьих, искажения возможны в случае, если язык перевода не предоставляет переводчику необходимых средств для точной передачи содержания адекватно воспринятого им исходного текста. В конечном итоге у получателя речи – адресата – текст перевода вызовет представление об объекте мысли (сигнификат 3), отличное от представления, которое стремился передать адресант¹.

Если искажения, вызванные асимметрией систем средств выражения сопоставляемых языков (сигнификат 3), не препятствуют сравнительному анализу, даже, напротив, представляют собой один из объектов сопоставительной стилистики, которую в этом случае более точно будет определить как контрастивную, то искажения информации, возможные в результате неверного восприятия или некорректной передачи исходного текста переводчиком, т.е. зависящие от индивидуальности переводчика, представляют собой серьезную помеху объективному сопоставительному анализу. Именно поэтому А. Мальблан полагал, что для сопоставительного анализа необходимо выбирать только «как можно лучше переведенные тексты»².

При оценке качества, «правильности», перевода исследователь вынужден опираться на свою интуицию, что также представляется весьма индивидуальным. Но даже тогда, когда переводчиком полностью и корректно передано своеобразие оригинального текста, при сопоставлении текста

¹ Malbianc A. Op. cit. P. 19.

² Там же.

подлинника с текстом перевода исследователь всегда ощущает индивидуальность третьего лица – переводчика – и в некоторых случаях вынужден противопоставлять представление об объекте, вызванное у него исходным текстом, представлению, вызванному текстом перевода.

Вторым недостатком использования для сопоставления текстов оригинала и перевода, если можно так выразиться, технического порядка является известная ограниченность переводного материала текстами художественных произведений и текстами лишь немногих жанров научной речи. Видимо, по этой причине большинство известных до сих пор работ по сопоставительной стилистике в основном было ограничено материалом текстов художественных произведений, что, однако, не препятствовало поставленной перед исследователем задаче – нахождению адекватных средств выражения того или иного значения. Ограничение сопоставительного исследования только текстами художественных произведений и некоторых жанров научной речи не дает возможности в полном объеме сопоставить «жанры и стили» языков, иначе говоря, не позволяет решить задачу, стоящую перед исследователем на втором этапе сопоставительно-стилистического исследования, вскрыть функционально-стилистическую систему сопоставляемых языков.

Более того, художественные тексты несут на себе глубокий отпечаток авторской индивидуальности. В этой связи интересно высказывание И.Р. Гальперина в отношении функционально-стилистической нормативности текстов: «Большинство текстов с точки зрения их организации стремится к соблюдению норм, установленных для данной группы текстов (функциональных стилей), и тем самым как бы сопротивляется нарушению правильности текста. Это, однако, не всегда относится к художественным текстам, которые, хотя и подчиняются некоторым общепринятым нормам организации, все же сохраняют значительную долю «активного бессознательного», которое нередко взрывает правильность и влияет на характер организации высказывания»¹.

Для сопоставительного изучения функционально-стилистических систем языков требуется привлечь к исследованию разнообразные речевые произведения официально-делового, публицистического, научно-технического и других функциональных стилей речи. Материалом такого межъязыкового сопоставления, проводимого на уровне целостного речевого произведения, могут послужить так называемые специальные, или «прагматические»², тексты, т.е. речевые произведения, порожденные с определенными, вполне конкретными и легко поддающимися идентификации Целями, в

¹ Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. С. 25.

² Раис К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 203.

определенных условиях коммуникации, адресованные определенным получателям речи и зафиксированные в письменной форме.

Как известно, контрастивные исследования небезосновательно чаще всего связывают с задачами преподавания иностранных языков. В эволюции методов преподавания иностранных языков, как в зеркале, отражается эволюция сопоставительных методов в языкознании.

Современные методы преподавания иностранных языков, начавшие бурно развиваться еще в 70-е гг. XX столетия, основываются на деятельностной концепции языка, прочно утверждающейся в языкознании в настоящее время. Деятельностный подход к изучению иностранных языков предполагает создание в процессе обучения (имитации) реальных речевых ситуаций с привлечением в качестве учебного материала подлинных (аутентичных) текстов, извлеченных из реального речевого общения (вплоть до сохранения в письменных текстах их экстралингвистической формы: особенностей шрифтов, расположения, иллюстративного оформления). Соответственно этому коммуникативно-деятельностная концепция в контрастивной лингвистике выдвигает сегодня в качестве непосредственного объекта сопоставительного исследования аутентичные тексты, создающиеся в аналогичных ситуациях общения, с аналогичными коммуникативными целями и задачами.

Описание контрастных и конвергентных черт в организации средств выражения в подобных текстах с последующим обобщением полученных сравнительных данных – центральная задача сопоставительной стилистики той или иной пары языков.

Являясь одной из основ лингводидактики, сопоставительная стилистика оказывается непосредственно связанной и с теорией перевода, точнее с частными теориями перевода, изучающими возможности межъязыковых преобразований в пределах конкретной пары языков. Действительно, данные, полученные в результате сопоставительно-стилистических разысканий, оказываются необходимыми для определения степени адекватности перевода той или иной ситуации общения. Они позволяют переводчику свободнее оперировать речевыми средствами переводящего языка, используя те формы, которые оказываются наиболее приемлемыми в повторяющихся ситуациях речевого общения. Они дают возможность также определенным образом взглянуть и на проблему единицы перевода. Ситуативные клише, т.е. готовые речевые формы, регулярно воспроизводящиеся в определенных речевых ситуациях (например, военные команды, формы вежливости, формы общения в определенных ролевых ситуациях: покупатель и продавец, инспектор дорожного движения и водитель и т.п.), составляют одну из единиц перевода. Сопоставительная стилистика позволяет также выбрать адекватные формы текстов перевода, если переводу подлежат речевые произведения, характеризующиеся жесткой формальной структурой,

особенно часто функционирующие в официально-деловой сфере: приказы, уставы, инструкции, кодексы и пр.

Таким образом, сопоставительная стилистика и теория перевода оказываются взаимосвязанными, но не взаимозаменяемыми, дублирующими друг друга отраслями одной обширной науки о речевой коммуникации. Теория перевода позволяет сопоставительной стилистике опираться на категории эквивалентности и адекватности, предоставляя для сопоставительно-стилистических разысканий обширный материал, априорно воспринимаемый исследователями как аналогичный, а, следовательно, и поддающийся сравнению. Категории общей теории перевода лежат в основе одного из основных методов сопоставительной стилистики, называемого «методом перевода».

Со своей стороны, сопоставительная стилистика, особенно то ее направление, в рамках которого исследования ведутся «методом параллельного сравнения» текстов, имеющих функциональную аналогию, предоставляет частным теориям перевода чрезвычайно важную информацию о вариативности речевого общения. Она обращает внимание переводчиков и теоретиков перевода на закрепленность традициями речевого общения определенных форм за теми или иными ситуациями коммуникации. Сопоставительная стилистика обогащает теорию перевода категорией речевых жанров, т.е. неких ядерных классов функционально-стилистических вариантов речи, соотносенных с ядерными классами коммуникативных ситуаций. Она обогащает теорию перевода стилистической категорией речевой нормы как нормы речевого поведения в определенных, регулярно повторяющихся ситуациях коммуникации.

Междисциплинарный подход к изучению перевода

Еще в начале 1970-х гг. А.Д. Швейцер, определяя статус общей теории перевода, писал: «По сути речь идет о приложении лингвистической теории к конкретному виду речевой деятельности – переводу. Поэтому можно охарактеризовать общую лингвистическую теорию перевода как отрасль прикладного языкознания, если под последним понимать не только вычислительную лингвистику (computational linguistics), но и любую область применения языковедческой теории к решению конкретных задач»¹.

Но узость рамок лингвистики для всеобъемлющего изучения перевода ощущалась уже в тот период. Социальный статус перевода как общественно значимой деятельности требовал изучения с привлечением научного аппарата социологии. Особенности поведения и психического состояния устных переводчиков, работающих, как правило, в условиях жестокого

¹ Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М., 1973. С. 16.

стресса, привлекли внимание психологов. Необходимость разработки специальных методов обучения переводу, направленных на формирование специфического переводческого билингвизма, сделали перевод объектом педагогики и методики.

Как уже было отмечено, современная теория перевода является молодой и стремительно развивающейся отраслью знаний. Ее история укладывается в период творческой жизни одного поколения. Это неизбежно приводит к эволюции взглядов исследователей на одно и то же явление. Изменяется положение теории перевода среди других наук, изменяются и взгляды ученых на ее статус.

Если еще в 70-е гг. А.Д. Швейцер был склонен рассматривать теорию перевода как прикладную отрасль науки о языке, то уже в конце 90-х он утверждал, что теория перевода является, безусловно, наукой междисциплинарной, что она смогла преодолеть лингвистический и литературоведческий «изоляционизм», что в ней развиваются тенденции к выработке интегрированного и многомерного подхода к анализу перевода. Стимулом для такой методологической ориентации, справедливо отмечал исследователь, послужили «расширение горизонтов самого языкознания, его отказ от «сепаратистских» традиций, установление тесных связей с другими науками и появление новых «дефисных» направлений, способствующих взаимообогащению языкознания и ряда смежных дисциплин»¹. Как ни парадоксально, но в этом утверждении о междисциплинарном характере теории перевода отчетливо прослеживается лингвистический подход. В самом деле, А.Д. Швейцер видит причину междисциплинарности теории перевода в расширении горизонтов науки о языке. Не теория перевода преодолела рамки лингвистики, а сама лингвистика расширила свои границы, вышла за пределы изучения системных явлений в языке, обратилась к речи, порождение и восприятие которой обусловлены не только собственно лингвистическими, но и культурными, социальными, психологическими, эстетическими и др. факторами. Иначе говоря, те явления, что ранее находились в сфере компетенции разных наук, вошли в круг интересов современной науки о языке.

Сегодня достаточно оснований для того, чтобы рассматривать теорию перевода как самостоятельную научную дисциплину, не ограничивая ее только областью лингвистической науки. Такое ограничение неизбежно привело бы к обеднению этой отрасли знаний, к сужению ее предмета. Более того, нет никакой уверенности, что теория перевода, опирающаяся исключительно на категории лингвистической науки и следующая в фарватере лингвистических течений, не окажется односторонней и будет обладать

¹ Швейцер А.Д. Междисциплинарный статус теории перевода // Тетради переводчика. М., 1999. С. 21.

достаточной объяснительной силой, а следовательно, и большей ценностью для переводческой практики.

Всякое новое знание при условии, что оно научно обосновано, позволяет полнее понять сущность объекта научного исследования. Поэтому пренебрежение ими нерационально. Вместе с тем не исключено, что подобные знания войдут в науку о переводе после очередного сочинительного союза «и», свидетельствующего о новом приращении научных данных, но не выведут ее на новый уровень научного обобщения. А именно в таком обобщении и нуждается современная наука о переводе или, по крайней мере, та ее часть, которая называется общей теорией перевода.

Некоторые исследователи ставят под сомнение возможность создания некой «монистической» теории перевода, т.е. теории, предполагающей рассмотрение многообразия проявлений перевода в свете одного начала, единой основы. М.Я. Цвиллинг полагает, что в связи «с отсутствием единой теории языка и мышления (и человеческого сознания как такового)... и с обнаружившейся иллюзорностью попыток методологической унификации языковедения-филологии, да и общественных наук в целом»¹ создание такой теории вряд ли возможно. В самом деле, построение монистической теории столь сложного объекта, имеющего бесконечное число проявлений, затруднительно. Очевидно и то, что множество моделей, теорий перевода, отражающих и объясняющих тот или иной аспект этого сложнейшего явления, разрозненные, часто даже очень интересные эмпирические наблюдения, полезные для развития переводческой практики, нуждаются в определенном обобщении. Обобщение непременно предполагает единую основу, единые «начала». И если теория языка не предоставляет теории перевода необходимых оснований для теоретических обобщений, то это еще не свидетельствует о невозможности построения монистической теории перевода на иных основаниях. Проблема состоит в том, чтобы эти основания были выбраны достаточно точно, т.е. чтобы предмет теории перевода имел четкие очертания. Иначе говоря, невозможность построения «монистической» лингвистической теории перевода не предполагает невозможности построения такой теории на иных основаниях, выходя за пределы лингвистики. Теория перевода должна иметь свой предмет, отличный от предмета лингвистической науки, а не подчиненный ему как часть целому. В противном случае теория перевода, оставшись в русле лингвистики, будет подстраивать свой предмет к предмету науки о языке, то расширяя, то сужая его, либо вновь сместится в область литературоведения и литературной критики, «выхватывая» фрагментарные знания, полученные другими научными дисциплинами, и объединяя их союзом «и».

Р.К. Миньяр-Белоручев, констатировав в конце 1990-х гг. с известной долей пессимизма, что теория перевода (или переводоведение), все еще

¹ Цвиллинг М.Я. Переводоведение как синтез знания // Тетради переводчика. М., 1999. С. 35.

«остаётся областью лингвистики, а рассматриваемые проблемы перевода обычно не выходят за рамки сопоставительного изучения двух языков»¹, предпринял попытку построить теорию перевода как самостоятельную научную дисциплину на более широкой, нежели собственно лингвистическая, платформе. Эта попытка уже свидетельствовала о том, что наука о переводе выходит за пределы лингвистики. Современная теория перевода вряд ли ассоциируется сегодня только с сопоставительной лингвистикой. Сопоставительная лингвистика, разумеется, остаётся одной из основ формирования переводческого билингвизма, а соответственно одним из путей познания механизма перехода от языка А к языку В в переводе. Но она не покрывает собой всю проблематику современной науки о переводе.

Идея междисциплинарного подхода к переводу, по мнению Швейцера, впервые высказана и аргументирована Ю. Найдой в 1986 г. Найда признавал, что все известные подходы к переводу – филологический, лингвистический, коммуникативный, социосемиотический – в равной степени приемлемы в изучении перевода, так как освещают разные аспекты этого объекта².

В действительности о разностороннем подходе к переводу говорили значительно раньше, ещё в начале 50-х гг., когда лингвистическая теория перевода делала первые шаги. Ведь о возможностях изучения перевода разными науками писал ещё А.В. Федоров, а для А.А. Реформатского в тот же период необходимость изучения перевода разными науками служила аргументом для отрицания самой возможности построения самостоятельной теории перевода. Попытки преодоления «лингвистической узости» теории перевода обнаруживаются и в «сопоставительных стилистиках» А. Мальблана, Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, вышедших в свет в конце 50-х – начале 60-х гг. XX столетия.

В то же время нельзя отрицать того факта, что перевод является речевой деятельностью, одной из её форм, пусть своеобразной и наиболее сложной, но, тем не менее, возможной главным образом на основе языка. Поэтому многие категории лингвистики, безусловно, приемлемы и в теории перевода. Однако известно, что помимо так называемого «межъязыкового» перевода, т.е. собственно перевода, которому и посвящено большинство теоретических исследований, существуют также «межсемиотический» и «внутриязыковой» переводы. Р. Якобсон определял внутриязыковой перевод как переименование, а межсемиотический – как трансмутацию³. Уже само наличие этих разновидностей перевода ставит под сомнение правомерность включения теории перевода в качестве составной части в лин-

¹ Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. С. 5.

² De Waard J., Nida E.A. From one language to another. Functional Equivalence in Bible Translating. Nashville, 1986.

³ Якобсон Р. Указ. соч. С. 362.

гвистику. Ведь, как справедливо отмечал Р. Якобсон, и межъязыковой, и межсемиотический переводы имеют в своей основе одни и те же закономерности.

Таким образом, общая теория перевода оказывается научной дисциплиной, изучающей функционирование и взаимодействие семиотических систем, возможности и закономерности передачи смыслов знаками, принадлежащими разным языковым системам как вариантам единой семиотической системы, которой является естественный человеческий язык. Основное внимание этой научной дисциплины сосредоточено на межъязыковом переводе. Поэтому категория лингвистики в широком смысле слова как науки о речевой коммуникации занимает в общей теории перевода ведущее место. В то же время для познания процесса перевода «важно исследовать не только лингвистическую часть объекта науки о переводе, а весь объект науки о переводе в целом»¹.

Теория перевода пользуется данными, полученными лингвистической наукой, приспосабливает ее методы для решения собственных задач, подобно тому, как пользуется, например, данными лингвистики теория психоанализа, интерпретирующая поведение человека через факты речи. Теория перевода далеко выходит за рамки лингвистики, так как специфика изучаемого объекта требует привлечения данных и методов других научных дисциплин, а именно логики, культурологии, антропологии, этнографии, психологии, социологии и др. Это свидетельствует о том, что перевод как объект может изучаться с разных сторон, разными научными дисциплинами. Теория перевода как самостоятельная научная дисциплина не может быть ни междисциплинарной, ни дефисной. Признание междисциплинарного статуса теории перевода удобно лишь для того, чтобы уйти от решения весьма сложного вопроса о том, что же является собственным предметом этой науки, ведь междисциплинарность – это не что иное, как рассмотрение объекта сквозь призму предметов разных наук. Разумеется, изучение перевода требует междисциплинарного подхода, но междисциплинарный подход к изучению объекта и междисциплинарный статус того или иного научного направления суть вещи разные. Междисциплинарный статус характеризует некую научную область, определившую уже свой объект, но не сформулировавшую свой предмет.

Следует уточнить, что под объектом, как конкретного научного исследования, так и научной дисциплины в целом понимается некая реальная сущность, подвергающаяся научному анализу. В данном случае этой сущностью оказывается перевод как общественное явление. Предмет же отличается в общегносеологическом плане от объекта тем, что включает в себя лишь основные, наиболее существенные для данного исследования или научной дисциплины стороны объекта. Поэтому один и тот же объект пред-

¹ Миньяр-Белоручев Р.К. Указ. соч. С. 7.

стает как предмет разного вида исследований, предмет разных наук. Если говорить о переводе как об объекте, то в этой научной области оказываются такие аспекты, как «лингвистика перевода», «философия перевода», «социология перевода», «психология перевода», «сравнительное литературоведение» и др., которые, строго говоря, являются предметами соответствующих научных дисциплин.

Состояние междисциплинарности характерно, видимо, для научного направления, покинувшего лоно какой-либо научной дисциплины в связи с тем, что ее границы стали слишком узкими, но еще не определившего своего отношения к другим научным дисциплинам, не нашедшего своего места среди них.

На современном этапе теория перевода только начинает оформляться в самостоятельную научную дисциплину. Самостоятельность же любой науки определяется тем, имеет ли она четкие объект и предмет исследования. «Свой объект, предмет и терминологию должна иметь и наука о переводе, если она претендует на самостоятельность»¹, – справедливо утверждал Р.К. Миньяр-Белоручев.

¹ Миньяр-Белоручев Р.К. Указ. соч. С. 5.

Тема 6. ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Перевод как объект теории. Определение перевода

Современное состояние теории перевода характеризуется не только непрекращающимся поиском закономерностей переводческой деятельности, но и постоянным уточнением, как предмета, так и самого объекта этой науки.

Различение объекта и предмета науки, или конкретного научного исследования, проводится не всегда. В плане общей теории познания противопоставление предмета и объекта относительно. Основное структурное отличие предмета от объекта состоит в том, что предмет включает в себе лишь главные, наиболее существенные с точки зрения конкретного исследования свойства и признаки¹.

Проблема определения объекта и (или) предмета теории перевода рассматривается в работах многих исследователей. А.В. Федоров, один из основоположников отечественной лингвистической теории перевода, справедливо полагал, что «при всей взаимосвязанности различных плоскостей изучения, обусловленной единством самого объекта – перевода, постоянно возникает необходимость обращать основное внимание на определенную сторону объекта изучения, при большей или меньшей степени абстракции от остальных (что естественно в науке)»². Признавая, что на современном этапе интересы исследователей перевода разделились, что наряду с традиционным изучением соотношения перевода с оригиналом появилось новое направление, исследующее процесс перевода путем его моделирования, А.В. Федоров считал необходимым в большей степени концентрироваться на лингвистической стороне перевода. «Основным предметом внимания для теории перевода, – отмечал он, – являются соотношения между подлинником и переводом и различие тех форм, которые они принимают в конкретных случаях, требующих объяснения и уточнения»³. А.Д. Швейцер, представляя иное направление в теории перевода, полагал, что в предмет теории перевода «входит процесс перевода в широком социокультурном контексте с учетом влияющих на него внеязыковых факторов – его социальных, культурных и психологических детерминантов»⁴. Объектом исследования оказывался опять же перевод как особый вид речевой коммуникации. А.Д. Швейцер уже стремится преодолеть рамки лингвистики и вывести теорию перевода на уровень самостоятельной научной дисципли-

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 525.

² Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1983. С. 16.

³ Там же. С. 15.

⁴ Швейцер А.Д. Теория перевода. М., 1988. С. 8.

ны. Р.К. Миньяр-Белоручев, определяя место теории перевода среди других отраслей знаний, прежде всего постарался уточнить сам объект этой науки. От общего понятия «перевод» в концепции А.В. Федорова через понятие «особого вида коммуникации» у А.Д. Швейцера Р.К. Миньяр-Белоручев приходит к определению объекта теории перевода как особого вида коммуникации, а именно коммуникации с использованием двух языков. Поэтому, считал он, теории перевода следует не ограничиваться сугубо лингвистическим аспектом процесса перевода, но также изучать и «условия порождения исходного текста, и условия восприятия переводного текста, и социальный статус коммуникантов, и речевую ситуацию, и различные сопутствующие явления, что входит в сложное понятие коммуникации с использованием двух языков»¹. При определении предмета науки о переводе Р.К. Миньяр-Белоручев исходил из положения о том, что предметом любой науки является теоретическое отражение содержания объекта, создание его абстрактной модели, накопление систематизированных знаний об объекте².

Предложенное исследователем положение об объекте переводческой науки позволяет взглянуть на перевод не только как на объект сопоставительной лингвистики. Из этого определения мы узнаем, что перевод представляет собой один из сложных видов речевой деятельности и что он предполагает взаимодействие трех участников акта коммуникации с использованием двух языков. В этой формулировке объекта науки о переводе, отражающей деятельностный подход к переводу, который, по мнению ее автора, противопоставлен сугубо лингвистическому, перевод рассматривается как процесс, рациональная деятельность. Иначе говоря, наука о переводе исследует двуязычную деятельность переводчика в его взаимодействии с автором исходного сообщения и получателем продукта перевода. И, тем не менее, предложенное Р.К. Миньяр-Белоручевым определение объекта теории перевода достаточно спорно, так как не отражает всех тех признаков, которыми может характеризоваться перевод. Определение предмета науки о переводе как теоретического отражения реальной переводческой практики также довольно расплывчато.

Отождествление объекта и предмета теории перевода фактически происходит и у В.Н. Комиссарова. Он, как и Р.К. Миньяр-Белоручев, рассматривает перевод в рамках межъязыковой коммуникации. Такой подход позволяет, по его мнению, «решить вопрос о том, что составляет предмет теории перевода. Понятно, что теория перевода (теоретическая часть науки о переводе – переводоведение) должна заниматься изучением перевода, но что такое перевод?»³. Таким образом, предметом науки о переводе оказы-

¹ Миньяр-Белоручев, Р.К. Теория и методы перевода. М., 1996. С. 6.

² Там же. С.5.

³ Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение. М., 2001. С. 49.

вается изучение объекта – перевода, т.е. всеобъемлющее теоретическое представление объекта без какой бы то ни было определенно выраженной специфики. В этом случае оказывается необходимым уточнить само понятие объекта, что и предпринимает В.Н. Комиссаров, предлагая следующее определение перевода: «Перевод – это вид языкового посредничества, при котором на другом языке создается текст, предназначенный для полноценной замены оригинала, в качестве коммуникативно равнозначного последнему»¹. Весьма лаконичное определение перевода, предложенное В.Н. Комиссаровым, все же не отражает всей сущности объекта теории перевода с достаточной полнотой и ясностью. В.Н. Комиссаров справедливо относит свое определение к разряду телеологических, т.е. тех, которые пытаются объяснить сущность явлений и процессов через отношение целесообразности. Но цель не является единственной причиной того, что процессы развиваются тем или иным способом. Цель представляет собой лишь один из внешних факторов по отношению к процессу и не дает возможности вскрыть его сущность.

Попытка уточнить объект теории перевода вновь возвращает нас к самому понятию «перевод», ведь именно это понятие и должно отражать некую реальность, исследуемую данной научной дисциплиной. Всякое понятие характеризуется объемом и содержанием. Если мы включим в объем понятия «перевод» все разновидности коммуникации с использованием двух языков, то под это понятие мы должны будем подвести и составление рефератов по источникам, написанным на другом языке, и аннотации собственных научных статей, которые принято делать на английском языке, и известные из истории литературы подражания, и некоторые другие разновидности коммуникации с использованием двух языков, не являющиеся переводом. Объем понятия «перевод» оказывается уже понятия «коммуникации» с использованием двух языков. Но, как мы видели, существует широкий взгляд на перевод (межъязыковой перевод, внутриязыковое переименование и трансмутация). Такое широкое понимание перевода выходит за пределы коммуникации с использованием двух языков, так как предполагает и коммуникацию внутри одного языка и, напротив, коммуникацию с использованием разных семиотических систем. Объем понятия перевод оказывается шире объема понятия коммуникации с использованием двух языков.

Для уточнения объема понятия перевод следует, как можно полнее, раскрыть его содержание, т.е. максимально полно ответить на вопрос о том, что же такое перевод. Это позволит отграничить перевод от других смежных с ним явлений. Ранее были приведены различные определения перевода, характеризующие это явление с разных сторон, называющие

¹ Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение. М., 2001. С. 53.

различные признаки объекта. Синтез всех признаков, выраженных в этих определениях, и позволит уточнить содержание понятия «перевод».

Прежде всего, следует подчеркнуть, что перевод – общественное явление, он может существовать только в обществе индивидов, наделенных способностью мыслить абстрактно, облекать свои представления об окружающем мире в условные знаки, договариваться между собой о значениях и взаимообусловленности этих знаков, т.е. их системности, и нуждающихся в передаче мыслей друг другу с помощью этих знаковых систем. Общественный статус перевода ставит его в зависимость от целого ряда социальных факторов. Социальный статус коммуникантов, в том числе и самого переводчика, общественная значимость каждого перевода, условия коммуникации и многие другие факторы обуславливают как протекание самого процесса перевода, так и свойства создаваемого переводчиком «продукта».

Перевод является сложнейшей интеллектуальной деятельностью, т.е. представляет собой психофизический процесс отражения сознанием переводчика некоторой реальности. Сложность «переводческого» отражения действительности состоит в том, что воспринимает он уже отраженные чужим сознанием факты действительности. Эта двойственность отражения и лежит в основе перевода как психического процесса. Восприятие переводчиком отраженной действительности, зафиксированной в формах исходного текста, также происходит различно. Исходный текст может поступать по зрительному или слуховому каналам, один раз или неограниченное количество раз, в комфортной психологической обстановке или в условиях стресса. От того, как воспринимает переводчик «свою реальность», зависят свойства создаваемого им продукта.

Перевод всегда предполагает оперирование определенными знаковыми системами, т.е. имеет знаковую, семиотическую сущность. Он может осуществляться как между разными семиотическими системами, так и между разными вариантами одной и той же семиотической системы. В качестве вариантов одной семиотической системы могут выступать разные естественные языки в рамках абстрактной семиотической системы – человеческого языка. Такими вариантами могут быть и разные подсистемы внутри одного национального языка, и разные идиолекты, т.е. индивидуальные языки говорящих субъектов. Преимущественным объектом теории перевода является межъязыковой перевод, однако многие закономерности, присущие данной разновидности семиотических отношений, оказываются действительными и для внутриязыкового, и для межсемиотического перевода.

Перевод – это всегда переход, осуществляемый индивидом (или имитирующей его машиной) либо от одной семиотической системы к другой, либо от одного варианта той же семиотической системы к другому. Но не

всякий переход от одной знаковой системы к другой оказывается переводом. Не выходя за пределы взаимодействия только языковых систем, и в дополнение к названным уже типам коммуникации с использованием двух языков, можно представить себе такую ситуацию устного общения, когда билингв, находясь в обществе людей, говорящих на разных языках, например на дипломатическом приеме, говорит с одними на одном языке, а с другими – на другом. Но никакого перевода в этом случае нет, ведь билингв, строя речевые произведения то на одном, то на другом языке, не ставит перед собой задачу передать сообщение от одного коммуниканта к другому. Таким образом, главной функцией перевода, отличающей его от других разновидностей коммуникации с использованием двух языков, оказывается общественная функция посредничества, т.е. передача чего-либо от одного индивида другому. В этой функции перевод подобен любому посредничеству. Переводчик оказывается сродни адвокату, отстаивающему интересы своего клиента в суде, или банкиру, переправляющему денежные средства от одного человека другому.

Наконец, самый важный вопрос о том, что в самом деле должен передавать переводчик в процессе своего посредничества. От решения этого вопроса зависит то, как определять перевод. Располагаясь в сфере коммуникации, переводчик оперирует смыслами, заключенными в речевых произведениях (текстах). Таким образом, перевод представляет собой операцию по расшифровке смыслов, извлеченных из сообщения, созданного средствами одного естественного языка, и воспроизведения их в сообщении, создаваемом средствами другого естественного языка.

В любом переводе всегда утрачивается какая-то часть исходной информации и неизбежно добавляется новая информация, возникающая из сочетаний знаков языка перевода. Неизбежность утрат и изменений смыслов в переводе отчетливо осознавал еще Иероним, видимо, это сознает и любой человек, вовлеченный в переводческую деятельность. Но если Иероним был вынужден убеждать своих современников в неизбежности потери, то в современной науке о переводе, как справедливо утверждает В.Н. Комиссаров, «признается принципиальная переводимость релевантной части содержания оригинала при возможных опущениях, добавлениях и изменениях отдельных элементов передаваемой информации»¹. Перевод следует всегда рассматривать как частичную передачу смысла исходного сообщения, лишь приближающуюся в большей или меньшей степени к полной. Отличие перевода от других видов межъязыкового посредничества, таких как реферирование, подражание, пересказ и т.п., состоит именно в том, что перевод стремится к максимально полному и точному воссозданию всей системы смыслов, заключенной в исходном сообщении. Абсолютно полная передача всех смыслов – это некая переводческая сверхзада-

¹ Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение. М., 2001. С. 49.

ча, к достижению которой следует стремиться, но достичь ее практически невозможно.

Все теоретические и критические рассуждения о переводе велись на протяжении двух тысячелетий в основном вокруг вопроса о том, какой должна быть степень полноты и точности воссоздания в переводе системы смыслов оригинала. Осознание частичности перевода, неизбежности утрат при воссоздании системы смыслов исходного сообщения в сочетании со стремлением к абсолютной полноте и точности порождали пессимизм и утверждения о непереводаемости. Но это же свойство перевода лежит в основе апологий «переводческой вольницы», права переводчика на свободное обращение со смыслами оригинала, на всяческие переделки, исправления, подражания и т.п.

Частичность воссоздания системы смыслов оригинала – объективное свойство перевода. Она обусловлена неизбежной асимметрией любой пары языковых систем, оказывающихся в контакте в переводе, асимметрией языковых картин мира. Полнота и точность перевода зависят от условий его осуществления. Письменный перевод менее ограничен во времени, чем устный перевод. Он позволяет многократно обратиться к тексту оригинала, к справочной литературе, редактировать текст перевода и т.п. Устный перевод протекает в условиях однократного предъявления исходного сообщения в устной форме, часто на фоне множественных помех, без возможности вновь вернуться к начатому уже переводу, без права на его редактирование. Естественно, по своей полноте письменный перевод будет отличаться от устного. Различия в степени полноты столь велики, что в западной переводческой школе эти виды перевода традиционно обозначают разными терминами. Устный перевод оказывается сродни интерпретации, т.е. толкованию, раскрытию смысла чего-либо, предполагающей, как правило, творческое начало. Но интерпретация оказывается основой не только устного, а любого перевода. Переводчик, в каких бы условиях он ни работал, прежде всего, является коммуникантом, получающим речевое сообщение, читателем, если речь идет о письменном тексте, и слушателем, если исходное сообщение поступает в устной форме. То, насколько полно и точно воспринято исходное сообщение, расшифрована закодированная в нем система смыслов, зависит от личности переводчика, его индивидуальности, психического состояния, опыта познания окружающего мира, а также от его этической установки, т.е. понимания своей переводческой миссии. Но интерпретация не ограничивается только пониманием исходного речевого произведения, это еще и толкование заложенной в нем системы смыслов. Толкование предполагает выбор определенных форм выражения, наиболее приемлемых, с точки зрения каждого конкретного переводчика, для данной системы смыслов, ожиданий публики, получающей

перевод, условий перевода. Объективная множественность интерпретаций оригинала составляет третью причину частичности перевода.

Необходимость найти ту оптимальную величину полноты и точности передачи системы смыслов оригинального речевого произведения, позволяющую говорить именно о переводе, а не о каком-либо ином виде межъязыкового посредничества, выдвигает на первый план проблему отношения исходного текста к тексту перевода. Идеалом такого отношения было бы тождество, т.е. полное подобие. Но полное подобие в переводе практически недостижимо. Поэтому оптимальное отношение подобия перевода тексту исходного речевого произведения, максимально возможное в конкретных условиях, оказывается величиной относительной. Это отношение можно определить через понятие эквивалентности, так как эквивалентными оказываются предметы и количества равнозначные, равноценные или соответствующие в каком-либо отношении другим, способные служить им выражением или заменой.

Таким образом, выделенные признаки понятия «перевод» дают возможность сформулировать содержание этого понятия и дают представление о том объекте, который изучается теорией перевода. Перевод – это общественная функция коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами, реализующаяся в ходе психофизической деятельности билингва по отражению реальной действительности на основе его индивидуальных способностей интерпретатора, осуществляющего переход от одной семиотической системы к другой с целью эквивалентной, т.е. максимально полной, но всегда частичной, передачи системы смыслов, заключенной в исходном сообщении, от одного коммуниканта другому.

Такое понимание перевода как объекта теории, разумеется, вполне предполагает междисциплинарный подход.

Интеллектуальная деятельность переводчика по реализации сложнейшей общественной функции может изучаться лингвистикой, потому что эта деятельность – речевая, т.е. реализующаяся с помощью естественных человеческих языков. Перевод представляет интерес для семиотики как процесс перехода от одной знаковой системы к другой, и для логики как процесс преобразования смыслов, и для когнитивистики как процесс познания чужой действительности через призму своей. Переводческая деятельность может изучаться и психологией как разновидность психической деятельности, и социологией – как один из видов социально-ролевого взаимодействия, и юридической наукой – в аспекте ответственности переводчика за результат своей деятельности. Процесс перевода может изучаться даже медициной, если эта наука захочет выяснить, например, как меняются артериальное давление и пульс у устных переводчиков для начала, в ходе и по завершении перевода, и т.п. Перевод как процесс создания

художественного произведения традиционно изучается литературоведением. Как специфическая форма воспроизведения действительности, в основе которой лежат категории, онтологически близкие художественному образу, перевод может представлять интерес для теории искусств.

Данные разные взгляды на один и тот же объект, разные ракурсы, под которыми исследуется этот объект, представляют собой разные предметы исследования одного и того же объекта.

Предмет теории перевода

Прежде чем попытаться определить предмет теории перевода, следует уточнить, что наука о переводе, какую бы направленность она ни имела, была и останется теоретической дисциплиной, так как вряд ли когда-нибудь сможет располагать достаточными экспериментальными данными о психофизических процессах, протекающих в голове переводчика. Вряд ли она сможет в полной мере изучить и физическое состояние переводчика в процессе перевода. Можем ли мы представить себе переводчика, обеспечивающего переговоры на уровне глав государств, увешанного медицинскими датчиками, регистрирующими изменения функционирования всех его жизненно важных органов, или синхрониста в кабине с аппаратом, измеряющим давление? Даже представить себе такое сложно, реальные же эксперименты подобного рода вовсе невозможны. Мы можем лишь сопоставить физическое состояние переводчика до начала перевода и после. По результатам сравнения мы сможем зарегистрировать произошедшие в его физическом состоянии изменения. Эти изменения позволят, возможно, смоделировать процессы, происходящие во время перевода в организме переводчика. Если повторить этот эксперимент множество раз, можно попытаться вывести закономерности. Сделанные выводы станут основой дальнейших исследований.

Именно таким путем и развивается научное знание о переводе. Непосредственному наблюдению поддаются лишь материальные объекты и процессы, которые можно воспринять, проанализировать, измерить до начала процесса перевода и после его завершения, идет ли речь о психофизическом состоянии переводчика или о текстах – исходном тексте и тексте перевода. В этом особенность перевода как объекта науки. Он позволяет оперировать лишь косвенными данными. Эта особенность объекта теории обуславливает и его предмет.

Тот факт, что реальному наблюдению и научному анализу поддаются лишь данные «на входе» и «на выходе», в то время как сам интеллектуальный процесс переводческого преобразования происходит скрытно, превращает теорию перевода в сопоставительную дисциплину. Все выводы о механизме перевода делаются на основе сопоставления исходных и ре-

зультирующих данных. Материальным продуктом, результирующим интеллектуальный процесс переводческого преобразования, оказывается речевое произведение. Поэтому естественно, что в качестве данных для сравнения выступают речевые произведения – исходное, подвергшееся переводу, и финальное, созданное переводчиком.

Речевая сущность сравниваемых объектов и предопределила то, что предмет теории перевода долгое время практически не выходил за рамки предмета лингвистики. Теория перевода и называлась в этом случае лингвистической.

Л.С. Бархударов полагал, что «предметом лингвистической теории перевода является научное описание процесса перевода как межъязыковой трансформации, т.е. преобразования текста на одном языке в эквивалентный ему текст на другом языке»¹. Он подчеркивал, что под термином «процесс» не имел в виду психический процесс, протекающий в мозгу переводчика во время перевода. О характере этого процесса имеются весьма смутные представления, хотя этот процесс и представляет несомненный интерес².

Такое определение предмета теории перевода, ограничивающее его процессом межъязыковой трансформации, было вполне приемлемым для лингвистической теории перевода. Но оно показалось слишком узким, когда к изучению перевода начали подходить с позиций общей теории коммуникации. Р.К. Миньяр-Белоручев подчеркивал, что межъязыковые преобразования «обязательно ограничены рамками двух конкретных языков... Тем самым задачи науки о переводе сводятся к сравнительному изучению двух языковых систем, к некоторому комплексу проблем частной теории перевода»³. Такой взгляд на предмет теории перевода ограничивается собственно лингвистическим аспектом перевода и не позволяет науке о переводе выйти за рамки лингвистики. По мнению этого исследователя, «процесс перевода включен в коммуникацию с использованием двух языков и составляет ее центральное место. Всякое же моделирование коммуникации с использованием двух языков, накопленные о ней знания составляют предмет науки о переводе»⁴.

Таким образом, предмет науки о переводе полностью покрывает собой объект, становится своеобразной теоретической калькой объекта. Но перевод является чрезвычайно сложным объектом, предполагающим изучение разными научными дисциплинами, имеющими разные предметы, т.е. междисциплинарный подход. Междисциплинарный подход совершенно не исключает того, что теория перевода, если, конечно, такая наука действи-

¹ Бархударов, Л.С. Язык и перевод. С. 6.

² Там же. С. 5.

³ Миньяр-Белоручев, Р.К. Теория и методы перевода. С. 6.

⁴ Там же.

тельно существует как самостоятельная дисциплина, должна иметь собственный предмет. Представление о предмете науки о переводе как о совокупности всех знаний о нем, накопленных разными научными дисциплинами, настолько широко раздвигает границы этой науки, что рискует лишить ее присущей каждой науке предметной определенности

Сложность и многосторонность объекта, бесчисленное множество вариантов его проявления делают абсурдной, по крайней мере, сегодня, идею создания единой «науки о человеке», «человековедения», «гомологии» или еще чего-то подобного. Перевод, несомненно, представляет собой менее сложный объект, нежели человек. Но, являясь одновременно фактом и посредничества, и речевой коммуникации, и билингвизма, и социального поведения, и психического состояния, и еще многого другого, перевод, тем не менее, имеет нечто специфическое, присущее только ему. Именно это специфическое и должно составить предмет теории перевода как самостоятельной научной дисциплины.

Поиск специфического вновь направляет к реально существующим свидетельствам переводческой деятельности, а именно к речевым произведениям, текстам – оригинальным, подлежащим переводу, и переводным. Явное отличие того, что имеется до перевода, от того, что рождается в результате перевода, со всей очевидностью показывает, что процесс перевода есть сложное, многообразное и многоуровневое преобразование, которое затрагивает самые различные аспекты речевой коммуникации. Преобразуется вся система смыслов исходного сообщения, что выражается в более или менее значительных изменениях семантики исходного сообщения и его прагматики, порядка взаимного расположения элементов сообщения, в изменении формы речи, например письменной на устную при переводе с листа, художественной формы (поэтической на прозаическую и наоборот), литературного или речевого жанра и т.п. Все эти преобразования обусловлены самыми различными факторами самой различной природы, социальными, психическими, историческими и др., что далеко выходит за пределы межъязыковой асимметрии. Именно поэтому взгляд на науку о переводе только с точки зрения лингвистики (лингвистическая теория перевода) представляется слишком узким и односторонним. В то же время попытка «объять необъятное» и представить предмет теории перевода как совокупность предметов различных научных дисциплин делает его неоправданно расширенным, размытым, а, следовательно, и операционно непригодным. Попытка разрубить этот «гордиев узел» и совместить необходимую широту взгляда с точно обозначенной предметностью могла бы состоять в том, чтобы не прибавлять друг к другу, а синтезировать предметы разных наук, изучающих перевод, выделив собственный предмет. Ведь именно таким путем возникают новые научные направления. Но синтез различных предметов с целью построения единой теории объекта, способный привести к

созданию новой научной дисциплины, требует системного подхода. Иначе говоря, наука о переводе должна синтезировать различные предметные стороны переводческой деятельности как некой системы.

В этом случае предметом теории перевода могла бы оказаться трансформирующая деятельность переводчика, создающего иное, тогда как целью его является создать нечто подобное. Именно это противоречие и порождающие его причины лингвистического социального, психического, исторического, этнологического и другого плана и составляют предмет теории перевода. Противоречивость перевода, возникающая из столкновения «своего» и «чужого», поиск подобия в различном и различия в подобном можно объяснить только синтезируя знания о переводе, накопленные разными науками. А.В. Федоров, намечая пути развития науки о переводе, справедливо отмечал, что «дальнейший путь работы над теорией должен предполагать постепенно реализуемые возможности синтеза, путь от частного синтеза к синтезу более общему»¹. В качестве примера такого синтеза А.В. Федоров называл «преодоление существовавшего антагонизма между литературоведческим и лингвистическим путями изучения художественного перевода»².

Синтез предметных сторон, имеющий целью построение единой теории перевода, требует системного подхода. Тогда сама противоречивая переводческая реальность будет представлена как системное явление, т.е. как некая совокупность элементов, между которыми устанавливаются определенные типы связей и отношений, благодаря чему эта совокупность приобретает целостность и единство со всеми присущими системе свойствами и отношениями.

¹ Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1953. С. 130.

² Там же.

Тема 7. СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПЕРЕВОДА

Перевод как система

Методологическая ценность системного подхода к переводу состоит в том, что он позволяет ориентировать исследование изучаемого объекта на раскрытие его целостности и на анализ тех механизмов, которые эту целостность обеспечивают. Особое внимание уделяется выявлению многообразных типов связей как внутри самого сложного объекта, так и с окружающим миром, что позволяет свести разносторонние знания об объекте в единую теоретическую картину.

Системный подход, занимающий в современном научном познании одно из центральных мест, дает возможность охватить более широкую познавательную реальность по сравнению с теми подходами, когда исследования сосредоточивались лишь на какой-либо одной предметной стороне объекта. Системный подход к переводу способен дать более полную и подробную теоретическую картину этого объекта по сравнению с отдельно взятым лингвистическим, литературоведческим, деятельностным или иным подходом.

В русле системного подхода не только предлагается новая схема объяснения механизмов, обеспечивающих целостность переводческой деятельности, но и разрабатываются такие типологии связей и отношений, которые представляют их как логически однородные. Это позволяет непосредственно сравнивать и сопоставлять между собой все многообразные типы связей и отношений, выявляемых в переводческой деятельности, на единых логических основаниях. Многообразие типов связей как внутри самой переводческой деятельности, так и по отношению к другим объектам реальной действительности предполагает не одно, а несколько теоретических «расчленений». Критерием же обоснованности того или иного расчленения является то, насколько удастся в конечном итоге построить «единицу анализа». Для теории перевода такой единицей оказывается так называемая «единица перевода».

Понятие системы имеет очень широкую область применения: практически всякий объект может быть представлен в теоретическом описании в виде системы. Однако, описывая какой-либо объект как систему, следует определить, каким образом проявляются в нем основные системные признаки. Соответственно, если мы хотим представить в виде системы перевод, то должны будем проследить, как проявляются в нем основные признаки системы, а именно: целостность, структурность, взаимозависимость системы и среды, иерархичность, множественность описания.

Иерархичность, многоуровневость, структурность – это свойства не только строения системы, но и ее поведения. Отдельные уровни системы

обуславливают определенные аспекты поведения, а целостное функционирование оказывается результатом взаимодействия всех сторон и уровней. Важной особенностью большинства систем, живых, технических и социальных, является передача через них информации и наличие процессов управления. К наиболее сложным видам систем относятся целенаправленные системы, поведение которых подчинено достижению определенных целей. Перевод входит в круг систем именно такого типа. Перевод всегда подчинен определенной цели, развертывание всего процесса перевода и свойства возникающего в результате этого процесса продукта обусловлены его целью.

Если попытаться представить себе процесс переводческого преобразования исходного речевого произведения как системное явление, то нужно определить, обладает ли оно всеми перечисленными свойствами системы. В пользу системного подхода к переводу говорит уже то, что переводчик имеет отношение с речевыми произведениями, текстами. Тексты же сами по себе уже обладают определенной системностью.

Целостность переводческого преобразования текста

Целостность любой системы заключается в зависимости каждого элемента, свойства и отношения системы от их места и функций внутри целого. Целостность предполагает принципиальную невозможность свести свойства системы к сумме свойств составляющих элементов, а также вывести из свойств отдельных элементов свойства системы в целом.

Переводческая деятельность, безусловно, обладает свойством целостности. Переводческое преобразование как целостный единый процесс состоит из ряда взаимосвязанных и взаимообусловленных более частных трансформационных операций, обладающих специфическими свойствами. Было бы ошибочным представить переводческое преобразование исходного сообщения в переводное в виде суммы составляющих ее отдельных трансформационных операций. Прежде всего, элементарные трансформационные операции затрагивают такие области структуры текста, как поверхностные, так и глубинные, которые никак не могут быть представлены в виде суммы. Передавая смыслы, заключенные в знаках одной системы, знаками другой и частично трансформируя их, переводчик осуществляет операции, затрагивающие все типы семиотических отношений: семантические, синтаксические, прагматические. Семантические перераспределения, антонимические, синонимические и гипо-гиперонимические транспозиции, переводческие тропы, синтаксические преобразования, грамматические транспозиции и многие другие трансформационные операции затрагивают самые различные области взаимодействия знаков, как между собой, так и с внешней средой. Свойства переводческого преобразования текста исход-

ного сообщения не могут быть выведены в силу тех же причин из свойств какой-либо одной трансформационной операции.

В истории перевода проблема целостности процесса переводческого перевыражения обычно рассматривалась в терминах общего и частного, целого и части и т.п. Одним из аргументов в пользу целостности процесса переводческого преобразования может служить не раз высказывавшееся мнение о том, что «идеальным переводом» был бы тот, который переводчик сделал бы, если бы смог, прочитав текст оригинала, закрыть его и только тогда приступить к его воссозданию на другом языке. Такой идеальный перевод предполагает полное абстрагирование переводчика от частностей, отход от форм оригинала. В сознании переводчика в этом случае остается только представление об оригинале как о целостном речевом произведении. Вторым реальным аргументом в пользу целостности переводческой преобразовательной стратегии служит практика перевода названий художественных произведений, предполагающих разное прочтение. Названия, естественно, относящиеся ко всему тексту в целом, обычно переводятся после того, как переводчик воспринял весь текст оригинала в целом. Даже незначительная многозначность отдельных слов, составляющих название художественного произведения, вынуждает переводчика переводить название после того как прочитан и понят весь текст.

Столь же очевидной в рамках целостного преобразования текста, происходящего в переводе, оказывается и зависимость каждой элементарной операции, обладающей специфическим свойством, от ее места и функций внутри целого. В качестве иллюстрации этого характера взаимоотношений между целым и частью приведем пример действий переводчика при так называемой повторной номинации в переводе, когда переводчику приходится выбирать те или иные формы для обозначения некоего фрагмента действительности, уже упоминавшегося в тексте. Немецкий, английский, испанский и многие другие языки отличаются от русского более полной грамматической выраженностью. Это проявляется, например, в том, что в этих языках в письменной речи субъект действия, обозначенный грамматическим подлежащим, обязательно называется в ряде следующих друг за другом предложений личными местоимениями.

Рассмотрим часто встречающийся случай переводческих преобразований, продиктованный именно целостностью процесса перевода. В русском, английском, французском и других языках существует множество различных глаголов, способных сопровождать прямую речь и некоторым образом комментировать реплики персонажей.

Если мы обратимся к реальным литературным текстам на русском языке, то обнаружим в них большое разнообразие глаголов речи, сопровождающих прямую речь персонажей. Во французских же оригинальных текстах картина часто иная. В них преимущество отдается глаголу речи с наи-

более общим значением, нейтральному, базовому глаголу речи, лишенному каких бы то ни было коннотаций, – *dire*. В этом проявляется известная абстрактность французской речи. Ш. Балли отмечал это свойство французского языка по сравнению с немецким: «Французские глаголы представляют действие в отвлеченной форме. Немецкий же глагол более конкретен: он делает упор на различные формы и детали. Известно, с какой тщательностью он проводит различие между *legen* класть, *stellen* ставить, *setzen* сажать, *hängen* вешать, где французский язык довольствуется бесцветным глаголом *mettre*»¹. Французский язык оказывается более абстрактным и по сравнению с английским. Вине и Дарбельне отмечали, что очень часто французское слово служит общим термином для серии английских синонимов, в которой отсутствует обобщающее слово. Так, французскому слову *promenade*, заключающему в себе понятие прогулки, в английском языке будут соответствовать слова *walk* пешая прогулка, *ride* прогулка верхом, *drive*, *ride* прогулка на машине, *sail* прогулка на корабле². Канадские лингвисты приводят интересное сравнение, принадлежащее французскому философу и литературному критику XIX в. И. Тэну: «Переводить на французский английскую фразу – это то же, что воспроизводить простым карандашом цветную фигуру. Устраняя, таким образом, аспекты и признаки вещей, французский разум приходит к общим, т.е. простым, идеям, которые выстраивает в упрощенном порядке, в порядке логики»³. Но дело здесь, видимо, не столько во французском менталитете, сколько в сложившихся нормах словесности. В.Г. Гак справедливо полагает, что нормы французского литературного языка сложились в период господства «эстетики классицизма с ее стремлениями к общему, отвлеченному»⁴.

Литературная норма языков Западной Европы испытала на себе значительное влияние французской словесности. Возможно, поэтому в литературной речи эти языки часто отдают предпочтение глаголам речи, сопровождающим реплики персонажей, с наиболее общим значением даже тогда, когда в системе языков имеются синонимы с более конкретными значениями, способные передавать нюансы речевого поведения. В английских текстах – это, прежде всего, глагол *to say*, в испанских – *decir*, в итальянских – *dire*. В русской же литературной речи сохраняется иная норма – употреблять в подобных случаях глаголы, обозначающие оттенки общего значения акта речи. Кроме наиболее общих глаголов *сказал*, *произнес*, *спросил*, *ответил* в русских текстах встречаются: *пробормотал*, *проворчал*, *пробурчал*, *прошептал*, *процедил*, *прохрипел*, *пролепетал*, *вставил*, *перебил*, *отрезал*, *оборвал*, *подхватил*, *добавил* и многие другие. Использование

¹ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 378.

² Там же.

³ Vinay J.-R., Darbelnet, J. Op. cit. P. 59.

⁴ Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977. С. 77.

разных глаголов для комментирования особенностей протекания того или иного речевого действия позволяет также избежать монотонности, возникающей при многократном повторении одних и тех же многозначных глаголов речи.

Если переводчик поставит перед собой задачу сделать переводной текст соответствующим нормам и литературным традициям переводящего языка, то при переводе с русского на один из названных языков возможна межъязыковая семантическая транспозиция: более конкретный и семантически более содержательный русский глагол может быть заменен в тексте семантически более бедным широкозначным глаголом речи переводящего языка. Такая трансформационная операция будет оправдана позицией данного глагола в тексте, обусловленной его взаимосвязью с другими, предшествующими и следующими за ним глаголами речи.

Напротив, перевод с одного из указанных европейских языков на русский потребует противоположного переводческого решения, если, разумеется, стратегия перевода будет аналогичной – сделать текст соответствующим нормам и литературным традициям переводящего языка. Переводчик будет заменять там, где это возможно скупые *to say, dire, decir* семантически более нагруженными русскими глаголами речи, представляя себе переводной текст в целом, т.е. как цельное произведение, элементы которого взаимосвязаны. Болгарская переводчица и исследователь теоретических проблем перевода А. Лилова отмечала, что умение переводчика «уловить и сохранить сущность и целенаправленность общего начала, которым руководствовался автор, идейно-образную структуру художественного оригинала и на этой основе определить функции отдельных элементов содержания и формы, их роль в контексте всего произведения»¹ является важным аспектом его таланта.

Свойство перевода как целостной системы лежит в основе эквивалентности – основной, но также далеко не однозначной по своей сущности категории теории перевода. А.Д. Швейцер справедливо полагал, что, «говоря об эквивалентности, следует не забывать важнейшего для теории перевода положения о примате эквивалентности текста над эквивалентностью его сегментов. Эта закономерность выступает наиболее рельефно в тех случаях, когда коммуникативная установка отправителя выдвигает на первый план не референтную функцию текста, а другую, скажем, металингвистическую или «поэтическую». Именно поэтому на уровне эквивалентности словесных знаков невозможен перевод каламбура»². Этим примером конкретной переводческой задачи по установлению эквивалентности между исходным речевым произведением и его переводом, задачи преодоления непереводаемости на уровне отдельного фрагмента текста исследователь

¹ Лилова А. Введение в общую теорию перевода. М., 1985. С. 76.

² Швейцер А.Д. Теория перевода. С. 94.

иллюстрирует целостность переводческого процесса, подчинение конкретного переводческого решения общей, целостной стратегии перевода.

Взгляд на перевод как на целостную систему позволяет, таким образом, дать решение одной из наиболее важных и дискуссионных проблем теории перевода, а именно проблеме принципиальной переводимости. А.В. Федоров, основываясь на подобном взгляде на перевод, справедливо утверждал, что полноценный перевод возможен. «То, что невозможно в отношении отдельного элемента, – писал он, – возможно в отношении сложного целого – на основе выявления и передачи смысловых и художественных функций отдельных единиц, не поддающихся узкоформальному воспроизведению; уловить же и передать эти функции возможно на основе тех смысловых связей, какие существуют между отдельными элементами в системе целого»¹.

Положение о системной целостности переводческого преобразования позволяет объяснить некоторые переводческие приемы в частности опущения, некоторые виды замен, а также прием компенсации. Утрата отдельного «непереводимого» элемента, на выполняющего в тексте организующей функции, «может не ощущаться на фоне обширного целого, он как бы растворяется в целом или заменяется другими элементами, иногда и не заданными оригиналом»².

Понятие целостности перевода и связанные с ним теоретические положения оказываются чрезвычайно важными для решения еще одной важной проблемы перевода – проблемы выделения единицы перевода. В самом деле, перевод как целостный системный процесс противопоставлен отдельным составляющим его операциям, процедурам, элементам и т.п. Эти элементы в рамках целого должны быть сведены к каким-то первичным, которые, видимо, и составляют единицу перевода.

Положению о целостности перевода, которое предполагает зависимость каждой конкретной переводческой операции от целостного представления о сообщении, на первый взгляд противоречит практика устного, прежде всего синхронного, перевода. Устный переводчик не всегда может получить исходный текст заранее, чтобы ознакомиться с ним и создать себе целостное представление о нем. Но в данном случае целостность процесса перевода определяется иным фактором, а именно представлением переводчика об этом тексте, о его жанре, тематике и пр. Переводчик прогнозирует исходный текст как целостное явление и на этом основании строит свою целостную стратегию перевода. Зная, что ему предстоит переводить на научной конференции, он выберет одну стратегию, основываясь на своем общем, целостном представлении о научной речи. Готовясь к переводу дипломатических переговоров, он будет строить свою стратегию,

¹ Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1983. С. 122.

² Там же.

исходя из целостных представлений о политической речи, он будет вводить в свою речь многие устоявшиеся формулировки и другие клише, свойственные общению в политической сфере. Целостный подход к переводу, основанный только на представлении о подлежащем переводу сообщении (иди сообщениях), поможет ему изначально, еще до перевода сделать определенный выбор необходимых значений у многозначных слов, т.е. актуализировать их значения.

По мере развития текста перевода целостность перевода будет обуславливаться также и тем, что уже было переведено. Переводчик будет ориентироваться не только на то, что слышит, т.е. на то, что ему предстоит перевести, но и на то, что он уже перевел. Выбрав в начале перевода какой-либо термин для обозначения какого-либо объекта, в дальнейшем по ходу перевода он будет стараться постоянно использовать именно эту форму, даже тогда, когда иной эквивалент ему вдруг покажется предпочтительней. Если по ходу перевода он осознает, что где-то ранее допустил ошибку или неточность именно в силу того, что развертывание исходного текста обернулось неожиданным образом, он внесет поправку и обратит внимание на тот фрагмент, в котором допущена неточность или ошибка.

Таким образом, принцип целостности вполне характеризует перевод как системное явление независимо от того, в какой форме и в каких условиях он протекает.

Структурность переводческого преобразования текста

Структурность предполагает возможность описания системы через установление ее структуры, т.е. сети связей и отношений внутри системы, а также обусловленность поведения системы не столько поведением ее отдельных элементов, сколько свойствами ее структуры.

Распространение понятия структурности на перевод весьма важно для теории перевода. Если в соответствии с современным научным знанием понимать под структурой «то, что остается устойчивым, относительно неизменным при различных преобразованиях системы»¹, то именно это понятие позволяет установить онтологические свойства перевода, неизменно проявляющиеся во всех его разновидностях. Любой перевод предполагает оперирование двумя знаковыми системами с последовательным переходом от одной к другой. Любой перевод представляет собой отражение средствами одной знаковой системы определенной реальности, Уже отраженной средствами другой. Любой перевод разворачивается во времени и может быть разделен на «порции», основу которых составляют так называемые единицы перевода. Каждая такая переводческая порция имеет сложную

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 657.

структуру, которую можно условно разделить на несколько операций. За восприятием фрагмента исходного текста органами чувств следует понимание смыслов, заключенных в этом фрагменте и их интерпретация средствами языка перевода, после чего происходит создание фрагмента финального текста в устной или письменной форме, т.е. некоей материальной сущности, которая может быть воспринята другими людьми. Всякий перевод предполагает более или менее значительное преобразование системы смыслов исходного речевого произведения.

Именно эти свойства присущи любому виду перевода и составляют его инвариант, т.е. именно все то, что остается устойчивым и относительно неизменным при переходе от одной разновидности перевода к другой.

Структурность переводческой деятельности подтверждается возможностью построения ее моделей. Такие структурные модели хорошо известны в теории перевода. Обычно перевод представляют как некое движение от исходного текста к финальному через перекодирующее звено, т.е. через сознание переводчика.

Наличие в переводе определенной структуры позволяет вплотную подойти к проблеме «единицы перевода», категории, многократно обсуждавшейся в работах по лингвистической теории перевода, но так и не получившей однозначной трактовки. В то же время выделение такой единицы необходимо для построения теории перевода как системного объекта. Э. Бенвенист, рассматривая язык как одну из семиотических систем, также был убежден, что «никакая серьезная теория не может быть построена, если она уклоняется от решения вопроса об элементарной единице, так как всякая система, несущая значение, должна определяться на основе используемого ею способа передачи этого значения. Подобная система, следовательно, должна содержать единицы, которыми она оперирует для производства «смысла» и с помощью которых определенным образом характеризует произведенный «смысл»¹.

Взаимодействие перевода с окружающей средой

Каждая система характеризуется не только наличием связей и отношений между образующими ее элементами, но и неразрывным единством с окружающей средой, во взаимодействии с которой она формирует и проявляет свои свойства, являясь при этом ведущим активным компонентом взаимодействия.

Переводческая деятельность также оказывается тесно связанной с окружающей средой. Связь перевода со средой сложна и многопланова. Для того чтобы наиболее объективно определить характер взаимодействия пе-

¹ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 2002. С. 81.

ревода с окружающей средой, нужно исходить из того, что ведущим и активным компонентом этого взаимодействия оказывается именно перевод.

Прежде всего, говоря о переводе, следует иметь в виду, что речь идет в данном случае о конкретном процессе перевода, так сказать, акте перевода, разворачивающемся в конкретном времени и конкретном пространстве.

Конкретный акт перевода предполагает сложнейшие отношения с окружающей средой.

Первая и главная реальность для переводчика – ситуация общения (коммуникативная ситуация). В этой ситуации переводчик всегда взаимодействует с двумя другими участниками коммуникации – автором исходного текста и получателем текста перевода, обеспечивая межъязыковое посредничество. Он всегда обращен к автору исходного речевого произведения, как бы далеко во времени и пространстве тот ни находился. Даже если речь идет о переводе произведения, созданного много веков назад, переводчик формирует свою этику отношения к автору, которая выражается в том, насколько бережно он относится к мыслям и чувствам автора, его образной системе и стилю. Разумеется, в этом случае речь идет скорее о воображаемом авторе, нежели о реальной личности. Переводчик создает в своем сознании образ автора, с которым и ведет внутренний диалог.

Несколько иначе обстоит дело тогда, когда автор исходного сообщения принимает непосредственное участие в акте коммуникации, как происходит обычно в устном переводе. Переводчик в этом случае ориентируется не только на речь автора и содержащиеся в ней мысли и чувства, но и на его эмоциональное состояние, а также на знаки, передаваемые невербальными средствами – мимикой, жестами и пр. Он принимает во внимание авторитет автора и его положение в иерархии всех участников коммуникации главным образом по отношению к получателю переводного сообщения, т.е. тому или тем, кому адресован перевод.

Коммуникативная ситуация, в которой разворачивается устный перевод, часто предполагает взаимную смену ролей автора сообщения и его получателя. Такая смена происходит обычно во время переговоров, когда переговаривающиеся стороны поочередно выступают то в роли автора (отправителя) исходного сообщения, то в роли получателя сообщения. Если переводчик на переговорах всего один, он переводит также поочередно высказывания то одной, то другой стороны, осуществляя так называемый двусторонний перевод. В этом случае этика переводчика подразумевает равное внимание к мыслям и чувствам всех участников коммуникации, между которыми устанавливается посредничество, несмотря на то, что он является обычно «наемным работником» одной из сторон и представителем одной культуры, в сознании которого один язык доминирует над другим.

Получатель переводного сообщения, как и автор исходного может быть не только реально представленным в акте коммуникации с переводом, но и некой абстрактной фигурой, образом, созданным переводчиком. Такой абстрактной фигурой является читатель переводного произведения. Разумеется, читатель существует объективно, в реальном мире, но только после того, как перевод завершен и предложен публике. В процессе перевода происходит взаимодействие переводчика с построенной им моделью читателя. Определяя стратегию перевода, переводчик ориентируется, как правило, на эту модель, хотя в модели могут преобладать черты какой-то конкретной личности. Так, одна из переводчиц художественной литературы признавалась, что все свои переводы проверяет на сыне-подростке: если ему все понятно и текст нравится, значит, перевод удался. Представления об обобщенном читателе с изысканными вкусами руководили действиями переводчиков эпохи классицизма.

Коммуникативная ситуация предполагает взаимодействие перевода и со многими другими явлениями окружающей среды, влияющими на то, какие решения принимает переводчик.

Вторая реальность, с которой непременно взаимодействует переводчик, – это исходный текст. Именно исходный текст дается переводчику в непосредственном ощущении. Переводчик воспринимает исходный текст по слуховым или зрительным каналам в определенных условиях конкретной ситуации общения. Исходный текст составляет основу всякого процесса перевода, так как именно в нем содержится вся необходимая информация, подлежащая переводческому переосмыслению и толкованию. Но исходный текст – это внешний объект по отношению к переводу, фрагмент окружающей среды, который взаимодействует с переводом, оставаясь при этом неизменным. Именно поэтому исследователи, определявшие перевод как процесс трансформации текста на одном языке в текст на другом языке, делают оговорку, что «термин «трансформация» используется в переводе в метафорическом смысле»¹, что «сам исходный текст или текст оригинала не «преобразуется» в том смысле, что он не изменяется сам по себе»².

Исходный текст как объект внешнего мира может поступать к переводчику в письменной или устной форме однократно или многократно, до начала перевода или одновременно с развитием процесса перевода.

И, наконец, самым сложным оказывается взаимодействие перевода с той реальной действительностью, которая описывается в исходном сообщении и воспроизводится в переводном тексте. Сложность взаимодействия перевода с этой реальностью состоит в том, что она дается переводчику обычно не в непосредственном ощущении, а в виде некой абстракции, иде-

¹ Швейцер А.Д. Теория перевода. С. 118.

² Бархударов Л.С. Указ. соч. С. 6.

альной сущности, материализованной в знаках исходного языка. В самом деле, воспринимая исходное сообщение, переводчик сталкивается не с самой реальной действительностью, а с образом некоего ее фрагмента, отраженного сознанием автора исходного текста. Эта авторская картина реальности может быть ее более или менее точным отражением, идеальной копией реального объекта. Она может давать искаженное представление об объективном мире, а иногда является вымыслом, т.е. неким идеальным конструктом, смоделированным автором исходного текста. В переводе авторская картина фрагмента действительности сталкивается с представлениями переводчика об этом фрагменте. Расшифровывая знаки исходного текста, переводчик создает в своем сознании свою картину данного фрагмента на основе субъективного познавательного опыта и своего умения проникать в смыслы, зашифрованные в знаках исходного языка. Представления переводчика о том или ином фрагменте реальной действительности столь же субъективны, как и представления автора, поэтому их полное совпадение вряд ли возможно. Иногда представления переводчика о реальном мире оказываются более полными и более точными, чем у автора. Тогда возникает сложная этическая проблема допустимости изменений переводчиком системы смыслов оригинального текста, т.е. представлений автора о том или ином фрагменте реальной действительности. Эта проблема может решаться по-разному. Разумеется, современные переводчики, убежденные в том, что земля круглая, не станут исправлять древних авторов, исходивших из иных представлений об устройстве мира. Их задача – показать определенный уровень знаний, в том числе и заблуждения, свойственные той или иной эпохе. Переводчик, встретивший в исходном письменном тексте научного содержания, например неточные даты, скорее всего, оставит их без изменения в тексте, но дополнит перевод уточняющим комментарием. В условиях устной коммуникации переводчик, столкнувшись с неточностью в исходном сообщении, возможно, оставит ее на совести автора, не внося никаких изменений. Но этим он ставит себя под удар, так как становится «соавтором» ошибочного представления о реальном объекте и при отсутствии письменной фиксации исходного текста ошибка может быть приписана именно ему. Поэтому, если у переводчика есть возможность согласовать с автором исходного текста спорные положения, он непременно должен этой возможностью воспользоваться, чтобы избежать недоразумений.

Представления переводчика о реальном мире могут быть менее точными, чем у автора исходного текста. В этом случае в процессе перевода может возникнуть подмена истинного представления о реальной действительности новым, ложным, особенно в тех случаях, когда формы исходного текста содержат некоторую двусмысленность. Такие ситуации могут

возникнуть, например, при переводе высказываний с именами собственными, имеющими одинаковую форму в мужском и в женском роде.

Недостаточно точное представление переводчика о реальной действительности, отображенной в исходном речевом произведении, оказывается одним из серьезных источников переводческих ошибок, особенно когда речь идет о так называемых «реалиях», т.е. предметах реальной действительности, существующих в мире исходного языка и не имеющих точных аналогов в культуре языка переводящего.

Но существует и еще одна картина мира, т.е. отраженная реальность, с которой взаимодействует перевод, – это картина мира получателя переводного текста, точнее, представление переводчика об этой картине.

Таким образом, окружающая действительность оказывается в тесном и многообразном взаимодействии с переводом как системным процессом.

Иерархичность – свойство системы перевода

Иерархичность как одно из свойств любой системы предполагает, что каждый компонент системы в свою очередь может рассматриваться как система. В то же время исследуемая в данном случае система представляет собой один из компонентов более широкой системы. Рассматривая перевод как системный процесс, обладающий определенной структурой, следует отметить, что этот целостный процесс может быть представлен в виде системы взаимозависимых операций по проникновению в смыслы, заключенные в определенных последовательностях знаков одного языка, и их толкованию, интерпретации в знаках другого. Каждая из этих операций также может быть представлена в виде неких взаимосвязанных подсистем. Если обратиться к структуре «порции» перевода, то можно увидеть, что понимание определенного фрагмента текста иерархически подчинено пониманию всего текста в целом. Представим себе, что на каком-то этапе перевода такой «порцией» оказывается отдельное слово. Взятое изолированно, вне контекста, почти каждое слово в силу своей полисемичной природы предполагает массу толкований. Его реальная жизнь начинается только в речи, в окружении других слов, актуализирующих те из его значений, которые необходимы для формирования смысла. Именно поэтому начинающим переводчикам не рекомендуется слишком часто заглядывать в словарь, да и не всегда словарь может предоставить нам хоть какой-нибудь выбор.

Понимание и выражение составляют две взаимосвязанные фазы перевода, иерархически подчиненные содержанию переводимого текста в целом. Одна и та же форма, встретившаяся в разных текстах, может переводиться различно. Иерархическая зависимость конкретного переводческого решения от содержания всего текста в целом и его формы, на первый

взгляд довольно простая и понятная, является камнем преткновения для многих поколений переводчиков. Одной из таких проблем оказывается проблема «историзации» текста перевода. Как «состарить» текст перевода произведения, написанного в XVI в., как придать ему благородную древность, ведь не переводом же его на старославянский язык?

Каждый перевод, являясь речевым действием, подчиняется нормам языка перевода в целом, нормам того речевого жанра, в рамках которого он разворачивается, а также индивидуальной стилистике автора. Выбор конкретной формы в языке перевода иерархически подчинен форме всего текста. Перевод поэтического рифмованного произведения также рифмованной формой предполагает, как известно, значительный отход от семантики, заключенной в отдельных словах и даже в произведении в целом. Семантика поэтического произведения оказывается иерархически подчиненной эстетическим устремлениям переводчика, его желанию создать у читателя переводного текста впечатление, аналогичное тому, какое вызывает текст оригинала у того читателя, для которого он был создан.

Перевод военно-технического документа также будет осуществляться в соответствии с нормами жанра: переводчик будет стремиться к максимальной точности терминов, он постарается избежать описательных перифраз и слишком длинных и сложных фраз. Таким образом, норма речи каждого конкретного перевода иерархически подчинена нормам речевого жанра и переводящего языка в целом.

Перевод может рассматриваться и как подсистема в общей системе межкультурной коммуникации, а также и как подсистема в общей системе посреднических услуг, входя в ту и другую системы своими разными сторонами. Литературный перевод оказывается подсистемой в общей системе литературного творчества, а перевод научной литературы представляет собой подсистему в общей системе обмена научной информацией и т.д.

Таким образом, перевод, как и всякая другая система, обладает свойством иерархичности.

Множественность описаний

В силу принципиальной сложности каждой системы ее адекватное познание требует построения множества разных моделей, каждая из которых описывает лишь один аспект системы. Перевод также является объектом множественных описаний, о чем мы упоминали, говоря о месте теории перевода среди других наук.

Только лингвистическая теория перевода дала множественные его описания, получившие свое лаконичное выражение в так называемых моделях перевода. Теории перевода известны множественные попытки построения моделей переводческого процесса как коммуникативного акта. Более простые модели перевода по мере развития теории получали разнообразные

усложнения в зависимости от того, каким образом представляется исследователю перевода механизм переводческой деятельности.

Немецкий исследователь О. Каде предложил модель процесса перевода, опираясь на общую теорию коммуникации и полагая, что при переводе действуют факторы, познание которых возможно исключительно в рамках акта коммуникации в целом¹. В его модели перевод представлен как процесс двуязычной коммуникации, начинающийся с восприятия текста ИЯ переводчиком и заканчивающийся порождением текста ПЯ². Первая фаза этого процесса представляет собой коммуникацию между отправителем и переводчиком. На следующем этапе происходит мена кода, осуществляемая переводчиком, выступающим в качестве перекодирующего звена. На третьем, завершающем, этапе осуществляется коммуникация между переводчиком, выступающим в качестве отправителя, и получателем переведенного сообщения. «Важнейшей фазой этого процесса является мена кода ИЯ → ПЯ, подчиняющаяся определенным условиям в связи со своими специфическими функциями в рамках акта коммуникации. Эту фазу можно назвать переводом в узком смысле слова»³, – писал исследователь. Построение коммуникативной модели позволило ему сформулировать основную проблему перевода, которая в коммуникативном аспекте заключается в соответствии между воздействием, оказанным на переводчика как на получателя оригинального речевого произведения, и его намерением как отправителя по реализации сообщения средствами иного языка. Это соответствие и составляет предпосылку эквивалентности между исходным сообщением и переводным.

Идея анализа перевода как акта коммуникации получила свое развитие в работах Р.К. Миньяр-Белоручева и других исследователей. Р.К. Миньяр-Белоручев исходил из того, что перевод является одним из видов коммуникации, а именно коммуникацией с использованием двух языков. Поэтому и закономерности перевода могут изучаться на фоне общих закономерностей коммуникации. Его модель перевода, построенная на основе известной модели речевого (коммуникативного) акта, предложенной Р. Якобсоном⁴, представляет процесс перевода как речевой акт, в котором компоненты коммуникации удваиваются: появляются два отправителя,

¹ Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 69-90.

² Традиционно используемые в теории перевода сокращения: ИЯ исходный язык; ПЯ переводящий язык.

³ Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 70.

⁴ В этой модели коммуникативный акт предстает как система из шести компонентов: отправителя сообщения, его получателя (адресата), предметной ситуации, т.е. того, о чем идет речь в сообщении (референта), канала связи, языкового кода и самого сообщения, каждому из которых может соответствовать отдельная речевая функция (эмотивная, конативная, фатическая, референтная, металингвистическая, эстетическая), доминирующая в том или ином речевом произведении (см.: Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М., 1975).

каждый со своими мотивами и целями высказывания, две ситуации, два речевых произведения, два получателя сообщения. «Удвоение компонентов коммуникации и является основной отличительной чертой перевода как вида речевой деятельности»¹, – утверждал исследователь.

Определение перевода с позиций общей теории коммуникации было значительным шагом вперед, так как предполагало более широкий взгляд на извечные «тупиковые» проблемы теории перевода, в частности на проблему переводимости и переводческого инварианта. Взгляд на перевод как на деятельность, необходимую для коммуникации, позволял положительно решить проблему переводимости, абстрагируясь от некоторых неперево-димых частных случаев. Коммуникативная ситуация подсказывает, какие элементы информации, содержащейся в исходном сообщении, могут опускаться, а какие должны быть непременно переданы в переводе.

Дальнейшее усложнение моделей перевода, построенных на основе представлений о переводе как об акте межъязыковой коммуникации, предполагало, как правило, введение новых компонентов. Так, А.Д. Швейцер обращается к модели перевода, предложенной американским исследователем перевода Ю. Найдой, построенной на сопоставлении двух процессов: порождения и восприятия исходного текста и порождения и восприятия текста перевода. Концептуально эта модель напоминала ту, что предлагал Р.К. Миньяр-Белоручев. В ней фигурировал отправитель исходного сообщения, породивший исходное речевое произведение, который воспринимался первичным получателем в первичном акте коммуникации. Переводчик также оказывался в этом коммуникативном акте получателем, который, восприняв исходное сообщение, оказывался далее отправителем вторичного речевого произведения. Вторичное речевое произведение воспринималось соответствующим вторичным получателем. А.Д. Швейцер считал необходимым усложнить эту довольно простую модель коммуникации с переводом новыми компонентами. «Мы расширили, – писал он, – схему Ю. Найды, включив в нее, с одной стороны, контактирующие в акте перевода языки (Я1 и Я2), а с другой – такие внеязыковые компоненты, как две культуры (К1 и К2), две предметные ситуации (ПС1 и ПС2) и две коммуникативные ситуации (КС1 и КС2)»! Как можно заметить, с этими уточнениями коммуникативная модель процесса перевода еще больше приближается к универсальной модели коммуникативного акта Р. Якобсона.

Коммуникативные модели перевода имеют определенную познавательную ценность, потому что позволяют взглянуть на перевод не только как на языковое явление, но как на процесс, особенности которого обусловлены самыми различными факторами. В этих моделях в известной степени реализуется необходимый для современной науки о переводе синтез подходов к переводу. В то же время в большинстве из этих моделей то

¹ Миньяр-Белоручев, Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. С. 31.

самое «перекодирующее звено», собственно перевод, т.е. механизм переводческого преобразования, оказывается нераскрытым. Мы видим, что заставляет переводчика идти на те или иные преобразования, системы смыслов исходного произведения, но мы не видим в этих моделях, как идет сам процесс преобразования. Значительным шагом в познании механизма переводческих преобразований были так называемые лингвистические модели перевода, самыми известными из которых являются денотативная, семантическая и трансформационная. Каждая из этих моделей является теоретическим представлением какого-либо одного из аспектов переводческого процесса.

Денотативная (или ситуативная) модель показывает, каким образом переводческие преобразования связаны с реальной действительностью, отраженной в тексте оригинала и воссоздаваемой в тексте перевода.

Семантическая модель демонстрирует процесс выбора переводчиком гаммы семантических элементов, необходимых для передачи в финальном речевом произведении системы смыслов исходного текста.

Трансформационная модель, основанная на идеях трансформационной грамматики, показывала возможность перехода от оригинального текста к тексту перевода, которые рассматривались как поверхностные структуры¹, путем проникновения на глубинный уровень и отыскания ядерных структур, способных составить основу межъязыковой эквивалентности.

Все эти модели неоднократно и достаточно подробно описываются в работах по лингвистической теории перевода 70–80-х гг. XX в.² Во всех этих моделях делалась попытка представить, каким образом осуществляется собственно процесс перевода, имеющий конечной целью достижение эквивалентности между оригинальным речевым произведением и его переводом.

Интересная теоретическая концепция, использующая коммуникативный подход к переводу как к коммуникативному акту, в котором может доминировать та или иная речевая функция для уточнения понятия переводческой эквивалентности, была предложена В.Н. Комиссаровым. Исследователь строит свою теорию перевода вокруг категории цели коммуникации. По его мнению, цель коммуникации «может быть интерпретирована как часть содержания высказывания, выражающая основную или доминантную функцию этого высказывания»³. Сохранение цели коммуникации является, по мнению В.Н. Комиссарова, не только необходимым, но и достаточным условием эквивалентности перевода, в то время как ее несохранение делает перевод неэквивалентным. Приоритет цели коммуникации

¹ Швейцер А.Д. Теория перевода. С. 52.

² Комиссаров В.Н. Слово о переводе;
Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика;

Львовская З.Д. Теоретические проблемы перевода; и др.

³ Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М., 2001. С. 12.

перед другими факторами, в том числе и перед описанием предметной ситуации, дает интересное решение извечному вопросу о множественности переводов одного и того же исходного речевого произведения. «Требуется лишь, чтобы перевод сохранял цель коммуникации оригинала, а конкретное решение может быть разным»¹, – утверждает исследователь. Он предлагает различать несколько типов, точнее, уровней эквивалентности в зависимости от того, какая часть содержания оригинального речевого произведения сохраняется в переводе. Эта теория, получившая название «теории уровней эквивалентности», позволила приблизиться к решению центральной проблемы перевода – проблемы эквивалентности продукта, создаваемого переводчиком, тому объекту, с которым он производит многообразные и сложные трансформационные операции.

В некоторых исследованиях модели переводческой деятельности строятся не обобщенно, а сквозь призму какой-либо одной разновидности перевода. Так, А.Ф. Ширяев предложил комплексную модель синхронного перевода, которая представляет деятельность переводчика в виде трех параллельно протекающих и тесно связанных между собой процессов:

- 1) ориентирования в исходном тексте;
- 2) поиска и принятия переводческих решений;
- 3) осуществления переводческих действий.

Эта модель интересна, прежде всего, тем, что в ней традиционное представление о переводе как о двухфазном процессе восприятия исходного текста и порождения текста перевода, которое мы обнаруживаем во многих определениях, нарушается. Перевод оказывается трехфазным процессом. А.Ф. Ширяев вводит промежуточную фазу – «поиск или выбор переводческих решений», – которая заключается «в определении синтаксической структуры высказывания на языке перевода и возможных вариантов ее развития, определении роли порождаемого отрезка в этой синтаксической структуре и его лексического наполнения»². Закономерно возникает вопрос о том, отличается ли синхронный перевод от других видов перевода столь разительно, что сама деятельность переводчика протекает как регулярное чередование не двух, а трех фаз, или же, напротив, любой перевод может быть представлен в виде трехфазного процесса. Скорее, можно предположить второе. В самом деле, введение в модель переводческой деятельности промежуточной, а точнее, центральной фазы более точно отражает суть происходящих в переводе процессов. Переводчик формулирует высказывание на языке перевода не сразу после того, как он уяснил смысл исходного сообщения или его фрагмента, а после принятия решения, которому предшествует выбор наиболее приемлемой, адекватной формы. Наличие такой промежуточной «межъязыковой» фазы, когда пере-

¹ Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М., 2001..С. 122.

² Ширяев А.Ф. Синхронный перевод. М, 1979. С. 101.

водчик уже оторвался от языка исходного сообщения, но еще не сформулировал свое речевое произведение на языке перевода, подтверждает практика другого вида устного перевода – последовательного. Как известно, процесс последовательного перевода предполагает освоение и запоминание значительных по временной протяженности текстов. Обычно переводчик начинает произносить свой текст только после того, как завершилась речь оратора. До этого он старается письменно зафиксировать получаемое сообщение. При этом переводчик широко использует символы, т.е. знаки особой системы, не принадлежащие ни исходному языку, ни языку перевода, записывает отдельные слова либо на исходном языке, либо на языке перевода и организует сообщение не в реальной синтаксической форме, а в условной логической последовательности (так называемый принцип «вертикализма»)¹. Только после этой фиксации он приступает к оформлению сообщения на языке перевода. Процесс записи протекает одновременно с процессом поиска и выбора переводческих решений. Именно поэтому, возможно, переводчик записывает одни слова на исходном языке, т.е. так, как он их воспринимает, а другие – на языке перевода.

Таким образом, модель перевода как трехчастного процесса, разработанная на основе анализа синхронного перевода, оказывается продуктивной и для общей теории перевода, так как позволяет иначе взглянуть на механизм переводческой деятельности в целом.

Весьма важной представляется и еще одна модель перевода, предложенная Л.К. Латышевым, в которой переводческая деятельность рассматривается в контексте переводящего языка, его норм, а также представлений переводчика о правильной и, возможно, красивой речи на языке перевода. Опираясь на гипотезу А.Д. Швейцера о том, что процесс перевода не является одноразовым актом, исследователь строит теоретическую модель перевода в виде «ряда последовательных операций, каждая из которых направлена на преодоление одного из факторов лингвоэтнического барьера: расхождения систем ИЯ и ПЯ, их норм, соответствующих узусов и информационных запасов»². Иначе говоря, в этой концепции перевод принимает вид процесса многократного перебора и отсеивания вариантов. Переводчик в данном случае многократно осуществляет «трансформацию буквального перевода, который, пусть в неявной форме, но на первоначальном этапе процесса перевода присутствует в сознании переводчика»³. Эта теоретическая модель, не претендующая на абсолютную истину, и предложенная, скорее, как гипотеза, полезна тем, что дает одно из возможных описаний собственно механизма перевода, а не только тех факторов, которые обу-

¹ Миньяр-Белоручев Р.К. Последовательный перевод. М., 1969; Он же. Пособие по устному переводу. М., 1969; Записи в последовательном переводе. М., 1997.

² Латышев Л.К. Технология перевода. М., 2001. С. 49.

³ Там же. С. 48.

словливают функционирование этого механизма. Более того, она дает возможность вновь задуматься о единице перевода. Наивно полагать, что переводчик неоднократно возвращается к первичному варианту, улучшая его, оперирует всем речевым произведением в целом. Переводчик выбирает наилучший вариант, работая с некой «порцией» текста. Косвенным подтверждением этого является признание М. Лютера о сложности нахождения нужной формы в языке перевода: «Часто случалось так, что мы на протяжении двух, трех, четырех недель подыскивали одно-единственное слово, расспрашивали о нем повсюду, иногда так и не находили»¹. М. Лютер говорит о письменном переводе, когда у переводчика есть возможность вернуться тому или иному фрагменту текста. В устном переводе переводчик имеет право лишь на один вариант. Но и в устном переводе гипотеза Л.К. Латышева находит свое интересное подтверждение при сравнении действий опытных и начинающих переводчиков. Особенно отчетливо это проявляется при так называемом переводе «с листа», который можно условно рассматривать как разновидность синхронного перевода, когда переводчик должен переводить устно совершенно незнакомый текст, не имея возможности даже пробежать глазами его начало, т.е. читать на одном языке и говорить на другом одновременно. Опытные переводчики переводят с листа неспешно, в ровном ритме, не допуская возвращения к уже переведенным фрагментам. Это вполне объяснимо самой сущностью данного вида перевода, который является, прежде всего, подготовительным упражнением к собственно синхронному переводу, когда у переводчика просто физически нет времени для того, чтобы вслух «перебирать варианты». Он делает это молниеносно внутри себя. Начинающие же переводчики регулярно исправляют себя, иногда по несколько раз, иногда начиная сначала целые фразы. Эти порции и являются, видимо, элементами сообщения, требующими особого решения на перевод, т.е. фактически некими единицами перевода.

Понятие единицы перевода возникает и при обращении к более частным моделям перевода, дающим теоретическое представление о каком-либо одном виде перевода, в частности машинного, а также синхронного перевода.

Множественность описаний перевода, выражающаяся в построении самых различных моделей, свидетельствует о сложности этой деятельности и принципиальной невозможности построить объемную картину перевода на основании изучения какого-либо одного, пусть очень важного, его аспекта. Но, несмотря на все многообразие описаний перевода и различие подходов к его изучению, во всех теориях с полной очевидностью просматривается главное свойство перевода как системы, а именно его интерпретирующая сущность. Действительно, с каких бы позиций не рассматри-

¹ Копанев П.И. Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск, 1972. С. 149.

вался перевод, целью является обнаружить, как осуществляется интерпретация смыслов, заключенных в исходных сообщениях, средствами иной знаковой системы.

Перевод как интерпретирующая системная деятельность.

Перевод и семиотика

Являясь системной деятельностью, т.е. функциональной системой, обладающей всеми признаками системы, перевод постоянно взаимодействует с другими системами, прежде всего с системой языков, сталкивающихся в переводе, а также с системой смыслов, заключенной в исходном речевом произведении, которую ему и предстоит интерпретировать. Перевод определяется как сложная интерпретирующая система, т.е. системная деятельность, способная интерпретировать знаки одной семиотической системы знаками другой. Тем самым перевод всецело располагается в русле семиотики. «Вообще, – писал Ю.С. Степанов, – «перевод» можно сделать основным, неопределяемым понятием семиотики, а «переводимость» отождествлять со «смыслом»¹.

Семиотика (или семиология) представляет собой общую теорию о свойствах и функционировании знаковых систем, таких как естественные человеческие языки, искусственные языки, различные системы сигнализации (например, азбука Морзе, флаги расцвечивания, флажковая сигнализация моряков, сигнальные огни, система знаков дорожного движения и пр.), «языки» разных видов искусств и многое другое. Семиотика как общее научное направление включает такой важный для нас аспект, как интерпретация существующих знаковых систем. Э. Бенвенист отмечал, что отношения, устанавливаемые между различными семиотическими системами, должны сами носить семиотический характер, а «семиотическое отношение проявляется как соотношение между системой интерпретирующей и системой интерпретируемой»². Иначе говоря, одни системы должны быть способны интерпретировать другие. Естественный человеческий язык оказывается той универсальной семиотической системой, которая может интерпретировать все иные. В основе интерпретации лежит представление о том, что семиотические системы служат для выражения некоторого содержания. Их возможности по выражению содержания имеют некоторые аналогии, что и позволяет интерпретировать одну систему посредством другой, устанавливая при этом отношения изоморфизма или гомоморфизма³. Отношение изоморфизма предполагает равенство, тождество строения систем, их полную одинаковость, а отношение гомоморфизма – уподобле-

¹ Степанов, Ю.С. Французская стилистика. М., 1965. С. 260.

² Бенвенист Э. Указ. соч. С. 78.

³ От греч.: изо одинаковый, гомо равный.

ние одной системы другой, при котором не предполагается абсолютная строгость подобия образа его прообразу. В отличие от симметричного изоморфизма отношения гомоморфизма, допускающие некоторые Упрощения и опущения, асимметричны. Прообраз содержит все, что есть в его образе, но образ не содержит всего, что есть в прообразе. Так, географическая карта является гомоморфным образом реального участка местности, своего прообраза. На местности есть все, что обозначено на карте, но на карте отражено не все, что есть на местности. Эти предварительные положения общей семиотики важны для того, чтобы понять сущность перевода как интерпретирующей системной деятельности.

В процессе перевода соответствующая комбинация знаков семиотической системы А (языка оригинала) интерпретируется в знаках семиотической системы Б (языка перевода). Исходное речевое произведение представит как прообраз для переводчика, который, интерпретируя его, создает его образ. Стремится ли он на самом деле к тому, чтобы созданный им образ был изоморфен прообразу, чтобы созданное им речевое произведение было абсолютно таким же, каким было бы, если бы сам автор сотворил его на языке перевода? Ведь практическая недостижимость абсолютного тождества текста перевода тексту оригинала осознавалась еще первыми переводчиками, понимавшими, что в переводе сталкиваются асимметричные системы. Поэтому изоморфизм вряд ли может характеризовать отношение между исходным сообщением и сообщением, создаваемым переводчиком. Скорее, следует говорить о некотором подобии образа прообразу при известном, вполне допустимом, упрощении и изменении системы смыслов, заключенных в оригинальном речевом произведении, т.е. об отношении гомоморфизма. «Характер гомологичного соответствия, – писал Э. Бенвенист, – может варьироваться, быть интуитивным или осознанным, субстанциональным или структурным, логическим или поэтическим»¹. Однако признать отношения между исходным речевым произведением и произведением, рождающимся в процессе его перевода, гомоморфными можно только с известной долей условности. Ведь гомоморфизм предполагает, что все то, что есть в образе, должно быть и в его прообразе. Иначе говоря, в тексте оригинала должно быть все то, что есть в тексте перевода. Но из реальной переводческой практики хорошо известны примеры, когда система смыслов, заключенная в тексте перевода, не только утрачивает отдельные смыслы текста оригинала, но и дополняется новыми, привнесенными в процессе перевода. В этом случае отношение между интерпретируемой системой смыслов и интерпретирующей движется в сторону алломорфизма². Как алломорфное можно охарактеризовать отношение между оригиналом и переводом при переводе поэзии. Л.С. Бархударов, говоря о

¹ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 85.

² От греч. алло – разный, другой.

переводе на уровне текста, приводил пример перевода С.Я. Маршаком 49-го сонета У. Шекспира, в котором эквивалентными оказываются лишь три слова и ни одно предложение оригинального текста, взятое изолированно от текста, не эквивалентно ни одному предложению русского варианта. Но, «несмотря на отсутствие соответствия между их частями, русское стихотворение в целом может считаться эквивалентным английскому, ибо оба они передают, в основном, одну и ту же смысловую и художественную информацию»¹.

В известном смысле всякий перевод, исключая изоморфизм, является компромиссом между гомоморфизмом и алломорфизмом в отношениях между системами смыслов, заключенными в исходном речевом произведении и переводном.

Для семиотики характерно выделение трех аспектов взаимодействия знаков между собой и их отношений с окружающей средой: синтактика, семантика и прагматика.

Если ограничить область семиотики только языковыми системами, то синтактика может быть определена как отношения между знаками в речевой цепи, т.е. в тексте, с которым реально и сталкивается переводчик. Семантика определяет трехстороннее отношение между знаком, обозначаемым им предметом (денотатом) и понятием об этом предмете (сигнификатом). Прагматика выражается в отношении между знаками и теми, кто их использует, т.е. между участниками коммуникации (субъектом речи и адресатом, в иных терминах – отправителем и получателем).

Семиотический подход к изучению перевода традиционно используется теорией перевода как наиболее отвечающий интересам данной научной области и соответствующий переводческой реальности. В.Н. Комиссаров, говоря о лингвосемиотических основах теории перевода, отмечает, что «положения современного языкознания о семиотической природе языка и использовании языковых знаков и структур в процессе вербальной коммуникации создают концептуальную основу для изучения важнейших сторон переводческой деятельности, лингвистического механизма и коммуникативной роли перевода»². В самом деле, некоторые категории семиотики, точнее, той ее ветви, которая имеет в качестве своего объекта языковые системы, т.е. лингвосемиотики, оказываются чрезвычайно важными для понимания сущности и механизма переводческого процесса. Так, положение о принципиальной возможности интерпретации одной знаковой системы посредством другой снимает вопрос о «переводимое», традиционно поднимавшийся в истории перевода. Принятое в семиотике различие отношений между интерпретируемой и интерпретирующей системами позволяет оградить перевод от необоснованных и теоретически несостоя-

¹ Бархударов Л.С. Указ. соч. С. 184-185.

² Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. С. 53.

тельных требований «верности» и показывает, насколько верным может быть образ (вторичный продукт, перевод) по отношению к прообразу (оригиналу).

Положения лингвосемиотики о двусторонности языкового знака, о своеобразии его связи с обозначаемой им реальностью позволяют более точно решить вопрос о том, что же переводчик на самом деле переводит, слова или их значения, а может быть, не значения, а смыслы, рождающиеся только из определенных сочетаний знаков, обладающих определенной индивидуальностью. В этой связи чрезвычайно важным для теории перевода оказывается выдвинутое Э. Бенвенистом положение семиотики о существовании двух типов систем – тех, означивание которым придает автор, и тех, где «означивание присуще уже первичным элементам в изолированном состоянии, независимо от тех связей, в которые они могут вступать друг с другом»¹. Иначе говоря, система языка противостоит языковому сознанию индивидов, которое может обозначать те или иные явления не совсем так, как это принято нормой того или иного языка. Наличие этих двух систем является одним из камней преткновения в переводе. Переводчик, постоянно сталкиваясь с авторским индивидуальным означиванием, обращается к системам постоянного означивания для того, чтобы на их основе создать собственное индивидуальное означивание. Неверное понимание первой системы, подмена элементов одной системы элементами другой нередко ведет к переводческим ошибкам. Семиотический подход позволяет также глубже понять, какая реальность отражается в процессе перевода: та, что представлял себе и описал автор оригинала, или та, что смоделировал переводчик.

В то же время нельзя не разделять той осторожности, с которой подходил к возможности использования категорий семиотики в теории перевода А.Д. Швейцер. Он справедливо полагал, что пока удалось лишь «сформулировать некоторые принципы семиотического подхода к анализу перевода, наметить определенные перспективы приложения семиотики к изучению перевода, обосновать в терминах семиотики некоторые положения, до этого эмпирически установленные в теории и практике перевода»². Несмотря на то, что с момента выхода в свет его книги прошло уже довольно много лет, нельзя утверждать, что семиотическая концепция перевода далеко продвинулась вперед. К отношениям между семиотикой и теорией перевода А.Д. Швейцер подходил с позиции исследования текста, полагая, что текст является пересечением интересов семиотики, лингвистики текста и теории перевода. Однако он не видел достаточных оснований для того,

¹ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 83.

² Швейцер, А.Д. Теория перевода. С. 41.

чтобы «говорить о возможности или целесообразности «семиотизации» теории перевода»¹.

Разумеется, «семиотизация» теории перевода, как и ее «лингвистизация», оказалась бы очередным креном в область одного из научных направлений, что непременно привело бы к односторонности научного знания и в очередной раз растворило бы теорию перевода в другой научной дисциплине, исказило бы и ограничило ее предмет. В самом деле, изучение перевода, глубинных механизмов этого целостного процесса не может быть полным, если останутся в стороне культурологические, социологические, антропологические, психологические и иные аспекты этой деятельности. В то же время семиотика, по справедливому замечанию Ч. Морриса, является не только наукой, но и инструментом для других наук, снабжая их необходимым понятийным аппаратом и методами анализа объекта².

Тем не менее, отдельные положения теории перевода всецело базируются на понятиях семиотики. Особенно продуктивным для теории перевода оказалось положение семиотики об отношениях знака, т.е. его семантических, синтаксических и прагматических свойствах. На этом положении основываются почти все теории, предполагающие многоуровневое понимание главной категории теории перевода – категории эквивалентности.

Семиотический подход к переводу позволяет представить его и как интерпретирующую системную деятельность, оперирующую знаковыми системами. Это заставляет задуматься о категории «единицы перевода», не уходить от решения вопроса о единице. Ведь всякая система, несущая значение, непременно должна содержать единицы, которыми она оперирует для производства смыслов.

¹ Там же.

² Швейцер, А.Д. Указ. соч. С. 36.

Тема 8. ЕДИНИЦЫ ПЕРЕВОДА

Определение переводческой деятельности как интерпретирующей системы призвано показать сущность перевода, заключающуюся в системной интерпретации знаковых комбинаций (текстов) исходного языка посредством новых знаковых комбинаций на другом языке. Системный подход к переводу неизбежно ставит перед нами проблему выбора единицы той системы, которая называется переводом. Процесс перевода, как и всякий активный процесс, представляет собой последовательность действий и операций для достижения данной цели. Эта последовательность непременно разворачивается во времени: одни действия следуют за другими. Нет необходимости доказывать, что переводчик последовательно воспринимает текст и последовательно конструирует текст перевода. Иначе говоря, перевод осуществляется поэтапно, «пошагово». Отдельные элементы, составляющие единый переводческий процесс, могут быть определены как единицы перевода.

Проблема выделения единицы перевода относится к одной из самых дискуссионных и сложных проблем современной теории перевода. Уже в одной из первых работ по теории перевода – в «Сопоставительной стилистике французского и английского языков» Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне – отмечалась не только необходимость выделения единицы перевода, но и множественность и неоднозначность подходов к решению этой проблемы. «Поиск операционных единиц является одной из основных процедур всякой науки, а часто и самой спорной. Так же обстоит дело и в переводе»¹, – писали канадские лингвисты. Теория перевода, если она действительно претендует на статус самостоятельной научной дисциплины, не может уйти от решения вопроса о единице, которой она могла бы оперировать, устанавливая закономерности переводческой деятельности.

Попытки вывести единицу перевода в теории перевода предпринимались неоднократно. С одной стороны, выделение этой категории необходимо для того, чтобы понять, что такое переводческий эквивалент. Действительно, с каких бы позиций мы ни подходили к категории эквивалентности, первое, что нам придется определить или же о чем придется договориться, – это то, какие единицы оригинального текста могут и должны найти свои эквиваленты в тексте перевода. С другой стороны, практика перевода, в какой бы форме он ни происходил, показывает, что перевод как процесс развивается во времени последовательно, «по порциям». Деятельность синхронного переводчика, отмечал А.Ф. Ширяев, «характеризуется двумя взаимосвязанными чертами: многошаговостью и однотипностью шагов»². Но, может быть, не только деятельность синхронного переводчи-

¹ Vinay J.-P., Darbelnet J. Op. cit. P. 36

² Ширяев А.Ф. Синхронный перевод. М., 1979. С. 19.

ка характеризуется многошаговостью, а всякий перевод осуществляется «пошагово», ведь многошаговость свойственна организации речевой деятельности вообще¹. Какова величина этих шагов, этих «переводческих порций»? От чего она зависит? Как соотносится с принятыми в лингвистике единицами языка? С каких позиций осуществлять выделение тех составляющих переводческого процесса? На все эти вопросы необходимо ответить, пытаясь найти единицу перевода.

Можно ли вообще выделить такую единицу как общую теоретическую категорию? Ведь утверждая, что перевод текста достаточно большой протяженности может быть осуществлен только «по порциям», мы должны признать, что величины отрезков перевода будут неодинаковыми не только для разных языков и разных видов перевода, но и у разных переводчиков.

Сложность проблемы выделения единицы перевода связана с тем, что процесс перевода протекает скрытно и не может быть подвергнут непосредственному наблюдению: можно только предполагать, какими единицами оперирует переводчик, воспринимая исходный текст и продуцируя текст перевода. Поэтому отождествление понятия «единицы перевода» как теоретической категории, смоделированной в рамках той или иной теории, и некой единицы практического перевода, «порции» речи, речевого отрезка, которую можно объективно воспринять, вряд ли целесообразно. Эти отрезки по своей протяженности и смысловой насыщенности могут быть весьма различными, но в них можно попытаться найти нечто свойственное им всем, единое, что и составит единицу перевода как теоретическую категорию. Необходимость выделения наукой о переводе собственной «единицы» признается не всеми переводоведами. Сложность выделения этой категории и противоречивость подходов приводила некоторых исследователей к мысли о том, что никакой единицы перевода не существует и существовать не может, что всякие ее поиски бесполезны. Так, А.Д. Швейцер полагал, что «само понятие «единица перевода» представляет собой противоречие в терминах»². Это противоречие он видел, прежде всего, в том, что любая единица является постоянной величиной, тогда как «единица перевода», по определению, есть величина переменная. А.Д. Швейцер ссылался при этом на определение «единицы перевода», предложенное немецким исследователем О. Каде («минимальный отрезок текста ИЯ, которому благодаря потенциальным эквивалентным отношениям может быть противопоставлен отрезок текста ПЯ, отвечающий требованию сохранения инвариантности содержания»). О. Каде относил к единицам перевода совершенно разнородные величины – слово, фразеологический оборот, предло-

¹ Леонтьев, А.А. Проблемы математического моделирования речевой деятельности // Основы теории речевой деятельности. М., 1974. С. 79.

² Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. С. 71.

жение и весь текст в целом¹, что, действительно, внешне противоречит представлению о единице как о постоянной величине. Аргументом против выделения единицы перевода служило, по мнению А.Д. Швейцера, и то, что в теории перевода за единицу принимаются отрезки исходного текста не определенные в лингвистических терминах. И, наконец, главный аргумент состоял в том, что всякие единицы должны позволить «измерить» однородные величины, представив их в виде последовательности или совокупности. «Что же касается процесса перевода, – заключал исследователь, – то он никак не может быть представлен как простое соединение единиц. Здесь имеют место куда более сложные операции»². В то же время, рассматривая центральную категорию теории перевода – категорию эквивалентности, этот автор утверждал, что, «говоря об отношениях эквивалентности, следует не забывать важнейшего для теории перевода положения о примате эквивалентности текста над эквивалентностью его сегментов»³. Что представляют собой эти сегменты, которые могут и не быть эквивалентными, на фоне общей эквивалентности? Не складывается ли общая эквивалентность текста из того, что большинство составляющих его сегментов оказывается эквивалентными? Не являются ли эти сегменты теми самыми единицами перевода, которые старается найти современная теория перевода?

Аргументы против выделения единицы перевода, действительно, обращают внимание на реальную сложность и явную неоднозначность данного понятия. Однако они вступают в противоречие с исследовательской практикой, которая при анализе закономерностей переводческой деятельности неизбежно оказывается перед необходимостью выделения некоторых регулярно повторяющихся составляющих этого сложного процесса. Эти составляющие и являются, видимо, «единицами перевода». Но только признания наличия единиц перевода недостаточно. Значительно важнее и труднее определить признаки этих единиц.

Попробуем проанализировать аргументы, направленные против попыток выделить единицу перевода. Прежде всего, обратимся к самому термину «единица перевода» и посмотрим, какими признаками должны обладать явления, называемые единицами. Начнем с определения содержания понятия самого слова единица, которое используется в качестве компонента составного термина в теории перевода.

Словом единица обычно обозначают простой элемент, отдельную часть в составе целого, обладающую относительной самостоятельностью. В этом случае можно говорить об административных единицах, штатных единицах и т.п. Единицей называют также отдельные предметы в группе

¹ Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. С. 71.

² Там же.

³ Там же. С. 94.

подобных, например боевая единица, социальная единица и т.п. Единицами являются некоторые величины, принятые в качестве основных для измерения однородных и сопоставимых с нею величин. Такими оказываются, например, дюйм в английской и русской метрической системах мер, метр, килограмм, секунда, служащие эталонами измерения длины, массы и времени в Международной системе единиц, или же сантиметр, грамм, секунда в системе единиц С.Г.С. Характеризуя единицы системы С.Г.С., французский физик Брогли отмечал, что они являются относительно небольшими, но в то же время непосредственно ощутимыми. Эти свойства, видимо, следует учитывать при установлении всяких единиц.

Говоря об использовании термина «единица» для обозначения некоторой величины в переводе, вовсе не обязательно исходить из его сугубо математического значения как единицы для измерения чего-либо, потому что перевод действительно «измерить» весьма сложно и вряд ли такая процедура продвинула бы нас в понимании сущности этого процесса. Термин «единица» может ведь обозначать и простой элемент, отдельную часть в составе целого, обладающую относительной самостоятельностью. А.Ф. Ширяев, посчитавший термин «единица перевода» не совсем удачным и предложивший взамен термин «единица ориентирования», отмечал, что эта единица «подобна природе единиц, используемых в лингвистике и психологии». Он сравнивал ее с «единицей смыслового решения», которая обозначает в психолингвистике речевое звено, выступающее в подобной роли при смысловом восприятии речевого сообщения¹. При таком понимании термина «единица» оказывается вполне возможным говорить о «единице перевода» как о простом элементе в составе целостного процесса перевода, обладающем относительной самостоятельностью.

Одним из аргументов против выделения единицы перевода было очевидное непостоянство выделяемых некоторыми исследователями единиц, в то время как единица должна быть, по определению, величиной постоянной. О. Каде в качестве единиц перевода называет слово, фразеологический оборот, предложение и весь текст в целом. В самом деле, с точки зрения лингвистики эти величины неравнозначны. Более того, в данный список единиц входят не только единицы системы языка, но и текст сообщения в целом, т.е. категория речи, что с точки зрения структурной лингвистики является некорректным. Но процесс перевода не ограничивается сугубо лингвистическими явлениями, поэтому для его научного описания только лингвистических категорий оказывается явно недостаточно. По этой причине вряд ли необходимо требовать, чтобы единица перевода была описана исключительно в лингвистических терминах. Предлагавшиеся иногда исследователями термины «транслема» или «переводема», построенные по типичной модели образования лингвистических терминов (ср.

¹ Ширяев А.Ф. Указ. соч. С. 20.

фонема, морфема, графема, лексема и т.п.), как аналоги термина «единица перевода» в этом случае также оказываются малопригодными.

Для того чтобы выделить операционную единицу перевода необходимо, видимо, прежде всего, определить, что следует понимать под этой «единицей», какими свойствами должна непременно обладать некая величина, чтобы действительно стать единицей.

Следует признать справедливым довод А.Д. Швейцера о том, что всякая единица может считаться таковой, только если обладает определенным постоянством. Отсутствие единого начала данной теоретической категории делает ее операционно непригодной. Но внешнее непостоянство отрезков или сегментов деятельности переводчика, «порций» переводческого процесса, варьирующих от сочетания языков, характера текста, вида и условий перевода, способностей и умений конкретного переводчика и многих других факторов, возможно, скрывает некий единый для них механизм. Именно этот механизм и составляет единицу перевода. Для большей наглядности можно привести пример вариативности материального проявления абсолютно точных и постоянных единиц. Так, металлические пруты, сделанные из алюминия и урана, имеющие разное сечение и длину, банка воды, стопка газет, приготовленных для сдачи «на макулатуру», деревянное поле, пакет крупы и т.п. будут отличаться своими формами и размерами. Но все они будут соотносимы с одной единицей – все они будут весить, допустим, 1 кг. Точно так же и единица перевода. При всей вариативности частных проявлений она должна иметь в своей структуре нечто постоянное, единое, свойственное всем без исключения «порциям» переводческого процесса.

Поэтому нужно установить, каким образом проявляется эта теоретическая величина в реальной переводческой практике и насколько она действительно универсальна для любой разновидности перевода, устного и письменного, художественного и научного, синхронного и последовательного и т.п., а также для любой пары языков, оказывающихся в контакте в процессе перевода.

Наконец, учитывая, что перевод – это речевая деятельность, которая осуществляется посредством языковых систем, необходимо определить, каким образом единица (или единицы) перевода взаимодействует с единицами языка как элементами языковой системы.

Единицы перевода и единицы языка

В лингвистике принято говорить о единицах языка как о неразложимых, нечленимых в данной системе па меньшие единицы того же рода элементы, отрезки речи¹, или как об элементах системы языка, имеющих

¹ Кондаков И.И. Логический словарь-справочник. М., 1975. С.170.

разные функции и значения и образующих в своей совокупности определенные уровни языковой системы¹. В первом случае единицы языка выделяются путем последовательного членения речевого потока на все более мелкие элементы. Если идти тем же путем, то можно попытаться вычленить искомое сравнением двух речевых потоков, а именно текста оригинала и текста перевода, пытаясь понять, каким образом устанавливается соответствие между разными языковыми единицами оригинала и перевода.

Одна из подобных концепций единицы перевода принадлежит Л.С. Бархударову, который признавал, что «важнейшей задачей, стоящей перед переводчиком-практиком в процессе осуществления перевода и перед теоретиком перевода при описании («моделировании») этого процесса является отыскание в исходном тексте минимальной единицы, подлежащей переводу, или, как ее принято называть, единицы перевода (unit of translation)»². Л.С. Бархударов уточняет, что термин «единица перевода», который некоторые исследователи заменяют термином «транслема», во многом условен и что было бы более точным говорить о единице переводческой эквивалентности³. Отмечая, что проблема выделения «единицы перевода» – одна из самых сложных в теории перевода, он устанавливает единицу перевода как некий фрагмент исходного текста: «Под единицей перевода мы имеем в виду такую единицу в исходном тексте, которой может быть подыскано соответствие в тексте перевода, но составные части которой по отдельности не имеют соответствий в тексте перевода. Иначе говоря, единица перевода – это наименьшая (минимальная) языковая единица в тексте на ИЯ, которая имеет соответствие в тексте на ПЯ»⁴. Приведенная формулировка интересна тем, что в ней, во-первых, единица перевода предстает как фрагмент исходного текста, на который как бы накладывается текст перевода. Отношение между элементами текста оригинала и текста перевода определяется как соответствие. Это означает, что категория единицы перевода в трактовке Л.С. Бархударова есть единица соответствия. Исследователь, выступая в данном случае в качестве критика перевода, т.е. аналитика уже выполненной работы, оценивает выбор единицы перевода иначе, чем это, возможно, сделал переводчик. Таким образом, он последовательно квалифицирует единицу перевода как единицу переводческой эквивалентности, которая может служить критерием оценки успешности или неуспешности перевода. Осознавая условность такой трактовки единицы перевода, Л.С. Бархударов приходит к следующему заключению: «На практике, однако, квалификация того или иного перевода как «эквивалентного» или «неэквивалентного» (если иметь в виду перевод

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 149.

² Бархударов Л.С. Язык и перевод. С. 174.

³ Там же.

⁴ Там же.

достаточно длинных отрезков текста) вряд ли может быть осуществлена с прямолинейной категоричностью. Правильнее будет говорить о разной степени эквивалентности перевода, о большем или меньшем его приближении к «полностью эквивалентному», который фактически оказывается скорее неким идеалом, чем реальностью»¹.

Р.К. Миньяр-Белоручев, опираясь на понятие соответствия между текстом оригинала и перевода, лежащее в основе предложенного Бархударовым определения единицы перевода, заметил, что в тексте перевода, полностью эквивалентном тексту оригинала, единицы перевода вычленить вряд ли возможно, так как они как бы растворяются в тексте. Наиболее рельефно они проявляются только в случае ошибочного решения переводчика, т.е. в случае несоответствия какого-либо фрагмента переведенного текста фрагменту текста оригинала. Поэтому точнее говорить о единицах несоответствия, нежели о единицах перевода².

Вторым интересным аспектом определения Л.С. Бархударова является то, что он отождествляет единицы перевода с единицами языка. Поэтому единицы перевода оказываются различными как по сложности выражаемых ими значений, так и по своей протяженности. Л.С. Бархударов отмечает, что единица перевода есть категория переменная и что в разных ситуациях в качестве единицы перевода может выступать та или иная единица языка. В соответствии с иерархией уровня той или иной единицы языка могут существовать и уровни перевода: уровень фонем дает перевод на уровне фонем (транскрипция), графемы в письменной речи предполагают перевод на уровне графем (транслитерация). Единицами перевода в этих случаях оказываются соответственно фонемы и графемы. Уровень морфем делает возможным перевод на уровне морфем (калькирование); уровень слов – перевод на уровне слов (лексическая эквивалентность); уровень словосочетаний – перевод на уровне словосочетаний; уровень предложения – перевод на уровне предложения; уровень текста – перевод на уровне текста. Текст можно отнести скорее к речевому образованию, чем к единицам языка. Л.С. Бархударов в классификации единиц языка отходит от строго лингвистического разграничения языка и речи, справедливо полагая, что в переводе мы имеем дело не с системой языка, а с речью. Таким образом, происходит уподобление единиц языка единицам речи, что известным образом перекликается с концепцией Я.И. Рецкера, утверждавшего, что перевод интересуют функциональная сторона языковых знаков. Уподобление единиц языка единицам речи представляется вполне современным. Оно тем более интересно для теории перевода, что возникает именно в результате сопоставительного межъязыкового анализа языковых форм, в процессе которого наиболее отчетливо проступают их значения.

¹ Бархударов Л.С. Указ. соч. С. 189.

² Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. С. 77.

Из этого перечня видно, что понятие «единица перевода», построенное на основе единиц языка и речи (текст), оказывается весьма широким.

Третий аспект в предложенном Л.С. Бархударовым определении единицы перевода состоит в том, что он считает единицей наименьшую, минимальную единицу языка, имеющую соответствие в тексте перевода. Это позволяет ему связать категорию единицы перевода с категорией эквивалентности. Переводчику следует стремиться достичь уровня эквивалентности именно на том уровне, на котором это необходимо. Нарушение эквивалентности происходит тогда, когда, например, переводчик переводит на уровне предложения там, где можно было перевести на уровне словосочетаний, и, напротив, переводит на уровне слов то, что должно быть переведено на уровне словосочетаний. Главное в концепции эквивалентности то, что и снижение уровня, и его повышение ведет к нарушению эквивалентности. Иначе говоря, нарушение эквивалентности происходит именно тогда, когда переводчик ошибается в выборе соответствующей единицы перевода. Поэтому такие единицы перевода в равной степени могут быть определены как единицы эквивалентности. Единицы, вычленяемые таким образом, могут быть обнаружены только после того, как конкретный акт перевода завершен, т.е. текст перевода окончательно создан. Такие единицы достаточно легко выявить путем сопоставительного анализа письменных текстов оригинала и перевода, но вряд ли они доступны для анализа процесса устного перевода. Кроме того, эти единицы эквивалентности имеют ретроспективный характер и не раскрывают механизм деятельности переводчика.

Единицы перевода и единицы смысла. «Единица ориентирования»

Несколько иначе строят свою концепцию единицы перевода Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне. Они отождествляют понятие единицы перевода с понятиями лексикологической единицы и единицы мысли. Для них эти термины обозначают одну и ту же реальность, лишь рассматриваемую с разных точек зрения. Единицы перевода – это лексикологические единицы, в которых лексические элементы обеспечивают выражение одного элемента мысли. Можно также сказать, утверждали исследователи, что единица перевода есть наименьший сегмент сообщения, в котором спаянность знаков такова, что они не должны переводиться раздельно¹.

В данной концепции действительно сочетаются два подхода к проблеме единицы перевода – ономаσιологический (от значения к знаку) и семаσιологический (от знака к значению). С семаσιологическим подходом к

¹ Vinay J.-P., Darbelnet J. Op. cit. P. 37.

этой категории мы уже познакомились, когда анализировали концепцию единицы перевода, предложенную Л.С. Бархударовым, поэтому определение перевода как наименьшего сегмента сообщения, в котором спаянность знаков такова, что они не должны переводиться отдельно, не привносит ничего нового к тому, что нам уже известно. При ономаσιологическом подходе к переводу категория единицы перевода предстает как единица смысла. Действительно, процесс перевода – это не процесс преобразования знаков одного языка в знаки другого языка, а процесс сохранения и частичного, но неизбежного преобразования системы смыслов, заключенной в знаках исходного языка при ее передаче знаками языка перевода. Поэтому категория смысла оказывается наиболее важной. Переводчик оперирует смыслами, и единица перевода в этом случае выступает как некий квант информации, смысловой элемент, точнее, единица смысла. В этом случае не важно, заключен ли этот элемент смысла в морфему, слово или словосочетание. Если мы обратимся к категориям мышления, то увидим, что наименьшая единица смысла – понятие – может быть заключена и в морфеме, и в слове, и в словосочетании. Свидетельствует ли это о том, что понятие является единицей перевода? Возможно, что это действительно так. Но практика перевода, главным образом устного, показывает, что далеко не всегда отдельное понятие может соответствовать единице перевода. Так, в синхронном переводе переводчик «вступает» только тогда, когда в его сознании слова оратора обрели определенный смысл, часто заключенный в речевом сегменте, содержащем более чем одно понятие. М. Ледерер, анализируя понятие единицы смысла на примере синхронного перевода, отмечала, что речь оратора доходит до слуха переводчика, слова следуют друг за другом, и вдруг наступает нечто подобное «включению», т.е. момент, когда смысл оказывается понятым. Ж. Лакан сравнивал этот процесс с обивкой мебели, когда каждое подобное «включение» напоминает гвоздики, вбиваемые в ткань на некотором удалении друг от друга¹.

Опыт синхронного перевода позволяет ближе подойти к проблеме единицы перевода. Почему мы не можем использовать категорию понятия, если оно является элементарной единицей смысла? Потому, что понятия облечены в словесные формы, с которыми и сталкивается переводчик прежде всего. Но эти словесные формы, как известно, могут быть многозначными и даже омонимичными, обладать переносными и идиоматическими значениями. Переводчик не всегда может правильно расшифровать смысл, т.е. понять содержание понятия, заключенного в той или иной форме, вне его взаимодействия с другими понятиями. Эксперименты, проводившиеся для анализа механизма понимания Исходного сообщения переводчиком-синхронистом, показали зависимость степени осмысленности сочетаний слов в предложении от наличия повторяющихся семантических компонен-

¹ Lederer M. La traduction aujourd'hui. Paris, 1994. P. 27.

тов значений в следующих друг за другом словах. «При максимальной повторяемости (избыточности), – пишет Г.В. Чернов, – сочетание можно считать осмысленным; при наличии (но недостаточном числе) повторяющихся компонентов (малой избыточности) сочетание можно считать принципиально «осмысленным», при отсутствии общих сем – полностью бессмысленным»¹. Именно таким образом и развивается процесс перевода: только «накопив» необходимое количество информации благодаря повторяющимся компонентам значения, переводчик способен осмыслить конкретное сочетание слов, т.е. понять содержание заключенных в нем понятий и толковать их на языке перевода.

Процесс осмысления последовательности языковых знаков синхронным переводчиком довольно подробно описан Ю.С. Степановым. Положив в основу классификации единиц перевода величину отставания переводчика от отправителя исходного текста, т.е. величину расхождения между произнесением говорящего и пониманием слушателя, Ю.С. Степанов делит единицы перевода на три группы.

Первую группу составляют единицы перевода (ЕП), имеющие минимальное временное расхождение, т.е. переводимые тотчас при произнесении. Такие ЕП, уточняет автор, совпадают со словом.

Ко второй группе относятся ЕП, имеющие некоторое отставание. Величина их, по мнению автора классификации, может выступать как мера переводимости, характеризуемой лексически, морфологически и синтаксически. Чем более многозначна лексическая, морфологическая или синтаксическая форма, тем больше величина отставания переводчика.

К третьей группе Ю.С. Степанов относит такие ЕП, которые не могут быть переведены вплоть до окончания предложения, т.е. имеющие максимальное временное расхождение². К этому можно добавить, что в некоторых случаях понимание наступает только после восприятия группы предложений.

Согласно концепции Ю.С. Степанова, границей, маркирующей единицу перевода, оказывается момент начала порождения переводчиком очередного «транша» переводного текста после восприятия очередной порции исходного сообщения. Предложенный метод действительно помогает вычленивать некие порции, на которые делится речевой поток переводчика, соотносить их с единицами языка и убедиться в том, что их величина различна. Более того, он позволяет понять, почему одни сегменты речи переводчика, т.е. единицы перевода, оказываются более протяженными, чем другие. Но в этой концепции весь процесс перевода ориентирован только на понимание. «Будем считать, – пишет Ю.С. Степанов, – что «понятность» и

¹ Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. М., 1978. С. 99.

² Степанов Ю.С. Французская стилистика. С. 258–266.

«переводимость» одно и то же», и продолжает: «Все, что понято, должно и может быть переведено»¹.

Разумеется, понимание составляет первое и необходимое условие всякой переводческой деятельности. Еще Иероним в IV в. писал: «Я могу перевести только то, что до того понял». Но ведь понимание – это только одна сторона переводческого процесса, за ней столь же обязательно следует порождение речи на другом языке. Вспомним заслуживающую внимания гипотезу Л.К. Латышева о многократном «переборе» вариантов. Переводчик пришел к тем формам, которые мы видим в окончательном варианте путем многократного возвращения к «ядерному» смыслу форм исходного текста для выбора оптимального эквивалента. Этот выбор обусловлен, разумеется, не только контекстом, но и всем опытом переводчика как двуязычной и «двукультурной» личности.

Граница, отделяющая одну фазу «накопления» необходимую для принятия решения информации от другой, маркирует единицу понимания, которая сама по себе еще не является единицей перевода. А.Ф. Ширяев, также опиравшийся на исследования деятельности синхронных переводчиков, предлагал называть эту величину «единицей ориентирования», представляющей собой «отрезок исходного текста, смысловое восприятие которого позволяет переводчику приступить к поиску или выбору очередного переводческого решения»². «Единица ориентирования» не является терминологическим аналогом «единицы перевода», а обозначает фазу осмысления некой «порции» исходного текста, необходимую для принятия решения.

Единицы перевода как кванты переводческих решений

Производство нового текста – текста перевода – разворачивается во времени так же последовательно и поэтапно, как и его осмысление. Пройдя фазу осмысления, или ориентирования, переводчик принимает решение о выборе речевой формы, в которую следует облечь понятые смыслы. На этом этапе и происходит установление соответствий между смыслами исходного текста и порождаемого текста оригинала. Переводчик может идти по пути точной передачи каждого понятия, если языковые средства переводящего языка в ограниченном количестве случаев позволяют это, частично менять содержание понятий, опускать или добавлять некоторые понятия, стремясь найти оптимальную форму выражения осмысленного фрагмента исходного текста.

Но не всегда отдельное понятие можно использовать в качестве единицы смысла. Наряду с простыми понятиями существуют сложные, не свя-

¹ Степанов Ю.С. Указ. соч. С. 260.

² Ширяев А.Ф. Указ. соч. С. 19.

занные непосредственно с языковыми формами. Такие сложные понятия рождаются из высказываний.

Я.И. Рецкер, определяя критерии для выбора языковых средств в процессе перевода, отмечал, что «уже в ходе анализа текста в нем выделяются такие «единицы перевода», будь то отдельные слова, словосочетания или части предложения, для которых в данном языке в силу создавшейся традиции существуют постоянные и незыблемые соответствия. Правда, в любом тексте, – продолжал он, – такие эквивалентные соответствия составляют незначительное меньшинство. Неизмеримо больше будет таких «единиц перевода», для передачи которых переводчику придется выбирать соответствия из богатейшего арсенала средств того или иного языка, но и этот выбор далеко не произволен»¹.

На этапе принятия решения мы вновь сталкиваемся с главной категорией теории перевода – категорией эквивалентности. Осознанные понятия исходного текста должны найти свое эквивалентное выражение в тексте перевода. Но осознание это, как мы видели, происходит при восприятии переводчиком разных по своей линейной протяженности и идиоматичности отрезков исходного текста.

Р.К. Миньяр-Белоручев, опираясь на идею А.М. Пешковского о том, что язык не составляется из элементов, а дробится на элементы, что первичными для сознания фактами являются не самые простые, а самые сложные, не звуки, а фразы, утверждал, что «переводчик, за исключением только синхронного перевода и в некоторой степени перевода с листа, также воспринимает нечто смысловое целое и лишь потом, в процессе перевода, дробит это целое на части в зависимости от тех действий, к которым он вынужден прибегать для выполнения своей задачи»². Но его оговорка об исключении синхронного перевода из этого процесса настораживает. Во-первых, если хотя бы одна разновидность перевода будет исключена из общей модели, то может ли эта модель претендовать на статус общей? Во-вторых, именно синхронный перевод позволяет материализовать процесс перевода, реально ощутить и измерить те «порции» перевода, те кванты смысла, которые выдает переводчик. Вероятно, исследователь слишком идеализировал картину перевода, полагая, что «переводчик начинает свою сложную деятельность с получения речевого произведения в целом»³. Он, разумеется, прав, но ровно настолько, насколько можно понимать под термином «нечто смысловое целое» именно единицу ориентирования, а не речевое произведение в целом. Даже в письменном переводе, когда у переводчика есть возможность неоднократно обращаться к тексту оригинала и изначально воспринять его как некое смысловое целое, собственно процесс

¹ Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974. С. 9.

² Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. С. 77

³ Миньяр-Белоручев, Р.К. Указ. соч. С. 78.

перевода разворачивается поэтапно. Прочитав весь текст от начала до конца и уяснив его систему смыслов в целом, точнее, в общих чертах, переводчик возвращается к первой странице, к первому предложению и начинает «по порциям» вникать в смысл составляющих текст языковых знаков, делая остановки там, где можно принимать решение на перевод и начинать воспроизводить понятые смыслы на другом языке¹.

Сам процесс чтения письменного текста, имеющего определенную линейную протяженность, разворачивается во времени поэтапно. Специалисты в области разных видов чтения могут возразить, что есть такое чтение, которое предполагает одновременный охват зрением и, вероятно, сознанием всего текста, есть чтение «по диагонали», по опорным вехам и т.п. Но все эти виды скоростного чтения несовместимы с переводческим восприятием исходного текста, так как предполагают лишь поверхностное ознакомление с содержанием речевого произведения. После такого прочтения переводчик в лучшем случае может сказать на языке перевода, о чем идет речь в исходном тексте, но это уже не будет переводом. Более того, даже такое просмотровое чтение предполагает некоторые последовательные операции, ведь оно не может выйти за пределы одной страницы письменного текста. И страница, которую необходимо просто переворачивать, уже составляет определенный этап даже такого комплексного восприятия текста.

Восприятие текста переводчиком во всех случаях осуществляется последовательно, по «порциям», независимо от того, в каких условиях и в какой форме осуществляется перевод. Но освоение смыслов исходного речевого произведения иногда требует восприятия значительных смысловых блоков, превышающих уровень отдельного понятия. Необходимый для освоения смысла и достаточный для принятия переводчиком решения отрезок исходного текста составляет единицу ориентирования. Осмыслив эту единицу смысла как нечто целостное, переводчик разлагает ее на отдельные понятия, находя им соответствующие эквиваленты. Он может строить сложные понятия из более простых и находить в языке перевода имена для этих сложных понятий.

Единица перевода предстает как сложное системное образование, как элемент общей структуры целостного акта перевода. Она является подсистемой, иерархически подчиненной системе в целом. Эта подсистема отчетливо разлагается на три составные части: накопление информации, необходимой для принятия переводческого решения до определенного «пика», позволяющего сделать вывод о том, что воспринятый фрагмент понят (фаза понимания, осознания содержания понятий). Эта фаза процесса перевода называется единицей ориентирования. За ней следует фаза многократного перебора вариантов в поисках форм, способных оптимально выразить

¹ Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

осознанные смыслы на языке перевода. На этой фазе переводчик оперирует единицами эквивалентности. Принятие окончательного решения, т.е. остановка на одном из возможных вариантов и его выведение в речь, знаменует завершение микропроцесса перевода, т.е. переход от одной единицы перевода к другой.

Единица перевода – это сложная подсистема в целостной системе процесса перевода, строящаяся в своем внешнем проявлении на основе единицы ориентирования, но включающая в себя одну или несколько единиц эквивалентности, соотносящих понятия исходного текста с соответствующими формами текста перевода.

Тема 9. ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА: ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ И АДЕКВАТНОСТЬ

Эквивалентность. К определению понятия

Проблема верности перевода, давно изучавшаяся филологами, в настоящее время излагается в иных терминах, центральным из которых является термин «эквивалентность». Эквивалентность предстает как довольно сложное и многогранное понятие, которое не может быть однозначно интерпретировано в теории перевода. «Понятие эквивалентности, – утверждает В.Н. Комиссаров, – раскрывает важнейшую особенность перевода и является одним из центральных понятий современного переводоведения»¹.

Считается, что термин «эквивалентность» стал употребляться в современной теории перевода сравнительно недавно. Так, П.М. Топер, отмечая разнообразие мнений о том, когда и откуда вошел в теорию перевода термин «эквивалент», полагает установленным, что «впервые термин «эквивалент» стал употребляться в современном переводоведении по отношению к машинному переводу, а к переводу «человеческому» его предложил принять Р. Якобсон в статье «О лингвистических аспектах перевода» (1959)»².

Но для теории перевода важно скорее не то, кто и когда ввел этот термин в употребление, а то, с каким значением он функционирует в научном аппарате конкретной науки и как коррелирует с другими терминами этой науки. Так, в работе Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне «Сопоставительная стилистика французского и английского языков» (1958) термины *equivalent*, *equivalence*, аналоги русских эквивалент и эквивалентность, употребляются не только в привычном значении некой равнозначности и подобия сравниваемых форм выражения, предполагающих их взаимозаменяемость, но и как обозначение одного из приемов перевода³.

Поэтому, прежде чем рассматривать категорию эквивалентности как главную категорию теории перевода, необходимо определить содержание понятия, заключенного в термине эквивалентность, принятом именно в науке о переводе, отношение к этому понятию переводоведов разных направлений и попытаться выяснить, как соотносится понятие эквивалентности перевода с близкими понятиями адекватности, верности, точности.

В русском языке слово эквивалентность обозначает свойство по значению прилагательного эквивалентный, т.е. являющийся эквивалентом, равноценный, равнозначный, равносильный, полностью заменяющий что-

¹ Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. С. 134.

² Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М., 2000.

³ Vinay J.-P., Darbelnet J. Op. cit. P. 8.

либо в каком-либо отношении¹. Соответственно эквивалент – это нечто равноценное, равнозначашее, равносильное другому, полностью заменяющее его².

В определении слова эквивалентный следует обратить внимание на его некоторую противоречивость. В первой его части говорится о том, что сравниваемые объекты равны по ценности, значению, силе. Иначе говоря, они одинаковы, совершенно, т.е. абсолютно сходны. Во второй же части утверждается, что эквивалентно то, что полностью заменяет что-либо в каком-либо отношении.

Противоречие в определении слова демонстрирует относительность понятия эквивалентности, что имеет принципиальное значение для теории перевода. Действительно, эквивалентность предполагает взаимозаменяемость сравниваемых объектов, но взаимозаменяемость не абсолютную, а возможную только в каком-либо отношении.

Понимание относительности эквивалентности в теории перевода, с одной стороны, важно для отграничения возможного от невозможного. Это отграничение помогает нам положительно решить вопрос о переводимости. Если рассматривать эквивалентность как основное свойство текста перевода в его отношении к тексту оригинала, то именно неабсолютный характер этого отношения позволяет избежать максимализма в оценке возможностей перевода.

С другой стороны, относительность, заложенная в самом понятии эквивалентности, ставит сложный вопрос о том, в каком отношении текст перевода оказывается равнозначным, равноценным, равносильным тексту оригинала. Этот вопрос пытается решить наука о переводе на протяжении многих столетий. Ведь именно характер отношений между ИТ (исходным текстом) и ПТ (переводным текстом) лежит в основе определения «верности» перевода и оценки правомерности переводческих действий.

Истинность как свойство эквивалентности

У логики можно заимствовать лишь отношение «истина – ложь» как критерий оценки эквивалентности. Эквивалентность перевода будет истинной, т.е. текст оригинала будет эквивалентен тексту перевода (ИТ ~ ПТ), если и только если текст перевода будет столь же истинным, что и текст оригинала. Причем речь не идет об истинности оригинального текста в его отношении к объективной действительности. Любой текст, являясь способом выражения и коммуникации некоего взгляда на окружающую действительность, представляет собой объективную данность, материализованную в определенной форме. Уже в силу своей материальной объек-

¹ Словарь русского языка / под ред. Евсеньевой А.П.: в 4 т. М., 1984. Т.4. С. 747.

² Там же.

тивности он истинен, как истинен любой материальный объект. Иначе говоря, текст оригинала истинен только потому, что объективно существует. Именно эта истинность и должна приниматься во внимание при оценке эквивалентности перевода.

В переводческой практике иногда возникают ситуации, когда истинность оригинального текста воспринимается переводчиком иначе, а именно как отношение автора оригинального текста к объективной реальности, которое может быть как истинным, так и ложным. В тексте оригинала могут содержаться данные, противоречащие тому, что известно переводчику о данном предмете, например, даты жизни какой-либо исторической личности (весьма распространенное явление в исторических описаниях, в том числе и в истории перевода). Может ли переводчик в тексте перевода указать другие, на его взгляд, более точные, истинные даты? Нет, не может, так как отношение эквивалентности между текстом оригинала и текстом перевода будет нарушено. Я.И. Рецкер приводит пример такого изменения в тексте перевода по отношению к тексту оригинала, произведенному переводчиком для восстановления истинности высказывания.

Эквивалентность является основным свойством, характеризующим отношения между текстом оригинала и текстом перевода. Однако она недостаточна для понимания сущности переводческой эквивалентности. Теории перевода в поисках сущности этого явления начинают анализ там, где его заканчивает логика, а именно опираясь на категорию смысла. Она исходит из того, что текст оригинала – это неизменно истинная величина, несмотря на его отношение (истинное или ложное) к отраженной в нем действительности, стремясь понять, каким должен быть текст перевода по отношению к тексту оригинала, чтобы отношение эквивалентности (ИТ ~ ПТ) оказалось истинным.

Таким образом, в центре внимания теории перевода оказывается категория смысла, точнее смыслов, как содержания знаковой сущности, которой является текст.

Эквивалентность и смысл.

Денотативное и сигнификативное значения

Понятие «смысл», которое определяется как «внутреннее логическое содержание, значение чего-либо, постигаемое разумом»¹, представляется несколько расплывчатым. В самом деле, в нем смысл определяется через такие понятия, как значение и логическое содержание. Еще в конце XIX в. немецкий логик и математик Г. Фреге, один из основоположников логической семантики, предложил различать понятия «значение» и «смысл». Со-

¹ Рецкер Я.И. Указ. соч. С. 36–37.

гласно его концепции, знак называет предмет и выражает смысл. Значение оказывается непосредственно связано с названием, обозначением предмета (денотата), а смысл – с информацией о нем, знаниями о предмете, зафиксированными в данном имени. Иначе говоря, значение оказывается связанным с объемом понятия, а смысл – с его содержанием. Так, знаки подлунный мир, голубая планета, белый свет называют один и тот же предмет – землю, т.е. имеют одно и то же значение, но их смыслы различны, так как они сообщают разные знания о предмете. Такие высказывания (знаки), как П.И. Чайковский, автор оперы «Евгений Онегин», великий русский композитор, хозяин домика в Клину и т.п., относятся к одному денотату (обозначают одно и то же лицо), т.е. имеют одно и то же денотативное значение (один и тот же единичный Предмет). Но их смыслы различны, так как во втором высказывании устанавливается связь с другим объектом (творчеством), в третьем объект относится к классу, а в четвертом опять устанавливается связь с другим объектом, но уже по линии possessивности. Иногда термин значение дополняется определением денотативное, что подчеркивает функцию знака по называнию, обозначению предмета. Денотативное значение в этом случае может противопоставляться не смыслу, а сигнификативному значению знака.

Различие сигнификативного и денотативного значений прекрасно иллюстрируют наблюдения Р. Барта. Проанализировав подписи «Злая собака», «Осторожно: собака» и «Сторожевая собака», увиденные им на воротах усадеб, Р. Барт утверждает, что все они несут одно и то же сообщение: Не входите (если не хотите быть укушенными)¹. Добавим, что эти высказывания соотносятся с одной и той же предметной ситуацией, которой нетрудно найти аналогию в ином социуме, в иной культуре. В русской действительности этим высказываниям могло бы соответствовать узуальное «Осторожно: злая собака». Но смысл этих выражений, продолжает Р. Барт, «заклучен в их различии: «Злая собака» звучит агрессивно, «Осторожно: собака!» – человеколюбиво, «Сторожевая собака» выглядит как простая констатация факта. Таким образом, в одном и том же сообщении читаются три выбора, три вида личной вовлеченности, три образа мыслей или, если угодно, три вида воображаемого, три личины собственности»². Р. Барт делает обобщение, представляющееся чрезвычайно важным и для теории перевода: «Лингвистика, занимающаяся одними лишь сообщениями, могла бы тут сказать лишь самые элементарные и тривиальные вещи»³.

Неопределенность понятия «смысл» заставила немецкого исследователя Г. Егера отказаться от него, заменив понятием «коммуникативная значимость текста». Г. Егер рассматривает коммуникативную значимость как

¹ Барт Р. Избранные работы. Семиотика и поэтика. М., 1989. С. 535.

² Там же.

³ Там же.

основную категорию, обеспечивающую коммуникативную эквивалентность при переводе. «Коммуникативная эквивалентность, – пишет он, – представляет собой отношение между текстами, возникающее в том случае, когда при переходе от исходного текста к результирующему тексту (т.е. при перекодировании), а в случае межъязыкового общения – при переходе от оригинала к тексту на языке перевода коммуникативная значимость остается сохраненной, т.е. инвариантной»¹. С помощью понятия инварианта Г. Егер придает анализу переводческой эквивалентности большую научную строгость, так как сравнение текста оригинала с текстом перевода получает некую третью промежуточную величину, то обязательное общее в сопоставляемых объектах, на основании которого легче выявить их сходства и различия.

Коммуникативная значимость, по мнению Г. Егера, опирается на функциональную значимость языковых знаков, которая предстает как совокупность функций отдельных знаков. Эти функции оказываются связанными с тремя уровнями отношений: семантическим (отношение знака к обозначаемой им действительности), синтаксическим (отношение знаков друг к другу в речевой последовательности) и прагматическим (отношение знака с использующими их коммуникантами). В условиях реальной коммуникации эти отношения оказываются иерархически подчиненными друг другу. Семантический уровень подчиняет себе синтаксический, и оба они подчинены прагматическому. Таким образом, семиотическая модель переводческой эквивалентности выстраивается на трех уровнях: прагматическом, семантическом, синтаксическом.

В пределах семантического значения Г. Егер предлагает различать сигнификативное и денотативное значения, первое из которых оказывается связанным с содержанием понятия, а второе – с объемом². Сигнификативное и денотативное значения оказываются подуровнями семантического уровня, располагаясь также в иерархической последовательности: «Для трансляционной лингвистики, – пишет Г. Егер, – на первом плане, бесспорно, должно стоять сигнификативное значение, но учет денотативного значения также представляется существенным, по крайней мере, в плане синонимии»³. Данный вывод весьма важен для теории перевода, ведь нередко переводчики, стремясь понять сообщения и их предметную соотнесенность, т.е. денотативное значение, не уделяют должного внимания тому, какую информацию о предмете несет в себе знак исходного текста, т.е. сигнификативному значению.

¹ Егер Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С.138.

² Там же. С. 141–142.

³ Там же. С. 143.

Смысл, отражая некоторые объективные свойства и признаки предметов, является категорией объективной и присущ языковому знаку постоянно. Однако он «как бы занимает промежуточное положение между «значением» (т.е. предметом) и представлением, имеющим субъективный характер»¹.

В реальной практике переводчик сталкивается именно с определенным представлением, т.е. с тем субъективным смыслом, который вкладывает в создаваемую комбинацию знаков автор исходного речевого произведения. Р. Барт называл этот смысл «личной вовлеченностью».

Анализ этих субъективных смыслов высказывания, не всегда удачный, неполный, а иногда и сомнительный, можно найти в литературоведческих работах, в первую очередь в работах тех исследователей, которые попытались применить в литературоведении семиотические методы. Переводчик пытается расшифровать субъективные смыслы исходного текста, оперируя общими, т.е. объективными смыслами знаков. Но его интерпретация также субъективна. Она подчинена его собственному когнитивному опыту, его умению понять частное, субъективное через общее и объективное. Именно поэтому один и тот же текст может быть понят разными людьми по-разному, поэтому же в практике художественного перевода множественные переводы одного и того же произведения – обычное дело. По этой же причине один и тот же перевод может вызывать диаметрально противоположные оценки критиков.

Переводчик, расшифровывая смыслы комбинаций знаков исходного текста, которые он принял за единицу ориентирования, совершает, по меньшей мере, три семасиологических операции, следуя от знаков к значениям:

1) определяет предметную соотнесенность знака (денотативное значение);

2) уясняет общую, объективную информацию о предмете (смысл, сигнификативное значение);

3) пытается выявить субъективный смысл знака, ту информацию о предмете, которую желал сообщить конкретный автор конкретного речевого произведения.

Сигнификативное значение (сигнификат) знака в лингвистике часто отождествляют с логической категорией понятия. Понятие также содержит общественно осознанную объективную информацию о предмете или явлении. Следовательно, необходимо выделить такую когнитивную категорию, которая соответствовала бы знанию о предмете конкретного индивида, строящего конкретное высказывание в конкретном речевом акте, т.е. ту, которая и формирует субъективный смысл высказывания. Такая когнитивная категория может быть определена как концепт.

¹ Новиков Л.А. Семантика русского языка. М, 1982. С. 17.

Понятие и концепт

Говоря о понятии, его объеме и содержании, о логических операциях, совершаемых над понятием, мы оперировали категорией понятия как универсальной, не принимая в расчет того, что в сознании каждого конкретного человека большинство понятий имеют и собственный объем, и собственное содержание. Такие индивидуализированные понятия, которыми оперирует в своей познавательной деятельности каждый индивид, в теории, построенной средствами русского языка, удобно назвать заимствованным термином концепт. Понятие отличается от концепта именно своей универсальностью. Его объем включает в себя все мыслимое множество объектов, подпадающее под его содержание, а содержание фиксирует основные, сущностные признаки объектов, принадлежащих данному классу.

Объем и содержание концепта зависят от индивидуального когнитивного опыта индивида и во многом определяются условиями жизни, культурой и т.п. Так, концепт «лопата» у пятилетнего ребенка будет отличаться от одноименного концепта у землекопа, притом, что понятие, лежащее в основе концепта, будет примерно одинаковым (функциональный признак – чтобы копать; конструктивный – ручка и то, чем копают). Ю. Найда выводит четыре уровня способности понимания: способность детей, чей словарь и жизненный опыт ограничены, способность малограмотных людей, не владеющих письменной речью, способность среднеобразованного человека, свободно понимающего как устную, так и письменную речь, способность специалиста понимать сообщения в рамках своей специальности¹.

Так, понятие снега, как природного явления, известно многим народам северного полушария. Отношение же к этому явлению различно. В русском языке в обыденном сознании это понятие определяется как «твердые атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде белых звездообразных кристалликов или хлопьев, представляющих собой скопление таких кристалликов»². Специальное определение этого понятия добавит уточняющие признаки о названии кристалликов (снежинки), об их форме (шестиугольные пластинки и шестилучевые звездочки), об условиях существования явления (при температуре воздуха ниже 0°C). Если же попросить дать определение снега эскимоса, для которого снег является одной из основных сред обитания, то он приведет еще больше дифференцирующих признаков данного объекта. Более того, говоря о снеге, покрывающем землю, он непременно выделит подмножества объектов и определит их дифференциальные признаки.

¹ Найда Ю. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 115.

² Словарь русского языка. Т.4. С. 164.

Житель экваториальной Африки, не видевший снега, т.е. не имевший соответствующего ощущения, будет иметь о снеге только абстрактное представление, созданное в результате прочитанного либо услышанного. Его концепт снега будет походить на понятие с нулевым объемом, оно составит как бы пустой класс, за которым не будет стоять реально представляемая действительность. Иначе говоря, та часть языковых картин мира, которая демонстрирует внешнее подобие, т.е. представляется симметричной, является, в самом деле, неэквивалентной. Эта неэквивалентность отражает оппозицию общего и частного в когнитивной деятельности человека, разных уровней абстракции. Она обусловлена тем, что каждый этнос имеет собственное представление о мире, об общих явлениях культуры во всех ее четырех сферах (материальной, духовной, организационной и поведенческой). Речь здесь идет не только о том, что в одной этнической культуре могут отсутствовать некоторые элементы, имеющиеся в другой культуре, но и о том, что отношение к тем или иным объектам, существующим в общечеловеческой культуре, может быть различным. Эти объекты могут вызывать разные ассоциации, т.е. по-разному сопоставляться с культурным опытом народа. Вернемся к понятию снега. Для южан снег – экзотика, редкое явление природы, иногда пугающее и раздражающее, когда снег реально выпадает и на некоторое время останавливает жизнь в городах. В то же время снег – это символ Рождества. Для народов северных районов снег – обычное явление, ожидаемое (психологическая готовность) и достаточно легко переносимое в определенные периоды года. Для народов Крайнего Севера снег представляет собой одно из основных жизненных средств.

Во всех трех случаях снег влияет на жизненный уклад и становится предметом разнообразных ассоциаций, но ассоциации эти в различных культурах в зависимости от климатических условий всегда различны. Если у южан снег – это бедствие, то у северных народов – либо нейтральное, либо положительное явление, которое во многом облегчает, а иногда и спасает жизнь (по снегу открываются санные пути, позволяющие двигаться по непроходимым дорогам, в другие сезоны снег защищает землю от мороза, спасая урожай, а соответственно и человека от голода). Чем большее место занимает снег в культуре того или иного народа, тем более обширной и вариативной оказывается лексико-семантическая область, связанная с этим явлением.

Эти различия в значениях наиболее отчетливо проступают именно в переводе, когда мы стараемся как можно точнее передать какое-либо понятие средствами иного языка.

Денотат и референт

Понятия референта и денотата в лингвистике иногда смешиваются.

Денотатом у Ч. Огдена и А. Ричардса обозначается фрагмент объективной действительности, отраженный в некотором речевом отрезке. В других теориях денотат определяется как абстрактная единица, некое множество объектов реальной действительности, которые могут обозначаться данным именем. В таком понимании денотат есть не что иное, как объем понятия. Некоторые авторы не делают различия между денотатом и референтом, считая эти термины взаимозаменяемыми¹. Однако в современной лингвистике «уже наметилась тенденция к соответствующей терминологической дифференциации, основанная, в частности, на существенном с лингвистической точки зрения различии виртуального (возможного) и актуализированного значений языковых единиц»². Л.С. Бархударов считал, что для теории перевода различать понятия денотата и референта весьма важно: «В речи, в конкретном тексте знаки языка могут обозначать и чаще всего действительно обозначают не весь класс («референт») в целом, а лишь один какой-нибудь конкретный предмет (или процесс, явление и пр.), который мы назвали денотатом»³. Иначе говоря, то, что сейчас в лингвистике предлагается называть термином референт, Л.С. Бархударов обозначал термином денотат, и наоборот. Но не это важно для теории перевода, в конечном итоге можно прибегнуть к определенной терминологической конвенции и договориться о том, каким из этих двух имен обозначать виртуальную сущность, т.е. всю совокупность объектов реальной действительности, отвечающую содержанию какого-либо понятия и называемую соответствующим знаком, а каким – определенный, конкретный, называемый в конкретном речевом произведении. Важнее оказывается вывод, сделанный исследователем, о том, что соответствие в переводе «нередко устанавливается не на уровне референтов, а на уровне денотатов. Это значит, что единица ЛЯ и ее окказиональный эквивалент в ПЯ могут расходиться по своему референциальному значению, но совпадать по обозначаемым денотатам»⁴. Именно «на денотативном тождестве обозначаемых объектов основываются переводческие приемы конкретизации и генерализации»⁵, – полагает исследователь.

Денотативная тождественность (в терминологии Л.С. Бархударова) при различии содержания возможна в устном переводе, когда и отправитель

¹ Степанов Ю.С.: «При рассмотрении лексики лингвисты пользуются также международными терминами, которые соответствуют выделенным русским терминам: предмет то же самое, что денотат или референт (Основы общего языкознания. М., 1975. С. 8).

² Булыгина Т.В., Крылов С.А. Денотат // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 128.

³ Бархударов Л. С. Указ. соч. С. 104.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 106.

исходного сообщения, т.е. коммуникант, говорящий на языке А, и получатель переведенного высказывания, коммуникант, говорящий на языке В, видят перед собой, т.е. ощущают или представляют себе после ощущения реальный объект, о котором идет речь. Допустим, специалист с помощью переводчика объясняет иностранному коллеге принцип действия механизма, находящегося перед ними (непосредственное ощущение). Объяснение принципов действия и особенностей устройства этого механизма может происходить и вне непосредственного ощущения. Но оба коммуниканта будут понимать, о чем идет речь, поэтому переводчик может изменить понятие, конкретизировать или, напротив, генерализировать его, имея в виду один и тот же объект, уже известный коммуникантам.

Для читателя русского перевода, получившего фразу «Просто он взял журнал с колен и хотел кинуть его на кровать, где я сидел», навсегда останется неясным, какой был брошен журнал. Можно начать дискуссию о том, важно читателю или нет знать, о каком журнале идет речь. Но это уже будут вопросы другого порядка. Пока на элементарном уровне обозначения объектов реальной действительности мы должны констатировать, что у читателя русского текста никогда от этого перевода не возникнет знания о том, что персонаж бросил на кровать именно один, а не какой-то другой ежемесячный журнал.

Конкретный объект, описанный автором, с которым, возможно, у него связаны какие-то ассоциации (не случайно же автор избрал именно этот, а не иной объект) переводится в класс объектов – журнал.

Прежде чем проанализировать различия между объектом, выведенным в высказывании оригинала и в переводном высказывании, возвратимся к терминам «денотат» и «референт» и определим их содержание. Следуя современной тенденции, сформировавшейся в отечественном языкознании, следует обозначать термином «референт» конкретный объект внеязыковой действительности, который имеет в виду автор речевого произведения, строя конкретное высказывание. Термином же «денотат» следует обозначать класс объектов реальной действительности, которые могут быть определены данным понятием, т.е. подпадают под его содержание. Таким образом, референт и денотат различаются степенью обобщенности как единичное, со всеми присущими ему дифференциальными признаками, и множественное, объединяющее совокупность аналогичных объектов в класс, на основе их сущностных признаков. В то же время и референт, и денотат могут представлять собой как реальные, так и идеальные сущности. Вспомним пример – сказочный персонаж, например Красная шапочка. Референтом сказочного речевого произведения оказывается идеальная сущность – вымышленная девочка в красной шапочке. Практически вся художественная литература оперирует одновременно и реальными, и идеальными сущностями, смешивая их, размещая идеальное в реальном и реальное в иде-

альном. И те, и другие фигурируют в качестве референтов в художественных речевых произведениях. Механизм возникновения идеальных сущностей, безусловно, интересный и для логики понятий, и для теории литературы, выходит за пределы нашего предмета. Поэтому посмотрим, во что превращаются референты, когда «переносятся» в переводе в иную культуру. Здесь возможны несколько вариантов, зависящих от когнитивного опыта автора, переводчика и получателя переводного речевого произведения. Если их знания о данном фрагменте действительности совпадают, то референт исходного речевого произведения окажется и референтом переводного речевого произведения.

Но вдруг в процесс коммуникации попадает человек иной культуры. Это наглядно, в буквальном смысле слова, показывает пример русской Красной шапочки. Французская Красная шапочка, персонаж сказки Ш. Перро, одета в красный капюшон. Попав в русскую культуру, она оказывается одетой на иллюстрациях к сказке, на конфетных обертках либо в красный фригийский колпак, либо еще в какую-нибудь шапочку, но не в капюшон. Референт речевого произведения Ш. Перро, конкретный объект с определенным набором дифференциальных признаков превращается благодаря переводческой генерализации понятия в один из объектов некоего множества, т.е. в денотат, которому приписываются иные дифференциальные признаки, соответствующие представлениям получателя переводного речевого произведения, в данном случае художника, о том, какая именно шапочка могла быть на девочке. Зная, что сказка французская и что фригийский колпак – один из символов современной Франции¹, художник рисует себе соответствующий образ героини, который и воспроизводит затем в графической форме.

Далеко не всегда референция исходного текста совпадает с референцией высказывания перевода. Автор, строя свое речевое произведение, как правило, имеет в виду конкретный объект, переводчик же, если речь не идет о единичном предмете либо о том предмете, который хорошо ему известен или находится в поле его непосредственного восприятия, идет от знака через понятие к денотату. Он выбирает один объект из возможного в данном случае множества, приписывает ему определенные дифференциальные признаки и далее оперирует именно им как референтом.

Именно таким образом – от частного, конкретного, к общему, а затем к новому частному – и строится механизм семантического преобразования при переводе.

Для теории перевода различение понятий денотат и референт оказывается весьма важным, так как помогает более точно представить себе сам

¹ Французские революционеры 1789 г. были облачены в красные колпаки, напоминавшие по форме те, что носили древние фригийцы. Марианну символ Французской республики также изображают во фригийском колпаке.

механизм переводческого преобразования. И не только потому, что в переводе один и тот же предмет (референт) может быть представлен разными по содержанию понятиями, как показывал Л.С. Бархударов, объясняя принцип гипо-гиперонимических преобразований. Прежде всего, потому, что позволяет понять, что в переводе часто происходит подмена референта, что референтами исходного высказывания и высказывания переводного оказываются разные предметы, являющиеся в то же время денотатами одного и того же понятия или аналогичных концептов,

В переводе постоянно коррелируют категории общего и частного: переводчик через общий объективный смысл знаков стремится проникнуть в индивидуальный субъективный смысл, который приписывает знаку автор конкретного речевого произведения. В то же время переводчик, называя предметы, уже обозначенные автором, нередко абстрагируется от конкретного предмета в силу того, что может лишь представить его, и говорит о нем как о классе. Исключение составляют ситуации, когда предмет речи находится в непосредственном ощущении автора исходного сообщения, переводчика и получателя переводного текста.

Объективное и субъективное в переводе

Вряд ли стоит отрицать, что многие потери при переводе носят объективный характер, что переводчик скован системными межъязыковыми расхождениями, асимметрией культурных реалий, стилистическими нормами и т.н. Эти и другие столь же объективные факторы, влияющие на степень переводимости, традиционно изучаются наукой о переводе. Но только объективными факторами не исчерпываются потери при переводе. Точнее, не только объективные факторы влияют на переводческий выбор. В не меньшей степени этот выбор предопределен субъективными факторами, а именно способностью конкретного индивида – переводчика расшифровать то, что зашифровано автором в тексте оригинала, т.е. расшифровать выбор автора, и этот выбор простирается в трех сферах: реального (описываемые в тексте оригинала предметы реальной действительности в их взаимосвязях и с социально закрепленными прямыми и метафорическими значениями), идеального (представления автора текста о значениях этих предметов и их взаимосвязях, его впечатления о них, эмоции, связанные с ними; эти представления, впечатления и эмоции могут не иметь постоянного характера, они могут возникнуть лишь в какой-то момент и не выводиться закономерно из всего творчества и мировоззрения автора) и знакового (речевые формы избранные для отображения, но не реального, а идеального, т.е. формы текста, избранные автором исходя из индивидуального представления об их семиотической и эстетической значимости). Нередко в теории перевода обосновывались способы межъязыковых преобра-

зований для описания на языке перевода тех реальных предметов, что фигурировали в тексте оригинала, а не тех идеальных сущностей, которые в действительности представлены в тексте оригинала. Идеал перевода при этом понимался как некое почти зеркальное отражение чужой действительности, а не того идеального мира, в котором эта действительность играет второстепенную роль. Такой перевод может иметь определенную ценность как этнографический документ, но оказывается пустым с точки зрения отражения его идеальной сущности. Не следует полагать, что отражение идеальной сущности текста имеет значение лишь в художественном переводе. Напротив, и в научном переводе или, точнее, в переводе научных текстов, который часто и по многим параметрам противопоставляется художественному переводу, идеальная сущность оказывается важнее реальной. Здесь уместно вспомнить об известном споре о том, чей перевод лучше – переводчика-профессионала, образованного филологически и не имеющего глубоких специальных знаний, или специалиста, прекрасно разбирающегося в предмете и владеющего в большей или меньшей степени языком оригинала и языком перевода. Переводчик-филолог будет переводить текст, пытаясь расшифровать заключенную в нем идеальную сущность, т.е. авторское видение реального предмета. Специалист же, «продираясь сквозь дебри» речевых форм иностранного языка и обнаружив там очертания предмета, будет стремиться сразу же описать этот предмет в силу своих профессиональных представлений о нем. А в этом случае велика вероятность того, что идеальная сущность предмета, т.е. то, что хотел сказать о предмете автор оригинального текста, будет подменено иной идеальной сущностью, той, которую создаст специалист-переводчик не только, а иногда и не столько на основании текста оригинала, сколько на основании собственного понимания предмета. Кто из устных переводчиков не попадал в ситуацию, когда в беседе профессионалов ведущие переговоры специалисты не дослушивают перевод до конца и начинают отвечать собеседнику, домыслив часть его слов в силу хорошего знания предмета. Часто это «речевое прогнозирование» оказывается удачным. Но нередки и случаи ложной догадки. И здесь на помощь приходит переводчик, пытаясь распутать сложный узел из высказанного и домысленного. А если в качестве переводчика выступает специалист? Не будет ли он домысливать не совсем точно понятый оригинальный текст, не подменит ли он своим представлением о предмете представление о нем автора оригинального текста?

Различение реального, предметного, и идеального в переводе чрезвычайно важно. Взгляд на перевод как на отражение идеального позволяет иначе взглянуть на многие извечные проблемы теории перевода, а именно на проблемы переводимости и адекватности, вольного и буквального в переводе, проблему реалий и многое другое. Но уяснение идеальной сущности, заключенной в тексте оригинала, представляется весьма затрудни-

тельным. Современная теория перевода не располагает сколько-нибудь эффективными методами для решения этой задачи. Нельзя согласиться с тем, что теория перевода не уделяла должного внимания проблеме понимания¹, она научила переводчиков находить соответствия предметам одной культуры в другой культуре, устанавливать межкультурные аналогии и избирать средства для их обозначения средствами языка перевода.

Эквивалентность и адекватность, верность и точность

В современной теории перевода, стремящейся отойти от использования недостаточно точных, неоднократно критикованных терминов, характеризующих перевод таких, как «точность» и «верность», наряду с термином «эквивалентность» широко используется термин «адекватность». Интересно, что термины «эквивалентность» и «адекватность» оказываются этимологически связанными, так как восходят к одной латинской форме *aequе* – равно, одинаково, так же,

Что же означает понятие адекватности перевода, какую роль оно может сыграть в теории перевода, в чем отличие категории эквивалентности от категории адекватности?

По всей вероятности, понятие адекватности перекочевало в теорию перевода из теории познания, где термином «адекватное» обозначается верное воспроизведение в представлениях, понятиях и суждениях объективных связей и отношений действительности. Для теории перевода в качестве такой действительности выступает оригинальный текст как стройная система связей и отношений между составляющими его элементами. Задачей же перевода является верное воспроизведение этой системы связей и отношений средствами другого языка. Что же предполагает верное воспроизведение подлинника? Расшифровка определения «верный» через синонимы «соразмерный, соответствующий, правильный, точный» может добавить к знанию о том, каким должен быть текст перевода по сравнению с текстом оригинала. Пожалуй, только определение соразмерный подсказывает нам, что текст перевода не должен ни превышать текст оригинала, ни быть короче его, хотя совершенно очевидно, что данное требование достижимо лишь относительно. Что же касается определения соответствующий (чему?), правильный (по оценке кого?), точный (?), то они достаточно абстрактны, хотя и употребляются довольно часто по отношению к переводу.

Категория «верности» еще в античный период ассоциировалась с буквальный переводом. Достаточно вспомнить Горация и его известное высказывание «*Nee verbum verbo curabis reddere fidus interpres*», получившее

¹ Крюков В.Н. Межъязыковая коммуникация: проблемы понимания // Перевод и коммуникация. М., 1977. С. 74.

впоследствии так много интерпретаций. Сколько раз критики перевода задавали вопрос: «Кому должен быть верен переводчик? Автору оригинала? Тексту оригинала? Или читателю, доверяющему ему и наивно полагающему, что перевод – это то же самое, что создал Автор, только... на другом языке? Само определение верный представляется достаточно расплывчатым. Что такое верный? Заслуживающий доверия? Неизменно придерживающийся чего-либо? Не вызывающий сомнений в своей надежности? Соответствующий истине? Точный и безошибочный? Неизменный? Хотелось бы, чтобы перевод обладал всеми этими качествами. Но, увы, реальный перевод лишь отчасти заслуживает доверия, лишь частично придерживается подлинника, всякий раз вызывая сомнения в своей надежности. Иначе говоря, применение определения верный к переводу оказывается метафорой, но не точным термином теории.

Столь же расплывчатым оказывается определение точный по отношению к переводу. Это заставило исследователей искать иное слово для определения основного искомого качества перевода. «В целом ряде работ по теории перевода, – отмечал А.В. Федоров, – усиленно подчеркивалась относительность понятия «точности». Понятие это было взято под сомнение. Даже слово «точность» в применении к художественному переводу стало реже употребляться в нашей художественной литературе последних десятилетий. В этом нашел выражение верный в своей основе принцип отказа от попыток устанавливать какие-либо абсолютные соответствия между разноязычными текстами, оперировать какими-либо величинами, взвешивать и измерять. Вместо слова «точность» и выдвинулся термин «адекватность», означающий «соответствие», «соотнесенность», «соразмерность». Есть, однако, возможность заменить этот иностранный термин русским словом «полноценность», которое в применении к переводу означает: 1) соответствие подлиннику по функции (полноценность передачи) и 2) оправданность выбора средств в переводе»¹.

Стараясь уточнить понятие полноценности (адекватности) перевода, Федоров формулирует более развернутое определение: «Полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему.

Полноценность перевода состоит в передаче специфического для подлинника соотношения содержания и формы путем воспроизведения особенностей последней (если это возможно по языковым условиям) или создания функциональных соответствий этим особенностям. Это предполагает использование таких языковых средств, которые, часто и не совпадая по своему формальному характеру с элементами подлинника, выполняли бы аналогичную смысловую и художественную функцию в системе целого»².

¹ Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1983. С. 125–126.

² Там же. С. 127.

А.В. Федоров ставит знак равенства между понятиями полноценности и адекватности. Адекватность для него – это всего лишь иностранный термин, который, согласно правилам художественного редактирования текста, лучше заменить словом родного языка. Однако от такой замены проблема не становится более ясной. Напротив, уподобление адекватности перевода его полноценности, предложенное Федоровым, ставит новые вопросы.

Прежде всего, для того чтобы оценить правомерность данного тождества, обратимся к определениям прилагательных адекватный и полноценный в лексической системе русского языка.

Прилагательное адекватный означает «вполне соответствующий, совпадающий», а прилагательное полноценный – «обладающий в полной мере необходимыми признаками, качествами»¹. Как видно из этих определений, прилагательные «полноценный» и «адекватный» различаются, прежде всего, тем, что первое дает качественную оценку чему-либо безотносительно к другим предметам и явлениям, в то время как второе непременно предполагает сравнение, соотнесение одного явления с другим, не определяя их качеств. Эти различия отчетливо проявляются в сочетаемости данных слов с другими. Так, можно сказать полноценная валюта, полноценный диплом, полноценный продукт, полноценное произведение, полноценный летчик и т.п. Вряд ли эти имена можно определить прилагательным «адекватный». У прилагательного «адекватный» оценочное значение отсутствует. Действительно, трудно с уверенностью сказать, несут ли отрицательную или положительную оценку такие терминологические словосочетания, как адекватные меры, адекватные ответные действия, довольно часто использующиеся в политической речи. Даже бытовые высказывания адекватное / неадекватное поведение не несут в себе ярко выраженного оценочного значения. Слово адекватность представляет в данном случае некоторый эвфемизм по отношению к прямо оценочным высказываниям. Отсутствие возможности соотнесения и сравнения объектов, которая необходима любой теории перевода, заставляет отказаться от термина «полноценный» по отношению к переводу. Вместо него возникает новое, более соответствующее задачам теории перевода определение – равноценный. В.Н. Комиссаров вводит категорию коммуникативной равноценности в само определение перевода. «Перевод, – пишет он, – это вид языкового посредничества, при котором на другом языке создается текст, предназначенный для полноправной замены оригинала в качестве коммуникативно равноценного последнему»². Предложенное определение, по мнению этого исследователя, «охватывает все переводы, хорошие и плохие, и позволяет отграничить перевод от других видов языкового посредничества, не предназначенных

¹ Словарь русского языка: в 4 т.

² Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М, 2001. С. 53.

для этой цели»¹. В этом определении угадываются те же признаки перевода, что и в приведенном выше определении полноценности, данном А.В. Федоровым, хотя использована иная терминология. Для А.В. Федорова главным свойством перевода оказывается функциональное соответствие текста перевода тексту оригинала. В.Н. Комиссаров пользуется более широкой формулировкой коммуникативной равноценности. В то же время в определении А.В. Федорова есть важное уточнение, касающееся оправданности выбора средств в переводе. Это положение вновь заставляет нас обратиться к категории адекватности.

В русском языковом сознании слово адекватность закрепилось за отношением между какими-либо действиями субъектов и ситуациями, в которых эти действия реализуются, либо действиями и ожидаемыми от них результатами, действиями и нормами поведения и т.п. Но адекватными не могут быть объекты по отношению друг к другу.

При системном подходе к переводу распространение понятия адекватности на перевод обращает нас к тем свойствам перевода, которые проявляются в его взаимодействии с окружающей средой. Адекватность перевода предполагает его соответствие тем ожиданиям, которые возлагают на него участники коммуникации, а также тем условиям, в которых он осуществляется. Категория адекватности является главным образом характеристикой не степени соответствия текста перевода тексту оригинала, а степени его соответствия ожиданиям участников коммуникации. В качестве последних могут выступать оба участника коммуникации, как автор исходного текста, так и получатель сообщения в переводе. Адекватность такого уровня можно наблюдать, в частности, в устном переводе, когда исходный текст изначально создается для перевода, а условия перевода и характер его протекания определены заранее. Оба коммуниканта считают перевод адекватным, если коммуникация оказывается успешной, т.е. если задачи коммуникации решены. При этом ни тот, ни другой коммуникант не сомневаются в том, что речевое произведение, созданное переводчиком, эквивалентно исходному. В этом случае срабатывает так называемая «презумпция коммуникативной равноценности», которая возникает у коммуникантов каждый раз, когда текст создается как перевод и используется в качестве перевода.

Тем не менее, адекватность как свойство перевода в большей степени ориентирована на получателя сообщения, созданного переводчиком. Во всех случаях, когда переводу подлежит текст, создававшийся «для внутреннего потребления», т.е. как речевое произведение, перевод которого изначально не предполагался, адекватность оказывается всецело ориентированной на получателя переводной продукции. Именно он определяет степень коммуникативной равнозначности оригинала и перевода, необходи-

¹ Там же.

мую ему для решения задач коммуникации. Поэтому некоторые исследователи считают необходимым разграничить разные уровни адекватности. Так, Ю.В. Ванников предлагает различать, прежде всего, семантико-стилистическую адекватность, которая определяется «через оценку семантической и стилистической эквивалентности языковых единиц, составляющих текст перевода и текст оригинала», и функциональную (прагматическую, функционально-прагматическую), которая «выводится из оценки соотношения текста перевода с коммуникативной интенцией отправителя сообщения, реализованной в тексте оригинала»¹. Кроме того, учитывая потребности информационной практики, в которую вовлекается и перевод, он видит необходимость выделить особый тип адекватности, а именно «дезидеративную адекватность», которая оказывается всецело ориентированной на запросы получателя переводной продукции. «С позиции семантико-стилистической теории адекватности такие виды обработки текста не должны считаться переводами, – отмечает исследователь. – На самом же деле, если они правильно передают требуемый аспект информации, заключенный в иноязычном тексте, т.е. реализуют коммуникативную установку, инициируемую получателем, их следует признать полноправными переводами, отличающимися от других «собственно переводов» типом своей адекватности»². К этому типу адекватности по сути дела исследователь относит такие виды информационной обработки текста, как выборочный перевод, реферирование, аннотирование, просмотрное чтение и т.п., которые сближаются с переводом тем, что оперируют исходными текстами на одном языке и производят тексты на другом, т.е. имеют тот же механизм, что и перевод.

Наконец, последней разновидностью адекватности оказывается так называемая «волюнтативная» адекватность, которую исследователь усматривает в переложениях. Она определена как волюнтативная в силу того, что в этом случае активно проявляется собственная коммуникативная установка переводчика. Автор данной типологии полагает, что все эти различные виды перевода, предполагающие различный уровень близости текста перевода тексту оригинала, объединены между собой тем, что являются фактами двуязычной коммуникации при посредничестве переводчика.

В рассмотренной выше концепции понятие адекватности полностью покрывает собой все типы соответствия между текстом оригинала и текстом перевода. В этом случае понятие эквивалентности оказывается просто излишним. Иначе говоря, понятие адекватности поглощает понятие эквивалентности. Но такой функциональный подход к установлению степени соответствия исходного речевого произведения и его перевода, опираю-

¹ Ванников Ю.В. Проблемы адекватности перевода: Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности // Текст и перевод. М., 1998. С. 34–37.

² Там же. С. 38.

щийся на коммуникативные установки трех участников коммуникации (автора оригинального текста, получателя текста перевода, т.е. «заказчика», и самого переводчика), выводит за рамки интересов теории перевода «таинство» переводческой кухни, его операции по максимально полному перевыражению всей системы смыслов, заключенной в тексте оригинального речевого произведения. По сути, функционально допустимыми оказываются любые формы межъязыкового посредничества независимо от того, насколько эквивалентен текст, порождаемый в процессе таких операций, тексту перевода. С таким расширенным пониманием перевода трудно полностью согласиться. Сведение всех разновидностей межъязыкового посредничества к переводу чрезмерно расширяет и размывает рамки самого объекта, что уводит теорию перевода на слишком зыбкую почву. В этой концепции привлекает то, что различение типов адекватности позволяет нам вновь ввести перевод в круг основных составляющих коммуникативного акта. Не следует забывать, что коммуникативный акт – это не только участники коммуникации, но и само сообщение, система смыслов в словесном облике. Именно установка на сообщение вновь возвращает нас к категории эквивалентности, ведь при всей важности коммуникативных установок на отправителя исходного сообщения, получателя текста перевода и самого переводчика не менее значимыми являются тексты, порождаемые в процессе этого акта коммуникации, и отношение соответствия между ними.

Поэтому не менее верным представляется и такой взгляд на перевод, при котором максимальное совпадение между содержанием оригинала и перевода считается очевидным. В этом случае «хорошим», или «правильным», признается только эквивалентный перевод¹. В.Н. Комиссаров, полагая, что категория оценочности оказывается при таком подходе естественным признаком категории эквивалентности, предлагает вовсе вывести термин «адекватность» из научного оборота теории перевода². Исследователь исходит из положения теоретической концепции А.В. Федорова, уподоблявшего адекватность полноценности.

Но адекватность и полноценность суть разные понятия, и понятию адекватности в отличие от понятия полноценности оценочность не свойственна. Поэтому нет достаточных оснований для того, чтобы устранять термин «адекватность» из теории перевода. Он не является дублетом термина «эквивалентность», ни тем более таких понятий с неясным объемом, как «точность» и «верность». Термин «адекватность» обозначает особую категорию теории перевода. Его сосуществование с категорией эквивалентности не только допустимо, но и целесообразно. Однако для того, чтобы они могли существовать в пределах одной теории, следует четко разграничить

¹ Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. С. 117.

² Там же.

их понятийные области. Во всяком случае, при первом приближении к разграничению понятийных сфер адекватности и эквивалентности можно сделать вывод о том, что в переводе не все адекватно, что эквивалентно и не все эквивалентно, что адекватно.

Такой взгляд на категории адекватности и эквивалентности в известной степени совпадает с трактовкой различия между ними, предложенной А.Д. Швейцером. Этот исследователь отмечал несколько отличий одной категории от другой. Полагая, что обе категории имеют оценочный и нормативный характер, он видел первое их различие в том, что эквивалентность ориентирована на результаты перевода, на соответствие текста перевода определенным параметрам оригинала, в то время как адекватность связана с условиями протекания межъязыкового коммуникативного акта¹. «Иными словами, если эквивалентность отвечает на вопрос о том, соответствует ли конечный текст исходному, то адекватность отвечает на вопрос о том, соответствует ли перевод как процесс данным коммуникативным условиям»². Второе различие состоит в том, что эквивалентность предполагает максимально полную передачу «коммуникативно-функционального инварианта» оригинала, в то время как адекватность представляет собой некий компромисс, на который идет переводчик, жертвуя эквивалентностью для решения главной задачи. Такой главной задачей считается сохранение в переводе функциональных доминант исходного текста. Иначе говоря, адекватность имеет не максимальный, а оптимальный характер. А.Д. Швейцер полагал, что категория адекватности выводится непосредственно из переводческой практики, так как в реальной жизни переводчик не всегда имеет возможность максимально полно передать всю систему смыслов, заключенную в исходном речевом произведении. Иногда, например, в устном переводе, он вынужден сокращать сообщение, максимально «сжимая», компрессируя его, чтобы успеть за выступающим. В другом случае он изменяет функциональное значение исходного текста, когда требуется, например, только извлечь необходимую информацию из текста имеющего для адресата оригинала значение нормативного документа. «Отсюда вытекает, – заключал исследователь, – что требование адекватности носит не максимальный, а оптимальный характер: перевод должен оптимально соответствовать определенным (порой не вполне совместимым друг с другом) условиям и задачам»³.

Таким образом, мы видим, что во всех теоретических концепциях происходит более или менее четкое разделение двух сфер: сферы речевых произведений и соотношения между ними и сферы условий коммуникации, речевой ситуации, коммуникативного акта в целом. У А.В. Федорова

¹ Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М., 1988. С. 95.

² Там же.

³ Швейцер, А.Д. Указ. соч. С. 96.

оба аспекта представлены как два необходимых требования к полноценному переводу. У Ю.В. Ванникова они составляют определенные уровни адекватности, у В.Н. Комиссарова – уровни эквивалентности, а у А.Д. Швейцера определяются как адекватность и эквивалентность.

Несмотря на явные и неявные терминологические различия, мы обнаруживаем если не общий, то, во всяком случае, очень близкий подход к тому, между какими аспектами перевода устанавливаются соответствия.

Понятия функций, функциональных различий речевых произведений, коммуникативных актов прямо или косвенно возникают во всех теориях соответствий. Причем в большинстве случаев эти теории опираются на функциональную структуру коммуникативного акта, предложенную Р. Якобсоном. Его модель акта коммуникации оказывается если не универсальной, то, во всяком случае, доминирующей при определении критериев межъязыковых соответствий, устанавливаемых в переводе.

Провозгласив семиотическую сущность перевода, исследователи стремятся уложить свои критерии соответствий в довольно жесткие рамки трех типов отношений, в которые вступают языковые знаки с окружающей действительностью, а также между собой в речевой цепи, а именно прагматические, семантические и синтаксические отношения.

А.Д. Швейцер не без оснований полагал, что для «анализа эквивалентных отношений при переводе более подходит типологическая схема Р. Якобсона, в которой выделены функции, отличающиеся друг от друга установкой на тот или иной компонент речевого акта. Это такие функции, как референтная или денотативная (установка на референт или «контекст»), экспрессивная – эмотивная (установка на отправителя), конативная – волеизъявительная (установка на получателя), фатическая – контакто-устанавливающая (установка на контакт между коммуникантами), металингвистическая (установка на код), поэтическая (установка на сообщение, на выбор его формы). В соответствии с этими функциями можно говорить об эквивалентности референтной экспрессивной, конативной, фатической, металингвистической и поэтической»¹.

Но далее следовал неожиданный вывод о том, что «установление доминантных функций оригинала (референтной, экспрессивной, конативной, фатической, металингвистической или поэтической) определяется прагматикой текста – коммуникативной интенцией отправителя и коммуникативным эффектом текста – и предполагает наличие прагматической эквивалентности между оригиналом и переводом. Иными словами, прагматические факторы играют доминирующую роль, как в иерархической модели уровней эквивалентности, так и в одномерной функциональной типологии эквивалентности»².

¹ Швейцер, А.Д. Указ. соч. С. 91.

² Там же.

Возникают два вопроса: откуда возникает прагматика, состоящая в коммуникативной интенции отправителя и коммуникативном эффекте текста, т.е. в его воздействии на получателя, и почему эта прагматика определяет не только референтную, поэтическую, контактоустанавливающую и металингвистическую, но и экспрессивную и волеизъявительную функции? Эти вопросы не проясняются, а, напротив, выделяются еще рельефней, когда исследователь стремится уточнить и пересмотреть категорию коммуникативной эквивалентности. Конкретизируя смысл, который вкладывается в понятие коммуникативного эффекта, он отмечает, что это понятие является одним из элементов следующей триады: 1) коммуникативной интенции (цели коммуникации); 2) функциональных параметров текста; 3) коммуникативного эффекта. Эти три категории соотносятся с тремя компонентами коммуникативного акта: 1) отправителем; 2) текстом; 3) получателем¹. Экспрессивная и волеизъявительная функции, являющиеся неотъемлемыми частями функциональных параметров текста, оказываются продублированными в триаде, так как именно они создают коммуникативный эффект и задают коммуникативную интенцию.

Чтобы лучше понять взаимодействие функциональных параметров текста, прагматики текста и найти им место в общей теории эквивалентности и адекватности, следует обратиться к многоуровневым и функциональным моделям эквивалентности.

Многоуровневые теории эквивалентности

В.Н. Комиссаров, анализируя категорию эквивалентности, справедливо отмечал, что «сопоставление переводов с их оригиналами показывает, что существует несколько типов эквивалентности, в каждом из которых разные части содержания исходного текста. Изучение уровней эквивалентности позволяет определить, какую степень близости к оригиналу переводчик может достичь в каждом конкретном случае»². Реальные переводы соответствуют оригиналам в разной степени, оставаясь при этом именно переводами, а не иными видами межъязыкового посредничества. Попытка построить типологию эквивалентности, найти те ступени, которые ведут от минимально возможной к максимальной эквивалентности, а также установить объективную, обоснованную границу, отделяющую перевод от «неперевода», и приводит к теории уровней эквивалентности.

Наиболее известные теории уровней эквивалентности строятся на семиотических основаниях, точнее, на выделенных семиотикой трех типах отношений знака – прагматическом, семантическом и синтаксическом.

¹ Швейцер, А.Д. Указ. соч. С.92.

² Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение. С. 134.

Понятие многоступенчатого переводческого эквивалента приобретает достаточно четкие очертания в теории Г. Егера¹. Он приходит к понятию коммуникативной эквивалентности через понятие коммуникативной значимости, которая и составляет основу этого типа эквивалентности. Коммуникативная значимость текста оказывается его свойством вызывать определенный коммуникативный эффект. Она возникает из функций языковых знаков, которые связаны с семантическим, синтаксическим и прагматическим уровнями отношений. Эти отношения, в нормальной речевой коммуникации находятся в определенных иерархических отношениях: семантический уровень подчиняет себе синтаксический, и оба они подчинены прагматическому уровню. Внутри семантического значения различаются сигнификативное и денотативное. Таким образом, модель переводческой эквивалентности, отражающая иерархию отношений языковых знаков, выстраивается в следующих четырех уровнях:

- 1 прагматический (для чего говорить);
- 2 семантический 1 (денотативный) (о чем сказать);
- 3 семантический 2 (сигнификативный) (как сказать);
- 4 синтаксический (как расположить элементы высказывания относительно друг друга).

Полная эквивалентность, или собственно эквивалентность между текстом оригинала и текстом перевода достигается тогда когда на всех четырех уровнях значения ИТ инвариантны значениям ПТ.

Данная концепция, и особенно идея о доминирующей функции прагматических отношений, подчиняющей себе все другие типы, была поддержана многими исследователями. А.Д. Швейцер утверждал, что «прагматический уровень занимает высшее место в иерархии уровней эквивалентности. В этой иерархии существует следующая закономерность: каждый уровень эквивалентности предполагает наличие эквивалентности на всех более высоких уровнях»².

Прагматический уровень эквивалентности, возведенный в ранг главного, высшего, составляет то необходимое коммуникативное ядро, без которого эквивалентность не может быть достигнута. Прагматическое значение составляет некий минимум инвариантности, по достижении которого уже оказывается возможным говорить о переводе.

Разделив двуединый процесс перевода на два этапа и вычленив соответствующие единицы на каждом из двух этапов, а именно единицу декодирования и единицу репродукции, мы можем сосредоточить внимание на этапе репродуцирования текста в переводе и установить, каким образом достигается эквивалентность фрагментов текстов оригинала и перевода.

¹ Егер Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 137–156.

² Швейцер А.Д. Теория перевода. С. 85.

Для этого обратимся вновь к некоторым теориям эквивалентности, построенным в виде уровневых моделей, и вспомним модель, которая легко выводится из рассуждений Г. Егера.

Швейцер предлагает уровневую модель эквивалентности, в которой прагматический уровень также доминирует над всеми остальными. По мнению А.Д. Швейцера, «прагматический уровень, охватывающий такие жизненно важные для коммуникации факторы, как коммуникативная интенция, коммуникативный эффект, установка на адресата, управляет другими уровнями. Прагматическая эквивалентность является неотъемлемой частью эквивалентности вообще и наслаивается на все другие уровни и виды эквивалентности»¹.

Следует отметить, что построенная А.Д. Швейцером уровневая модель эквивалентности практически ничем не отличается от модели Г. Егера. Она лишь перевернута, но это не меняет сути отношений, устанавливаемых исследователями между оригинальным речевым произведением и его переводом. В ней обнаруживаются те же три основных уровня, построенных на трех основных типах отношений языкового знака: прагматический, семантический, синтаксический. Так же семантический уровень разделяется на два подуровня в соответствии с различием в семантике денотативных и сигнификативных значений. Так же доминирующим оказывается прагматический уровень. А.Д. Швейцер, однако, представляет модель, предложенную Г. Егером, в структурированном виде, что придает ей большую оперативную ценность.

В.Н. Комиссаров строит более развернутую модель уровней эквивалентности. В последнем уточненном варианте предложенная им модель предполагает пять иерархически взаимосвязанных уровней:

- 1 уровень цели коммуникации;
- 2 уровень описания ситуации;
- 3 уровень способа описания ситуации;
- 4 уровень структуры высказывания;
- 5 уровень лексико-семантического соответствия.

Сопоставив эту модель с той, которая предлагалась А.Д. Швейцером, мы обнаруживаем определенное сходство на первых четырех уровнях: уровень цели коммуникации соответствует прагматическому, уровень описания ситуации – семантическому референциальному, уровень способа описания ситуации – семантическому компонентному и уровень структуры высказывания – синтаксическому. В модели В.Н. Комиссарова по отношению к модели А.Д. Швейцера изменена иерархия двух уровней: уровень описания ситуации подчиняет себе уровень способа описания ситуации. Иначе говоря, перевод на уровне способа описания ситуации предстает как более точный по отношению к уровню описания ситуации. С таким изме-

¹ Швейцер А.Д. Теория перевода. С. 86–87.

нением иерархии уровней эквивалентности трудно не согласиться. Мы уже показывали на примере, заимствованном у Р. Барта, насколько обедняется текст перевода, если в нем передается только информация о предмете речи (денотативное или референциальное значение) и опускается информация о том, как этот предмет отражается в сознании автора, что находит выражение в выборе определенных речевых форм.

В.Н. Комиссаров дополняет модель эквивалентности еще одним уровнем – уровнем лексико-семантического соответствия. Это дополнение представляется существенным, во всяком случае, по двум причинам. Во-первых, оно логически завершает иерархию уровней эквивалентности: начав с уровня цели коммуникации, где перевод оказывается максимально свободным, вольным (за верхним пределом этого уровня вряд ли можно уже говорить о переводе), В.Н. Комиссаров доходит до уровня пословной эквивалентности, т.е. до уровня буквального перевода, который в определенных случаях также возможен. Во-вторых, автор модели привлекает внимание к слову, которое в реальном переводе весьма часто выступает в качестве единицы эквивалентности. Множество трансформационных операций, известных в теории перевода, связаны именно с преобразованием слов (конкретизация, генерализация и т.д.).

На первый взгляд, этот уровень эквивалентности перекликается с уровнем способа описания ситуации (компонентный уровень у А.Д. Швейцера). Однако, это не так. Действительно, на уровне способа описания ситуации В.Н. Комиссаров рассматривает семантическую структуру не отдельного слова, а высказывания как речевой формы отражения той или иной предметной ситуации, его компонентный состав.

Таким образом, выделение пяти уровней эквивалентности, различающихся степенью детализации, точности и полноты смыслов, представляется обоснованным.

Однако в типологии уровней эквивалентности В.Н. Комиссарова проявляется некоторое противоречие. Первые три уровня выделяются на основе ономаσιологического подхода к сравнению текстов оригинала и перевода, а оставшиеся два, напротив, семасиологического. В первых трех случаях В.Н. Комиссаров движется от значений (цель высказывания – ситуация – отражение ситуации сознанием автора) к формам их выражения в ИЯ и ПЯ, т.е. к знакам. В четвертом и пятом случаях он идет от форм выражения, знаков (синтаксической структуры и слов) к их значениям.

Типология Г. Егера – А.Д. Швейцера менее подробна, но более логична. Она заявлена как функциональная и построена на установленных лингвистикой функциях языкового знака, т.е. на отношениях между знаком и участниками акта коммуникации (прагматическая функция), между знаком и отражаемым в нем фрагментом реальной действительности (семантическая функция) и между знаками в процессе коммуникации (синтаксическая

функция). Разведение семантического уровня на два подуровня (Г. Егером и А.Д. Швейцером) с точки зрения строгости критериев типологии также некорректно. Ведь выделяемый в особый подуровень сигнификативный аспект семантического значения характеризует не столько отношения между действительностью и знаком, сколько между знаком и коммуникантом, т.е. может рассматриваться в пределах прагматического аспекта. Если при одном и том же денотативном значении высказываний «Злая собака» и «Осторожно: собака» мы устанавливаем различия их сигнификативных значений, то должны признать, что различия эти обусловлены желанием, интенцией коммуниканта сказать именно так, а не иначе, т.е. в этих различиях угадывается отношение между знаком и коммуникантом.

Последовательное, поэлементное сравнение уровней эквивалентности, описываемых Г. Егером, А.Д. Швейцером и В.Н. Комиссаровым, показывает, несмотря на внешнюю вариативность терминов, большое сходство в определении уровней эквивалентности и явную привязанность к идее о семиотической природе перевода, о взаимодействии в переводе трех типов отношений знака к окружающей действительности:

Г. Егер	А.Д. Швейцер	А.Н. Комиссаров
прагматический (для чего говорить)	прагматический	уровень цели коммуникации
семантический 1 (сигнификативный) (как сказать)	семантический (компонентный)	уровень способа описания ситуации
семантический 2 (денотативный) (о чем сказать)	семантический (референциальный)	уровень описания ситуации
синтаксический (как расположить элементы высказывания относительно друг друга)	синтаксический	уровень структуры высказывания
		уровень лексико-семантического соответствия

Иначе строит модель уровней эквивалентности В.Г. Гак. Прежде всего, он последовательно разрабатывает теорию эквивалентности на основе семантических отношений, устанавливаемых между знаками (языковые формы), понятиями (значения) и денотатами (внеязыковые ситуации). В.Г. Гак строит простую, но весьма показательную схему уровней эквивалентности¹, из которой видно, что прагматический уровень не включается в категорию и выпадает из этой трехступенчатой типологии уровней эквивалентности, т.е. выводится за пределы эквивалентности. Это означает, что

¹ Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода. С. 10.

предметная ситуация оказывается первым, необходимым уровнем эквивалентности. Если предметная ситуация в переводе не воспроизведена, то перевод не эквивалентен.

Данная концепция представляет несомненный интерес, так как она позволяет вновь обратиться к категории адекватности и сделать предположение о том, что прагматический уровень действительно не определяет эквивалентность перевода исходному речевому произведению, а всецело располагается в сфере адекватности. Если допустить, что прагматика определяет отношения знака с участниками коммуникации, то к этим участникам следует отнести и переводчика. Поэтому взаимодействие переводчика (даже гипотетическое) с автором оригинала и получателем текста перевода, изменяющееся от условий перевода и запросов получателя, от умения переводчика расшифровать и передать коммуникативный эффект, от его представлений о реальном или гипотетическом получателе речевого произведения, и определяет, как мы видели выше, адекватность перевода.

Что же касается семантического и синтаксического уровней, относящихся к смыслу и структуре сообщения, т.е. к собственно текстовым категориям, то именно они и определяют эквивалентность речевых произведений.

Выведение прагматического уровня из области эквивалентности показывает целесообразность использования в теории перевода категории адекватности. Прагматическое значение и коммуникативный эффект, достигнутые при переводе, даже при отсутствии эквивалентности на семантическом и синтаксическом уровнях делают перевод адекватным. Перевод оказывается не только адекватным, но и в разной степени эквивалентным, если эквивалентность достигнута на семантическом и синтаксическом уровнях.

Более четкое соотнесение категорий соответствия (эквивалентности и адекватности) с компонентами структуры речевого акта позволяет уточнить и саму модель перевода как акта коммуникации. В этом случае сам перевод оказывается соотнесенным с металингвистической функцией в силу того, что перевод является интерпретацией одной языковой системы посредством другой. Экспрессивная и волеизъявительная функции располагаются в области адекватности перевода и соотносятся с тремя участниками коммуникации. В этой области располагаются соответствие (или несоответствие) коммуникативного эффекта и соответствие (или несоответствие) коммуникативных интенций. Поэтическая, референтная и контактоустанавливающая (в том числе контакто-поддерживающая) функции, относящиеся к семантике и синтактике, т.е. к структуре речевых произведений и их соотнесенности с обозначаемыми в них объектами реальной действительности (референтами), располагаются в области эквивалентности. Их соответствие или несоответствие и определяют эквивалентность перевода. Можно согласиться, но лишь отчасти, что семантический уровень доминирует над синтаксическим, ведь в реальном переводе мы вынуждены неред-

ко изменять семантику того или иного элемента только потому, что этого требуют иные, чем в языке оригинала, возможности сочетаемости. Таким образом, гипотеза о подчинении синтаксического уровня семантическому, верная для большинства случаев речи на одном языке, требует некоторых уточнений для ситуаций столкновения языков в переводе.

Теория формальной и динамической эквивалентности. Прагматический инвариант

Юджин Найда, американский лингвист, переводчик и теоретик перевода, внес существенный вклад в развитие современной теории перевода. Наиболее значима его книга «К науке переводить» (1964)¹. Теоретические взгляды Ю. Найды на перевод сформировались в процессе многолетней практики перевода и редактирования переводов текстов Библии на многие языки мира. Работа в Американском библейском обществе позволила ему сопоставлять самые различные пары языков, как близкородственных, так и далеких, обслуживающих самые разнообразные культуры.

Главным в концепции Ю. Найды представляется положение о двух типах эквивалентности при переводе: формальной (ФЭ) и динамической (ДЭ). В основе его представлений о необходимости различать эти два вида эквивалентности лежит убеждение в том, что совершенно точный перевод невозможен. Однако очень близким к оригиналу может оказаться воздействие перевода на получателя, хотя тождества в деталях не будет.

Найда отмечает, что существуют самые разные типы перевода – от сверхбуквального (подстрочника) до свободной парафразы. Различие в выборе того или иного типа перевода обусловлено, по мнению Ю. Найды, тремя факторами: характером сообщения, намерениями автора и переводчика как его доверенного лица и типом аудитории².

Признавая неразрывную связь формы и содержания в сообщении, Ю. Найда отмечает, что сообщения различаются все же тем, что доминирует в них – форма или содержание. В этом положении угадывается функциональный подход к сообщению, сформулированный Р. Якобсоном, а именно различение денотативной и поэтической функций сообщения, каждая из которых может выступать на первый план в конкретном акте коммуникации, а все остальные функции, присущие сообщению, сохраняются. В качестве иллюстрации этого положения Ю. Найда приводит пример библейских текстов: в Нагорной проповеди превалирует содержание, а в некото-

¹ Nida E. Towards a Science of Translating. Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating. Leiden, 1964.

² Найда Ю. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 115.

рых стихах Ветхого Завета, написанных акростихом, на первый план выступает поэтическая функция, т.е. доминирует форма.

Определяя основные цели, которые преследует переводчик, выбирая тот или иной тип перевода, Ю. Найда указывает на две, а именно на передачу информации и вызов определенного типа поведения у получателя переводного речевого произведения. Во втором случае «переводчику мало, когда получатель говорит: «Это понятно». Переводчик стремится, чтобы получатель сказал: «Это для меня важно»¹. Возможны и более высокие степени императивности текста. Соответственно степень адаптации переводного текста к речевым привычкам получателя переводного текста будет варьировать от минимальной в первом случае до максимальной во втором.

И, наконец, тип перевода выбирается в зависимости от способности получателя понять переводной текст. Ю. Найда выводит четыре уровня способности понимания: способность детей, чей словарь и жизненный опыт ограничены, способность малограмотных людей, не владеющих письменной речью, способность среднеобразованного человека, свободно понимающего как устную, так и письменную речь, способность специалиста понимать сообщения в рамках своей специальности.

Все эти факторы определяют стратегию переводчика, выбор определенного типа эквивалентности между оригинальным и переводным сообщениями – формальную эквивалентность или динамическую.

«При соблюдении формальной эквивалентности, – пишет Ю. Найда, – внимание концентрируется на самом сообщении, как на его форме, так и на содержании. При таком переводе необходимо переводить поэзию поэзией, предложение – предложением, понятие – понятием»². Такой тип перевода Ю. Найда называет переводом-глоссой (gloss translation). Перевод-глосса предполагает перенесение получателя сообщения в культуру иного народа того, для кого создан оригинальный текст. Переводчик в этом случае часто прибегает к примечаниям, стремясь сделать текст максимально понятным.

Если же переводчик ставит перед собой цель достичь динамической эквивалентности переводного текста тексту оригинала, он стремится «не столько добиться совпадения сообщения на языке перевода с сообщением на языке оригинала, сколько создать динамическую связь между сообщением и получателем на языке перевода, которая была бы приблизительно такой же, как связь, существующая между сообщением и получателем на языке оригинала»³. Получатель переводного произведения не переносится в иную культуру, ему предлагается «модус поведения, релевантный контексту его собственной культуры; от него не требуется для восприятия со-

¹ Найда Ю. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 117.

² Там же. С. 118.

³ Там же. С. 119.

общения, чтобы он понимал контекст культуры оригинала»¹. Американский исследователь подробно анализирует принципы ориентации перевода на формальную или динамическую эквивалентность.

При формально эквивалентном переводе переводчик в основном ориентируется на исходный язык, на форму и содержание исходного сообщения. Предпринимаются попытки полного воспроизведения грамматических форм, постоянства в употреблении слов и выбора значений в рамках исходного контекста. Такие переводы не всегда понятны среднему читателю, требуют примечаний и комментариев, однако, разумеется, имеют право на существование. Они могут быть ориентированы на другую группу получателей, а именно на специалистов, желающих получить как можно более точные и полные сведения о культуре и языке другого народа. Таким образом, тексты, переведенные по принципу формальной эквивалентности, оказываются более значимыми с точки зрения сопоставительной лингвистики и сравнительной культурологии.

Перевод, ориентированный на динамическую эквивалентность, Ю. Найда определяет как «самый близкий естественный эквивалент исходного сообщения»². Расшифровывая эту дефиницию, он поясняет, что термин «эквивалент» ориентирован на исходное сообщение, термин «естественный» на сообщение на языке перевода, а определение «самый близкий» объединяет обе ориентации в максимальном приближении. Рассматривая категорию «естественности» перевода, Ю. Найда говорит о трех определяющих ее аспектах: следовании нормам переводящего языка и принимающей культуры в целом, соответствии контексту данного сообщения и соответствии уровню аудитории. Исследователь признает, что формальная и динамическая эквивалентности являются некими полюсами, между которыми располагается множество промежуточных типов эквивалентности.

Категория «естественного перевода» подробно рассматривается американским исследователем. Приспособление текста перевода к языку и культуре должно привести к тому, что в переведенном тексте не осталось никаких следов иностранного происхождения. Отсюда неизбежно вытекает требование культурной адаптации. Ю. Найда приводит в качестве примера такой адаптации, как крайний случай динамической эквивалентности, фрагмент перевода Нового Завета, выполненного Дж. Б. Филлипсом, где высказывание оригинала «приветствовать друг друга святым целованием» заменяется в переводе на «обменяться сердечным рукопожатием» на том основании, что в библейские времена святое целование было обычной формой приветствия.

¹ Найда Ю. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 119.

² Найда Ю. Указ. соч. С. 119.

Естественность изложения на языке перевода связана, по мнению Ю. Найды, главным образом с проблемой взаимной сочетаемости слов на нескольких уровнях, самыми важными из которых являются классы слов, грамматические категории, семантические классы, типы дискурса и культурные контексты.

Естественность контекстуальная затрагивает такие аспекты речи, как интонация и ритм, а также стилистическая уместность сообщения в рамках контекста.

Третий аспект естественности формулируется как степень соответствия переведенного сообщения способности получателя его понять. «Об этом соответствии, – пишет Ю. Найда, – можно судить по уровню опыта и способности аудитории к декодированию, если, конечно, преследовать цели истинно динамической эквивалентности»¹. Говоря об этом аспекте естественности, исследователь делает весьма важную для теории перевода оговорку: «Не всегда можно быть уверенным, как именно реагировала (или должна была реагировать) первоначальная аудитория»².

Действительно, преследуя цель вызвать у аудитории ту или иную реакцию, переводчик исходит из собственного понимания этой цели, из понимания, которое формируется у него как у продукта определенной культуры, определенной исторической эпохи.

Способен ли переводчик верно понять стратегии, которые заложены автором оригинального текста, обращенного к определенной аудитории? Может ли вообще переводное сообщение вызвать у получателя реакцию, подобную той, что вызывал текст оригинала у своей аудитории? Эти вопросы не находят ответа в работе Ю. Найды. Следует признать, что в науке о переводе на них до сих пор нет ответа.

Идея, положенная Ю. Найдой в основу различения двух типов эквивалентности, или, точнее, двух типов перевода, не нова и высказывалась в истории перевода неоднократно. Еще в XVIII в. немецкий писатель и философ Иоганн Готфрид Гердер (1744-1803) писал: «Давно различали два вида перевода. Один перевод пытается перевести подлинник слово в слово, даже по возможности с теми же интонационными звучаниями. Его называли *übersetzen* с ударением на приставке. Второй вид (*übersetzen*) переносит автора, т.е. выражает образ автора так, как он бы заговорил вместо нас, если бы его родным языком оказался наш язык»³. И.Г. Гердер противопоставляет французской манере исправительных переводов, адаптированных под «нравы», вкусы и речевые обычаи читающей публики, иную, филологическую: «Французы гордятся своим национальным вкусом, к которому они приноравливают все, вместо того, чтобы приноравливаться самим к вкусу

¹ Найда Ю. Указ. соч. С. 119.

² Там же. С. 128.

³ Копанев П.И. Вопросы теории и истории художественного перевода. С. 193.

иных времен. А мы, бедные немцы, напротив, не имеем Родины и почти не имеем читающей публики. Без широкого национального вкуса хотим видеть Гомера таким, какой он есть, и самый наилучший перевод не может достигнуть этого, если его не сопровождают примечания и комментариев, отмеченные высоким критическим умом. В таком переводе мне бы хотелось видеть и поэзию и гекзаметр»¹.

Нетрудно заметить, что определение истинного перевода, предложенное И.Г. Гердером, напоминает положение о функциональной эквивалентности Ю. Найды. Однако пристрастия И.Г. Гердера явно на стороне именно такого, близкого оригиналу, филологического перевода.

Взгляды И.Г. Гердера разделял и Иоганн Вольфганг Гете (1749 –1832). Предлагая классификацию типов художественного перевода, расположенных в исторической последовательности, он различал три типа перевода: «Имеется три рода переводов: первый знакомит нас, исходя из наших общих понятий, с чужой страной; здесь более всего у места скромный прозаический перевод. Проза полностью снимает все особенности подлинника, написанного стихами, и даже поэтический восторг низводит до некоего общего уровня, но для начала оказывает величайшую услугу, потому что перевод этот входит в нашу привычную домашнюю национальную обстановку как нечто новое и прекрасное, незаметно для нас подымает наш дух, дает нам настоящую радость... За этим следует второй вид перевода, когда мы пытаемся перенестись в чужеземные условия, но, в сущности, только присваиваем чужие мысли и чувства и хотим их выразить по-своему – в своих мыслях и чувствах. Таковую эпоху перевода я хотел бы назвать, исходя из первоначального значения этого слова, пародийной. В большинстве своем лишь остроумные люди имеют призвание к подобному делу. Француз, произвольно обращающийся со словами оригинала, так же произвольно поступает с чувствами, мыслями, да и со смыслом вообще, он, во что бы то ни стало, требует заменить сочный иноязычный плод любым суррогатом, но только чтобы этот суррогат вырос на его собственной национальной почве... Но поскольку невозможно долго оставаться ни в состоянии совершенства, ни в состоянии несовершенства, а всегда наступает перемена, то мы пережили третью эпоху перевода – самую высшую и последнюю. Это – стремление сделать перевод полностью тождественным оригиналу, так что один текст существует не вместо другого, а заменяет другой. Этот род перевода изначально вызвал ожесточенное сопротивление, ибо переводчик, неуклонно следующий за оригиналом, в большей или меньшей степени отходит от оригинальности своей нации и таким образом возникает нечто третье, для чего еще должен дорасти вкус массы читателей... Перевод, стремящийся к тождеству с оригиналом, приближается к подстрочнику и сильно облегчает понимание оригинала; таким образом,

¹ Копанев П.И. Вопросы теории и истории художественного перевода. С. 179.

мы приближаемся к основному тексту, нас подтягивают к нему, и круг, в котором происходит сближение чужого со своим, известного с неизвестным, в конце концов, замыкается»¹.

Как видим, именно формальная эквивалентность расценивается И.Ф. Гёте как высший уровень перевода.

Сопоставление взглядов И.Г. Гердера и И.Ф. Гёте со взглядами Ю. Найды интересно не только потому, что показывает явную преемственность идей в теоретических взглядах на перевод, но и потому, что со всей очевидностью демонстрирует перемещение оценочных акцентов от одного полюса к другому, неоднократно наблюдавшемуся в истории перевода. На рубеже XVIII и XIX вв. И.Г. Гердер и И.Ф. Гёте противопоставляют точный, максимально близкий оригиналу перевод, построенный на принципах формальной эквивалентности, французской переводческой манере «прекрасных неверных», господствовавшей в европейском переводе в XVII–XVIII вв. В середине XX в. Ю. Найда заявляет, что в современном переводе наметился явный перевес в сторону динамики.

Возникает вопрос, почему динамическая эквивалентность оказывается предпочтительней формальной. Американский лингвист пытается ответить на этот вопрос с позиции теории информации. Опираясь на положение теории информации о том, что надежность понимания сообщения находится в прямой зависимости от степени избыточности речи, Ю. Найда делает интересный для теории перевода вывод: переведенный текст, в котором максимально сохранены структура и семантика оригинала, характеризуется недостаточной избыточностью для полного понимания сообщения, в нем слишком много неопределенного и нового. Адаптация же текста перевода, основанная на принципах динамической эквивалентности, снимает неопределенность и сохраняет для получателя привычный для него культурный контекст. Текст перевода приобретает в этом случае необходимую избыточность и благодаря этому легче воспринимается получателем.

Кроме того, динамическая эквивалентность, предполагающая высокую степень адаптации переводного текста к культуре народа-получателя, ориентирована на читателя среднего уровня, который, по мнению Ю. Найды, не всегда способен понять текст, пришедший из иной культуры. Призывая приближать текст к культуре народа, говорящего на языке перевода, «натурализовать» его, Ю. Найда, тем не менее, отмечает, что «культурные расхождения представляют меньше трудностей, чем можно было бы ожидать, особенно если прибегать к помощи примечаний, разъясняющих случаи культурных расхождений, ибо всем понятно, что у других народов могут быть иные традиции»².

¹ Копанев П. // Указ. соч. С. 189–192.

² Найда Ю. Указ. соч. С. 131.

В своих более поздних работах, в частности, как отмечает В.Н. Комиссаров в работе, специально посвященной роли культурных различий, Ю. Найда «уже не требует такой адаптации текста перевода, которая переместила бы его в новую культурную среду и тем самым в значительной степени удалила бы перевод от оригинала. Теперь упор делается на объяснение культурных реалий с помощью ссылок и примечаний. Таким путем достигается правильное понимание текста рецептором перевода, но уже речь идет не об обеспечении одинакового воздействия, как этого требовал принцип динамической эквивалентности»¹.

Таким образом, маятник переводческих пристрастий опять начинает движение в противоположную сторону, вновь пересматриваются критерии совершенного перевода. Но регулярное колебание маятника переводческих пристрастий не должно помешать увидеть то, что в переводческой практике на всем протяжении ее истории существовали разные, иногда диаметрально противоположные по целям и формам типы переводов². Эта вариативность типов всегда затрудняла оценку качества перевода. Ю. Найда, рассматривая типы эквивалентности если не как однопорядковые, то, во всяком случае, как имеющие равное право на существование, полагал, что однозначная оценка перевода невозможна: «Нельзя утверждать, что тот или иной перевод хорош или плох, не принимая во внимание множества факторов, которые в свою очередь можно оценить с разных позиций, получая весьма различные результаты. И поэтому на вопрос – хороший это перевод или нет? – всегда будет множество вполне обоснованных ответов»³.

Цель сообщения, или коммуникативная интенция, автора оригинала и переводчика могут совпадать, но могут и не совпадать. Текст, имеющий директивную направленность для одного народа, не всегда может и должен сохранять ее в переводе. Так, захваченные или перехваченные радио-разведкой боевые документы (боевые приказы, распоряжения и т.п.) не будут выполнять ту же функцию в переводе на язык противника. Перевод на русский язык Конституции Германии или США не будет выполнять в нашем обществе тех же функций, что и в соответствующих странах. Эти тексты утратят директивную функцию и будут выполнять лишь функцию информативную. Обратные случаи возможны, но более редки. Например, в Канаде в основу законодательства положены законы Франции и Великобритании. Гражданское право осуществляется на основе французского наполеоновского Гражданского кодекса, а уголовное – на основании английского Уголовного кодекса. Документы, переведенные с этих языков, должны обладать одинаковой юридической силой. Естественно, что подходы к переводу и принципы соответствия в этих случаях будут различными.

¹ Комиссаров, В.Н. Общая теория перевода. С. 56.

² Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

³ Найда, Ю. Указ. соч. С. 126.

Эквивалентность перевода как нормативная категория

В процессе исторического развития представление об эквивалентности перевода неоднократно изменялось, иногда на противоположное. Извечная дискуссия о преимуществах вольного или буквального переводов является ничем иным, как попыткой установить надлежащий уровень эквивалентности. Двухполюсная модель эквивалентности Ю. Найды, между крайними точками которой (формальная и динамическая эквивалентность) располагаются многочисленные промежуточные уровни эквивалентности, отражает суть многовековых споров. В известной триаде: АВТОР ОРИГИНАЛА – ПЕРЕВОДЧИК – ЧИТАТЕЛЬ ПЕРЕВОДА, отражающей связь между основными участниками процесса перевода как акта межъязыковой коммуникации, переводчик является неким мобильным элементом, стремящимся приблизиться либо к автору оригинала, либо к своему читателю.

Это отношение можно попытаться представить следующими схемами:

1. Переводческая стратегия «верного» переводчика. Перевод эквивалентен и адекватен.

Так, французские переводчики школы Перро Д'Абланкура в век «прекрасных неверных» (первая половина XVII в.) перекраивали и перелицовывали тексты оригинальных классических произведений в угоду вкусам читающей публики. Место переводчика, таким образом, оказывалось рядом с читателем.

2. Переводческая стратегия «прекрасных неверных». Достигнута адекватность, т.е. соответствие новой коммуникативной ситуации, формальная эквивалентность отсутствует.

Но уже в конце XVII в. можно наблюдать иную тенденцию – точное следование тексту оригинала. Примером могут служить переводы Андре Дасье, считающиеся шедеврами исторической и филологической реконструкции текста оригинала в переводе, которые некоторые называют даже «анатомическими». Такой перевод не предназначен для широкого читателя и не соответствует вкусам публики. Но в нем максимально воспроизведены мысли автора оригинала и формы его высказываний. Переводчик оказывается в лагере автора.

3. Переводческая стратегия «буквального» переводчика. Соблюдена формальная эквивалентность, но перевод не адекватен новой коммуникативной ситуации.

Адекватность, эквивалентность и оценка перевода

Категории эквивалентности и адекватности, рассматриваемые в рамках новой коммуникативной ситуации, неизбежно предполагают реакцию на перевод его получателей, т.е. потребителей нового речевого произведения.

Это обуславливает то, что адекватность и эквивалентность в известной степени оказываются категориями нормативными. Понятие нормы тесно связано с понятием оценки. Оценка же – это категория внешняя по отношению к оцениваемому объекту. Если речь идет о переведенном тексте, то он оценивается как хороший или плохой читателем перевода.

В определенные исторические периоды оценка качества перевода в немалой степени была обусловлена весьма жесткими нормами, диктовавшимися теми или иными литературными направлениями. Переводное произведение оценивалось по тем же критериям, что и любое другое литературное произведение, написанное на языке перевода. Оно было хорошим, если соответствовало господствовавшим в тот или иной исторический период литературным тенденциям, и плохим, если этим тенденциям не соответствовало.

В настоящее время отсутствие четко выраженных литературных тенденций, а точнее, наличие тенденции к абсолютной свободе и вариативности литературного творчества сводит проблему внешней оценки перевода и его нормативности к одному аспекту: переведенный текст должен соответствовать нормам переводящего языка.

В противном случае он останется неостребованным и общественная функция самого акта перевода как акта межъязыкового посредничества не будет выполнена. Однако внешняя, читательская оценка переводного текста не имеет непосредственного отношения к категории эквивалентности. Текст перевода оценивается так, как если бы он был создан изначально на языке перевода. Читатель верит тому, что автор оригинального произведения написал все именно так, как написано в переводе.

Внешняя оценка именно переводческой эквивалентности остается делом одного из мало разработанных разделов переводоведения – переводческой критики, которая способна не только оценить соответствие текста перевода литературным нормам языка перевода, но и установить степень его эквивалентности тексту оригинала.

В большей степени оценка перевода с точки зрения эквивалентности между текстом на ИЯ и текстом на ПЯ является категорией переводческого самосознания, т.е. внутренней. Переводчик сам устанавливает меру своей ответственности, как перед автором оригинала, так и перед читателем, он вырабатывает собственную норму соответствия текста перевода тексту оригинала. Оценка превращается в самооценку, а нормативность предстает как внутреннее убеждение переводчика о критериях истинности отношения эквивалентности между текстом оригинала и текстом перевода.

По сути дела, все трактаты о переводе, написанные в разные исторические эпохи, высказывания о переводе и переводческая критика были попытками установления тех или иных норм эквивалентности. Это убеждение основывается на знании характера межъязыковых соответствий и не-

соответствий как общего универсального типа отношений, так и в пределах конкретной пары языков, сталкивающихся в переводе.

Именно поэтому один из первых теоретических взглядов на проблему переводческой эквивалентности был взглядом сугубо лингвистическим, построенным на сравнении системных отношений между сопоставляемыми языками. Такой взгляд обнаруживается, в частности, в теории закономерных соответствий Я.И. Рецкера¹.

Эквивалентность и закономерные соответствия

«Теория закономерных соответствий, – писал Я.И. Рецкер, – должна устанавливать определенные параметры, внутри которых может осуществляться выбор вариантов перевода. Не давая никаких рецептов, теория соответствий вскрывает общие закономерности переводческого процесса, основанные на функциональной зависимости. При переводе с одного языка на другой приходится учитывать действие одних и тех же факторов логико-семантического порядка для передачи одного и того же смыслового содержания»². В приведенном высказывании Я.И. Рецкера привлекают внимание три положения: о параметрах, ограничивающих выбор переводчика, о функциональной зависимости и о логико-семантических основаниях.

Таким образом, данная теория строится изначально как теория нормализующая. Автор пытается очертить рамки, внутри которых переводческие действия могут считаться обоснованными. Он не использует категорию эквивалентности как отношение между текстом на исходном языке и текстом на языке оригинала, но говорит о закономерных соответствиях как об отношениях между отдельными фрагментами текста оригинала и текста перевода. Ему более импонирует термин «адекватность», который и служит оценочной категорией. Рассматривая вопрос о том, что является критерием правильности выбора средств выражения для достижения адекватности перевода, он пишет: «Поскольку критерием адекватности может быть лишь соответствие частице действительности, описанной в оригинале, равноценность средств определяется если не тождеством, то максимальным приближением полученного результата к воздействию оригинала. Анализ любого перевода, выполненного на высоком уровне мастерства, показывает, что основа установления равноценности языковых средств может быть только функциональная, а не формальная»³.

В определении критериев адекватности Я.И. Рецкер исходит из таких понятий, как воздействие на читателя и функциональная равноценность,

¹ Рецкер Я.И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Теория и методика учебного перевода. М., 1950; Он же. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.

² Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. С. 8.

³ Рецкер Я.И. Указ. соч. С.9.

противопоставленная формальной. На первый взгляд, его концепция мало чем отличается от теории динамической эквивалентности Ю. Найды. Различие лишь в терминологии. Но это не совсем так. Говоря о функциональной равнозначности, Я.И. Рецкер противопоставляет словарные значения лексических единиц тем, которые выводятся из содержания реального текста, т.е. речевого произведения. В его противопоставлении функциональной равнозначности формальной отражается сосюрговская дихотомия языка и речи. «Никакой словарь, – пишет он, – не может предусмотреть все разнообразие контекстуальных значений, реализуемых в речевом потоке, точно так же, как он не может охватить и все разнообразие сочетаний слов. Поэтому теория перевода может устанавливать лишь функциональные соответствия. Учитывающие зависимость передачи определенных смысловых категорий от действия различных факторов»¹.

Используя термины «адекватность» и «равноценность» для обозначения требуемого характера отношений между текстом на ИЯ и текстом на ПЯ, т.е. того отношения, которое в современной науке о переводе определяется как эквивалентность, Я.И. Рецкер вводит в свою теорию понятия эквивалента и эквивалентного соответствия. Он полагает неконструктивным использование термина эквивалент для обозначения всякого соответствия фрагменту текста оригинала фрагмента текста перевода. По его мнению «эквивалентом следует считать постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста»². К разряду эквивалентов он относит географические названия, собственные имена, термины любых отраслей знания. Эквиваленты делятся на полные и частичные, абсолютные и относительные.

Полными эквивалентами являются такие единицы сравниваемых языков, которые совпадают во всех значениях или же имеют в обоих языках лишь одно значение. Частичными эквивалентами оказываются многозначные слова и словосочетания, совпадающие в одном из значений. Абсолютными эквивалентами считаются те, что имеют единственно приемлемое соответствие. Говоря об абсолютных эквивалентах, Я.И. Рецкер высказывает весьма важную для теории и практики перевода мысль о живучести традиционных межъязыковых соответствий: «Традиция межъязыковых соответствий настолько упорна, что всякий иной перевод был бы ошибочным»³.

Таким образом, эквиваленты – это единицы, «установившиеся в силу тождества обозначаемого, а также отложившиеся в традиции языковых контактов»⁴. Эквивалентам противопоставлена группа иных межъязыко-

¹ Рецкер Я.И. Указ. соч. С.9

² Там же С. 10.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 9.

вых соответствий: вариантные и контекстуальные соответствия и соответствия, получившиеся в результате всех видов переводческих трансформаций. По мнению автора этой теории, между эквивалентными соответствиями и двумя другими группами соотносимых в межъязыковом плане фрагментов текста есть существенное различие. Первые относятся к сфере языка, а вторые – к сфере речи.

Существенно ли это различие для теории перевода? А.Д. Швейцер полагает, что разграничение понятий «эквивалент» и «вариантное соответствие» продиктовано «не столько переводческими, сколько лексикографическими соображениями»¹ и что переводчику не важно различать «частичный эквивалент» и «вариантное соответствие», ведь в обоих случаях «он имеет дело с неоднозначным соответствием: одному слову в исходном языке соответствует несколько слов в языке перевода»². Нужно согласиться, что разграничение, предложенное Я.И. Рецкером, иногда несколько искусственно. Некоторые из описанных им «вариантных соответствий» могут расцениваться как лексические замены, т.е. «переводческие трансформации». Иначе говоря, границы между разными типами межъязыковых соответствий оказываются несколько размытыми. В то же время для теории и практики перевода представляется важным то, что отрезки речевого потока, которые Я.И. Рецкер определяет как «эквиваленты», ограничивают свободу переводчика. «Там, где между языками установилось традиционное эквивалентное соответствие, переводчик фактически лишен возможности выбора. Отказ от использования эквивалента в исключительных случаях должен быть оправдан особыми условиями контекста или обстановки»³.

Теория закономерных соответствий Я.И. Рецкера в известной степени противостоит теории динамической эквивалентности Ю. Найды. На первый взгляд, Я.И. Рецкер рассматривает лишь тот уровень эквивалентности, который определяется в теории Ю. Найды как формальный. Но это не совсем так, и суть различия в том, что для построения типологий выбраны различные основания. Ю. Найда, определяя уровни эквивалентности перевода (динамическую и формальную), основывается на внешнем по отношению к высказыванию (тексту оригинала) факторе – необходимости получения надлежащего коммуникативного эффекта, воздействия на получателя. Для Я.И. Рецкера основой определения эквивалентности (межъязыкового соответствия) является само высказывание. «И хотя для правильного отражения мыслей, чувств, восприятий, содержащихся в подлиннике, переводчик вынужден прибегать к помощи логики, психологии, литерату-

¹ Швейцер А.Д. Теория перевода. С. 77.

² Швейцер А.Д. Указ. соч. С. 77.

³ Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. С. 9.

роведения, все же единственная опора его работы – текст, и основа лингвистического подхода к нему – функциональные соответствия»¹.

Л.С. Бархударов устанавливает три уровня эквивалентности, характеризующиеся отчетливой оценочностью и нормативностью. В центре располагается перевод, «осуществляемый на уровне, необходимом и достаточном для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм ПЯ»². Именно такой перевод называется эквивалентным. На более низком уровне оказывается буквальный перевод, а на более высоком – вольный. Л.С. Бархударов считает, что вольный перевод предпочтительней буквального, так как при вольном переводе не происходит значительных смысловых искажений и не нарушаются нормы языка. Хотя это не всегда так.

Категории эквивалентности и адекватности оказываются главными категориями теории перевода. От того, как они трактуются, зависит решение многих извечных вопросов теории перевода, в частности, вопроса о том, что следует считать переводом, о вольном и буквальном в переводе, о переводимости, об ответственности переводчика, о неизбежности утрат и многие другие. Каждый переводчик-практик, освоив теоретические основы перевода, вырабатывает собственную концепцию эквивалентности, которой он и руководствуется в своей творческой деятельности, принимая решения в силу своей обще культурной и языковой компетенции.

Языковая и культурная компетенция переводчика как человека, владеющего двумя языками и знакомого с двумя культурами, сталкивающимися в переводе, имеет, как правило, асимметричный характер. Асимметрия оказывается одним из основных свойств переводческого билингвизма, которое необходимо принимать во внимание, оценивая переводческие решения.

¹ Там же. С. 10.

² Бархударов Л.С. Указ. соч. С. 186.

Тема 10. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ПЕРЕВОДА

С точки зрения функциональной и коммуникативной направленности принято различать три вида перевода: художественный, общественно-политический (общий) и специальный. Существуют и другие классификации перевода: художественный и специальный, художественный и информативный, художественный и нехудожественный и т. д.

Рассмотрим классификацию, состоящую из трех видов перевода, позволяющую определить объект каждого вида перевода. Методы достижения адекватности в этих трех видах перевода не будут полностью совпадать, что вытекает из различного характера материала и задач, стоящих перед переводчиком.

Объектом художественного перевода является художественная литература. Отличительной чертой художественного произведения является образно-эмоциональное воздействие на читателя, что достигается путем использования огромного количества разнообразных языковых средств, от эпитета (красочное определение) и метафоры (переносное значение) до ритмико-синтаксического построения фразы.

Следовательно, при переводе художественного произведения в целях сохранения образно-эмоционального воздействия оригинала на читателя переводчик будет стремиться передать все нюансы формы произведения. Поэтому в данном случае на первый план выходит воспроизведение особенностей формы и содержания подлинника.

Объектом общественно-политического перевода являются общественно-политические и публицистические тексты, для которых характерна пропагандистская или агитационная установка, а следовательно, яркая эмоциональная окраска наряду с большой насыщенностью различной терминологией. В плане достижения адекватности этот вид перевода обладает чертами как художественного, так и специального перевода.

Объектом специального перевода являются материалы, относящиеся к различным областям человеческого знания и практики, науки и техники. Отличительной чертой этих материалов является предельно точное выражение мысли, что достигается в первую очередь широким использованием терминологии. К специальному переводу относятся: военный, юридический, технический, научный (иногда два последних объединяют в научно-технический), растет потребность в экономическом переводе и т. д.

Хорошо, если переводчик знает специальность, в области которой он работает. В наше время человек не может усвоить все известное, накопленное в науке и технике, которые настолько усложнились и развились, что узкая специализация для научно-технических работников стала законом. Это распространяется и на технических переводчиков, которым, как правило, приходится специализироваться в какой-либо одной отрасли про-

изводства, систематически изучать специальную литературу, следить за новинками в данной области, использовать опыт специалистов и опытных переводчиков.

Устный последовательный перевод – это тот вид перевода, в котором человечество нуждается больше всего; по-видимому, такая ситуация сохранится и в будущем. Переводчик переводит на слух 1-2 фразы или несколько больший фрагмент устного текста, который произносит оратор (или участник беседы), причем сразу после того, как эти несколько фраз произнесены. Такой вид перевода часто называют **абзацно-фразовым переводом**. Чаще всего переводчик находится непосредственно рядом с говорящим, поэтому может видеть в мимику и жестикуляцию, что помогает правильно понять смысл сказанного. Однако иногда переводчик находится вне поля зрения аудитории, в кабине или за сценой, и воспринимает речь через наушники; и в этом случае возможность наблюдать оратора хотя бы издали очень важна.

Задача устного переводчика, переводящего последовательно, заключается в том, чтобы запомнить смысл значительного фрагмента текста и затем воспроизвести его на другом языке, сохраняя не только познавательную информацию, но и по возможности стиль оратора, а также эмоциональную информацию, т.е. те эмоции, которые оратор вкладывает в свою речь. Следовательно, такому переводчику необходимо иметь развитую память, умение на ходу ориентироваться в стиле, обладать некоторыми актерскими данными.

К обязательным требованиям в устном переводе относится его высокая скорость. В среднем эта скорость должна находиться у верхнего предела скорости восприятия устной речи. Если оратор говорит быстро, она должна быть равна речи оратора, если он говорит медленно, переводчик обязан говорить при переводе значительно быстрее, чем оратор. Паузы между речью оратора и речью переводчика должны быть сведены до минимума. Самый простой для переводчика вариант последовательного перевода – это перевод официального доклада, сообщения или речи. В этом случае, как правило, заранее можно получить текст всего доклада или хотя бы узнать его тему. Переводчик имеет возможность изучить текст доклада, познакомиться со специальной литературой по теме, составить **тезаурус** – списки слов по теме с соответствиями. Однако и в данном случае переводчик не застрахован от неожиданностей, потому что оратор может во время выступления сократить или расширить текст своего доклада, уклониться от темы или даже полностью изменить ее. Поэтому устному переводчику необходимо иметь навык психологической готовности к самому неожиданному повороту событий при переводе.

Наиболее непредсказуемый характер имеет содержание дискуссии, которую приходится переводить переводчику практически на любой конфе-

ренции. Неважно, в официальной или в неформальной обстановке она протекает, главное, что, помимо общей заявленной проблемы, переводчику не известны ни содержание выступлений конкретных участников, ни суть возможных проблем, которые могут быть подняты в ходе дискуссии. Кроме того, во время переговоров могут вспыхивать конфликты. Поэтому переводчик должен быть досконально знаком с правилами профессиональной этики, четко знать, как ему себя вести, что делать и что переводить в конфликтной ситуации.

Устный последовательный перевод может быть односторонним и двусторонним. Односторонний перевод предполагает, что данный переводчик переводит только с иностранного языка на родной, а с родного языка на иностранный переводит другой переводчик (как правило, носитель языка перевода). В современной международной переводческой практике этот вариант считается приоритетным. Двусторонний перевод означает ситуацию, когда один и тот же переводчик переводит все выступления и с иностранного языка на родной, и с родного на иностранный.

Отметим, что качество перевода с родного языка на иностранный и качество перевода с иностранного языка на родной несколько различаются. При переводе с иностранного языка на родной итоговый (переведенный) текст получается более связным, единым, правильным, чем при переводе на иностранный язык. Однако, не исключены ошибки и недопонимание на этапе восприятия исходного иностранного текста, поскольку при самом высоком уровне знания иностранного языка все-таки воспринимается он не так полно и надежно, как родной. Напротив, при переводе с родного языка на иностранный проблем при восприятии не возникает (они возможны только в случаях плохой слышимости, дефектов речи у оратора и тому подобных субъективных причин); но в переведенном тексте возможны разного рода ошибки: грамматические, стилистические, лексические. Многие переводчики, и опытные, и начинающие, отмечают, что на иностранный язык им переводить легче, чем на родной. Это противоречит бытующему в среде непрофессионалов представлению о сложностях перевода: обычно считается, что на родной язык переводить легче. Парадокс объясняется просто. Во-первых, полнота восприятия – важная основа для полноценного перевода, значит, при переводе с родного языка эта основа надежнее. Надежность восприятия служит и серьезным психологическим организующим фактором: хорошо понимая исходный текст, переводчик меньше волнуется и больше уверен в своих силах. Во-вторых, возможности выбора вариантов при переводе на иностранный язык уже, представления о системе иностранного языка несколько упрощены, переводчик просто-напросто знает меньше иностранных слов и оборотов, чем слов на родном языке. Выбор упрощается, на поиски варианта тратится меньше времени, перевод осуществляется быстрее. Но это не означает, что он качественнее.

Вспомогательным средством запоминания в устном последовательном переводе могут служить записи в блокноте, которые делает переводчик. Наиболее продуктивна для записи *переводческая скоропись*. В последнее время все большую популярность приобретает и все выше ценится умение переводить устно в последовательном режиме сразу большие фрагменты устного выступления (длящиеся 10–15 минут) или даже целое выступление (до 40 минут). Переводчик прослушивает этот большой фрагмент или все выступление и с помощью переводческой скорописи (сокращенной записи) записывает основное содержание сообщения, а затем, соблюдая все описанные выше требования (высокая скорость речи, сохранение эмоциональной окраски и стиля оратора), воспроизводит выступление на языке перевода. В умения так называемого конференц-переводчика перевод такого рода теперь включается в обязательном порядке, а само понятие конференц-перевод, которое включало когда-то навыки абзацно-фразового перевода выступлений и умение переводить дискуссию в двустороннем режиме, базируется теперь на переводе целого текста.

Такому переводу обязательно обучают в ведущих высших школах перевода, например в Гейдельберге, а методика обучения устному переводу в некоторых из них целиком базируется на восприятии и воспроизведении целого текста. Наиболее яркий пример такого рода – Высшая школа перевода при Сорбонне.

У такой разновидности устного последовательного перевода два очевидных преимущества:

– первое – он позволяет сделать максимально эквивалентный перевод, поскольку переводчик передает содержание, опираясь на знание всего текста, в то время как при абзацно-фразовом переводе переводчик, как правило, последующего контекста не знает; кроме того, переводчик не привязан к отдельным словам и выражениям и перевод, таким образом, избавлен от буквализмов;

– второе преимущество заключается в том, что переводчик не прерывает оратора и оратор может в полном объеме передать слушающим эмоциональную информацию: ведь вынужденные паузы разрушают, в первую очередь, эмоциональный фон выступления.

Есть у перевода целого и существенный недостаток: пока оратор не завершит свою речь, аудитория, которая не знает языка оратора, в ожидании перевода явно скучает.

Важным профессиональным качеством устного переводчика является знание литературной нормы языка оригинала и языка перевода, поскольку тексты устных выступлений, как правило, держатся в рамках устного варианта литературной нормы языка. Редки случаи, когда в устной речи необходимо применение функциональных доминант какого-то другого стиля. Это, скажем, похоронная, траурная речь, где доминирует высокий стиль.

Устная литературная норма, в отличие от письменной, имеет некоторые черты устной разговорной речи. Из них наиболее частотны две: эмоциональный порядок слов и наличие фразеологизмов.

Текст устного последовательного перевода, как правило, нигде не фиксируется, поскольку он необходим только в момент устного контакта. Однако иногда его записывают на магнитофон или, реже, стенографируют, скажем, в целях создания письменных текстов материалов конференции.

Основой для создания письменных текстов или получения конкретной информации могут служить также сокращенные записи в блокноте переводчика.

Синхронный перевод

При синхронном переводе текст переводится почти одновременно с его произнесением (с небольшим отставанием). Поскольку он требует от переводчика навыка одновременно слушать, понимать, переводить и говорить, этот вид перевода общепризнанно считается самым сложным.

При синхронном переводе переводчик находится в изолированной кабине и оратора видит либо издали через специальное окно, либо на экране монитора, а слышит его речь через наушники. Поскольку перевод транслируется в зал также через наушники, которыми снабжено каждое кресло в конференц-зале, особенно важно сохранять чистоту эфира, не допускать посторонних шумов, разговоров, покашливаний, так называемого эфирного «сора». Еще большее значение, чем при последовательном переводе, приобретает *чистота речи* переводчика, его *дикция*, артикуляционная правильность устной речи, отсутствие сорных слов и звуков типа «м-м-м», «э-э», «значит», «как бы». Также чистым, «поставленным», должен быть и *тембр голоса*. Неизбежная опасность при синхронном переводе – перенапряжение голоса, поскольку скорость речи, как правило, выше нормальной за счет отсутствия пауз. У каждого синхронного переводчика свой способ поддержания голоса: стакан воды (без газа!), специальные таблетки от кашля, кофе со сливками.

Важна также **интонационная культура** синхронного переводчика. Интонации его перевода должны быть ровными, не агрессивными, но уверенными, убедительными – это наиболее «комфортное» сочетание для слушателей.

Синхронные переводчики работают в парах, сменяясь каждые 10-20 минут. Переводчик, сменившись, продолжает следить за речью оратора и использует свободное время, наводя необходимые справки по словарям и материалам конференции, а если надо, то и помогает своему напарнику.

Синхронный перевод осуществляется по очень коротким сегментам текста, которые и служат в данном случае минимальными единицами перевода, поэтому ведущим навыком при этом виде перевода, помогающим обеспечить его эквивалентность, является навык прогнозирования. Но и

при развитом навыке прогнозирования, т.е. предвидения того, что скажет оратор, ошибки неизбежны. Ошибки переводчик старается исправить, вводя корректирующую информацию в свою последующую речь, и на это тратится некоторое время. Вместе с тем переводчику ни в коем случае нельзя отстать от оратора, иначе он потеряет нить смысла. Такой временной прессинг заставляет синхронного переводчика сжимать, компрессировать свою речь, выбирать наиболее короткие слова и наиболее компактные обороты речи, а также выпускать второстепенную, на его взгляд, информацию. Таким образом, при синхронном переводе, прежде всего, задействованы аналитические и речевые навыки и в меньшей степени память. Как и при последовательном переводе, переводчику необходимо иметь колоссальный объем лексики в активном запасе.

Помимо описанного, основного вида синхронного перевода, существуют еще две разновидности. Первая – так называемый *шепотной синхрон*. Переводчик находится непосредственно рядом с человеком или группой людей, для которых переводит, и тихо, вполголоса или шепотом, чтобы не помешать остальным присутствующим (за что и был в среде профессионалов назван «шептуном»), переводит для них содержание речи оратора или участника дискуссии. Такое «персональное» обслуживание необходимо тогда, когда подавляющему большинству присутствующих перевод не нужен. Широко практикуется он и в неофициальных случаях: например, при посещении театра, при просмотре телепередач на иностранном языке и т. п. «Шептун» работает в крайне сложных условиях, часто в обстановке непредсказуемых помех (громкая чужая речь, музыка, вопросы и высказывания со стороны клиента), но и требования к его переводу гораздо скромнее, чем к переводу конференц-синхрониста. Как правило, от него ожидается лишь сокращенная передача общего смысла иностранной речи.

Другая разновидность – это «контрольный» синхрон, который стал все чаще встречаться при проведении крупных конференций. Переводчик находится в особой кабине, и речь оратора поступает к нему через наушники. Он либо не видит оратора вообще, либо имеет возможность изредка поглядывать на него, бросая взгляд на экран монитора. Изредка потому, что основная его задача: переводя мысленно услышанный текст, тут же набирать его на компьютере. Поэтому в основном он смотрит на другой экран монитора, где фиксируется его текст. Основная задача его та же, что и у обычного синхрониста: не отстать от оратора и по возможности полно передать содержание речи. Однако одновременно он должен обладать навыком быстрого, желательно «слепого» (не глядя на клавиши) набора на компьютере.

Разумеется, текст оказывается неполным. Поэтому после окончания рабочего дня переводчику приходится довольно продолжительное время дорабатывать свой текст. Как мы видим, эта разновидность устного пере-

вода смыкается с письменным переводом, поскольку в результате возникает письменный текст.

Он служит чаще всего как основа для будущей публикации материалов конференции, а также может быть использован и для контроля работы устных синхронистов.

Перевод с листа

Перевод с листа кажется многим одним из самых легких видов устного перевода. Однако это лишь внешнее впечатление. Переводу с листа обучают во всех крупных переводческих учебных заведениях, и это обучение длится немалый срок. В чем же его сложность? Переводчику необходимо без подготовки (или с очень небольшой подготовкой в несколько минут) перевести письменный текст вслух, как бы «считывая» его с листа. Казалось бы, все очень просто. Память напрягать не надо, письменная опора всегда перед глазами. Однако, в отличие от письменного переводчика, переводчик с листа не может полноценно опираться на весь текст. Он должен обладать умением быстро, по нескольким симптомам определить тип текста, его стилистическую специфику, суть проблемы, обсуждаемой в тексте, тематику и область знаний.

Даже в самом легком случае, если требуется перевести деловое письмо, текст может быть осложнен терминологией, специфическими оборотами речи. В более сложных случаях с листа приходится переводить резолюции, декларации, манифесты, т. е. документы, имеющие правовой статус и требующие особой точности при переводе.

Коммунальный перевод

Под этим еще не окончательно устоявшимся названием скрывается одно из самых современных направлений в развитии деятельности устного переводчика: перевод в медицинских и административных учреждениях. И особенность его не в специфике самого перевода, а в специфике позиции переводчика. Разумеется, устные переводчики и раньше при необходимости переводили в суде, в загсе, в больнице, в тюрьме. Их задача, как всегда, заключалась в том, чтобы обеспечить межъязыковой контакт. Однако лишь в последнее время стало ясно, что преодоления межъязыкового барьера недостаточно. Для обеспечения полного равноправия, полной правовой интеграции иностранного гражданина, не владеющего языком страны, в систему ее законов, правил и ценностей, необходимо преодоление также и межкультурного барьера. Иначе неизбежны многочисленные недоразумения.

Миссия коммунального переводчика заключается в том, чтобы облегчить иностранному гражданину контакт с властями. Для этого нужны глубокие знания культуры и социальной специфики народов и стран, представляющих оба языка, а также социальной и личностной психологии. В отличие от большинства устных переводчиков, коммунальному перево-

дчику приходится иметь дело с устной речью, далекой от официальной, с диалектами и просторечием. Одновременно он должен владеть языком суда, медицины, языком официальных учреждений. В большей мере, чем конференц-переводчику, ему необходима терпимость и выдержка в стрессовых ситуациях.

В заключение отметим, что устный перевод во всех своих разновидностях выполняется в обстановке острого дефицита времени, а поэтому, помимо знаний и профессиональных умений, требует огромной выдержки и психической устойчивости. Именно эти качества устные переводчики ставят на первое место, когда речь заходит об их профессии.

Письменный перевод

Письменный перевод, т.е. перевыражение письменного текста, созданного на одном языке, в письменный текст на другом языке, при широчайшем разнообразии письменных текстов, имеет всегда одну и ту же схему и предполагает обычно следующую последовательность действий: сначала переводчик знакомится с текстом оригинала; затем, произведя предварительный предпереводческий анализ, т.е. выявив тип текста, жанровые и стилистические признаки, тему и область знаний, с которыми связан текст, он приступает к созданию текста перевода. При необходимости письменный переводчик привлекает различные вспомогательные источники информации, которые обеспечат ему *фоновые знания* о тексте: словари, справочники, консультации со специалистами. Закончив перевод, переводчик сверяет, правит и редактирует собственный текст, затем оформляет и передает заказчику. Если текст предназначен для публикации, то после переводчика (но в контакте с ним) над текстом работают редакторы и корректоры.

От устного перевода письменный перевод коренным образом отличается отсутствием дефицита времени. Письменный перевод не ставит переводчика в жесткие временные рамки и обеспечивает самый высокий уровень эквивалентности по отношению к подлиннику. Правда, отсутствие дефицита времени может быть весьма условным. Большая часть переводов в наши дни выполняется в срочном режиме. Исключение, как правило, составляет художественный (литературный) перевод, т.е. перевод художественных произведений. Если объем нехудожественного текста, который переводчик в среднем может перевести за рабочий день, составляет от 7 до 10 страниц по 1800 знаков, то количество страниц художественного текста, который удастся перевести за день, предвидеть невозможно.

Эстетическая наполненность текста, специфика индивидуального стиля автора могут таить самые разные сюрпризы. Художественная цельность такого текста заставляет переводчика несколько раз возвращаться к его оформлению, создавать несколько версий, разрабатывать особые приемы перевода, подходящие только для данного текста и данного автора. Письменные переводчики иногда специализируются на текстах определенного

типа. В первую очередь это касается текстов, обладающих правовым статусом. Поэтому нотариальные переводчики, судебные переводчики имеют особый сертификат, подтверждающий их полномочия, и собственную именную печать. Штатные переводчики в фирмах, на предприятиях, в конструкторских бюро специализируются на той области техники и производства, которыми занимаются их фирмы.

Особую категорию составляют переводчики художественной литературы. Это обычно люди с высоким творческим потенциалом, писательскими наклонностями и широкой филологической образованностью. Вместе с тем стоит отметить, что современная потребность в письменных переводных текстах в мире столь велика и разносторонняя, что большинству переводчиков приходится быть специалистами широкого профиля и переводить тексты разного типа и разной тематики. Гибкость, быстрая переключаемость и привычка постоянно впитывать новое помогают современным переводчикам быстро освоить любой текст.

Машинный перевод

Машинный, а точнее, компьютерный перевод – это также письменный перевод, поскольку в результате мы получаем письменный текст. Однако осуществляет его не переводчик, а особая компьютерная программа. Современные компьютерные программы перевода достаточно совершенны, но они до сих пор не могут разрешить самую сложную задачу процесса перевода: выбор контекстуально необходимого варианта, который в каждом тексте обусловлен многими причинами. В настоящее время результат этого вида перевода может быть использован как черновой вариант будущего текста, который будет редактировать переводчик, а также как средство, чтобы в крайней ситуации отсутствия переводчика получить общее представление о теме и содержании текста.

Еще более сложную задачу представляет перевод устного текста с помощью компьютерных программ, так как проблема распознавания устной речи находится лишь на начальном этапе своего решения. До сих пор непреодолимым препятствием является индивидуальная окраска звучания сегмента речи – на любом языке такая речь плохо формализуется.

Особые виды обработки текста при переводе

В некоторых случаях перед переводчиком ставится задача не только перевести, но и обработать текст. В современных исследованиях зачастую встречается мнение, что все случаи, когда при переводе текста имеет место его попутная обработка, следует считать фактом не перевода, а языкового посредничества, к которому, наряду с переводом, «относятся... и реферирование, и пересказ, и другие адаптированные переложения».

Действительно, текст в рамках одного языка может претерпеть эти виды обработки и превратиться просто в другой текст. Обработка может затрагивать состав информации, сложность ее подачи, стиль текста. В зави-

симости от этих задач различаются разные виды обработки текста при переводе.

Адаптация. Адаптация представляет собой приспособление текста к уровню компетентности реципиента, т. е. создание такого текста, который читатель сможет воспринять, не прибегая к посторонней помощи. Среди наиболее частых случаев – обработка текстов разного характера для детей, обработка специальных текстов для неспециалистов, лингвоэтническая адаптация.

Адаптация, прежде всего, заключается в упрощении текста, как формальном, так и содержательном. В частности, специальная лексика (термины, сложная тематическая лексика) заменяется при переводе на общеязыковую, нормативную, или, по крайней мере, объясняется переводчиком внутри текста или в примечаниях. Упрощаются сложные синтаксические структуры, уменьшается объем предложения. Адаптация художественного текста заключается также в упрощении образной системы и часто используется для начального знакомства детей со сложными литературными текстами. Среди знаменитых адаптации, на которых выросли русские дети: «Гулливер у лилипутов» Джонатана Свифта в обработке Т. Габбе и З. Задунайской, «Жизнь и удивительные приключения морехода Робинзона Крузо» Даниэля Дефо в обработке Корнея Чуковского и многое другое. Несколько иной характер имеет адаптация текста для носителей иной культуры, или лингвоэтническая адаптация. Она заключается не в упрощении грамматического и лексического состава текста, а в приемах, направленных на облегчение восприятия чужих культурных реалий и языковых явлений. Многочисленные реалии чужой культуры, которые в публицистическом или художественном тексте на иностранном языке могут встретиться без пояснений, при переводе снабжаются комментарием. Текст при этом расширяется, это может снизить его эмоциональное воздействие, однако, он станет доступен читателю.

Стилистическая обработка. Исходный текст не всегда идеален. Во всяком случае, его качество не всегда удовлетворяет заказчика перевода. Сам в полной мере он оценить это качество не может, но может довериться чужой экспертной оценке. Тогда переводчика просят не только перевести, но и «улучшить» текст, например, сделать его менее казенным, громоздким; убрать длинноты и нелогичности; шире, чем в подлиннике, пользоваться разговорными оборотами речи; или, напротив, убрать из подлинника слишком вольные словечки, если речь идет об официальном документе. Традиционно такой вид обработки носит название «литературная обработка». Фактически же переводчик восстанавливает единство стиля и выравнивает логику содержания, поскольку это не в полной мере удалось автору оригинала.

Авторизованный перевод и соавторство. Этот вид обработки встречается только при переводе художественных и публицистических текстов, где за переводчиком признается авторство на переведенный им текст. Авторизация отличается от адаптации и стилистической обработки тем, что переводчик (как правило, с разрешения автора оригинала) вносит собственные изменения в художественную систему подлинника, меняет сюжет, состав героев, применяет свои художественные средства. В России в советские годы авторизация часто применялась для того, чтобы убрать из произведения «вредные» идеи и внести «полезные» коммунистические. Иногда же авторизация совмещается с адаптацией, как это случилось в 1930-е годы при создании русской версии для детей книги Сельмы Лагерлеф «Необыкновенное приключение Нильса с дикими гусями», которое представляло собой в подлиннике учебник географии для шведских народных школ. Теперь для разных целей существуют два разных «Нильса»: для маленьких детей в авторизованной обработке Н. Гессе и З. Задунайской и для детей постарше и специалистов полные переводы Л. Брауде и Н. Золотаревской.

Соавторство встречается значительно реже. Это тот редкий случай, когда автор оригинала, находясь в постоянном контакте с переводчиком во время его работы, полностью соглашается со всеми изменениями, которые переводчик вносит в его текст, и считает, что переводчик внес собственный вклад в его творческий замысел. Иногда соавтором переводчика объявляет сам автор. Так случилось летом 2000 г., когда Манфред Ваффендер, немецкий автор документального фильма о Петербурге «Music city: St.Peterburg» объявил известную петербургскую переводчицу Марину Кореневу соавтором своего фильма. Правда, причина заключалась в высокой культурной компетентности переводчицы, ее осведомленности в том, что может заинтересовать немецкого зрителя в культурной жизни родного города переводчицы, который она великолепно знает.

Выборочный перевод. Иногда заказчика не интересует весь текст, ему необходимо почерпнуть из него сведения на какую-то определенную тему. Например, из научного обзора литературы о вирусах нужно выбрать информацию лишь о тех вирусах, которые способствуют возникновению атеросклероза. Или из спортивной сводки об Олимпиаде – только информацию о российских спортсменах. Тогда переводчику приходится выполнять выборочный перевод. Предварительно ему необходимо ознакомиться, хотя бы бегло, с текстом в полном составе. Затем, после того как необходимые фрагменты текста найдены и отмечены, делается черновой сплошной перевод этих фрагментов. Этот черновой вариант переводчик редактирует, переформулируя отдельные высказывания, чтобы восстановить логические связи в тексте.

Резюмирующий перевод. Это самый сложный и трудоемкий вид обработки текста при переводе. Задачей переводчика является создание резюме, краткой сводки о содержании текста. Прежде всего, приходится ознакомиться с текстом в его полном объеме, а он может быть довольно большим: многостраничная монография, большой роман или даже многотомный исторический труд. После этого переводчик выстраивает собственную схему краткого изложения содержания, ориентируясь на поставленные перед ним задачи: ведь размер резюме никак не коррелирует с размером произведения. Из практики известны случаи, когда требовалось десятистраничное прозаическое резюме текста пьесы, составившего 120 страниц, и просьба сделать сокращенный (т.е. резюмирующий) перевод философского сочинения в 700 страниц, сократив его при переводе вдвое. Здесь недостаточно бывает переформулировать отдельные высказывания; многие фразы приходится писать самостоятельно на основании содержания подлинника. Резюмирующий перевод требует от переводчика аналитического подхода к содержанию текста и умения делать собственные выводы из воспринятой информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учебное пособие «Теория перевода» направлено на формирование у студентов базовой части переводческой компетенции.

Под **переводческой компетенцией** принято понимать совокупность знаний, умений и навыков, позволяющих специалисту успешно решать профессиональные задачи на основе зарубежных иноязычных источников информации. Переводческая компетенция может быть подразделена на несколько составляющих компетенций, формированию которых также способствует содержание настоящего пособия.

Базовая часть переводческой компетенции объединяет в себе элементы, задействованные в профессиональном переводе постоянно – во всех его проявлениях (письменном и всех видах устного; во всех его тематико-текстовых жанрах). Прагматическая часть включает в себя знания, умения и навыки, необходимые переводчику в тех или иных видах перевода (письменном или устном, абзацно-фразовом или синхронном и т.д.), при переводах текстов той или иной тематики, тех или иных жанров (научно-технический, художественный перевод, перевод деловой корреспонденции и т.д.).

Концептуальная составляющая переводческой компетенции – это совокупность знаний и представлений о сути перевода: специфике, отличающей его от других видов языкового посредничества, общей цели перевода и ее тексто-жанровых модификациях, задачах, решаемых в процессе достижения цели, характерных для перевода коллизиях этих задач и основных принципах их преодоления.

Технологическая составляющая переводческой компетенции представляет собой совокупность переводческих инноваций, помогающих языковому посреднику преодолеть типичные технические переводческие трудности и решить разноплановые задачи, возникающие перед переводчиком по пути к достижению цели.

Прагматическая часть переводческой компетенции определяет диапазон доступных переводчику видов перевода, жанров тестов и тем. Владение определенными видами перевода относится к **специфической составляющей**, а тематические и жанровые возможности переводчика к **специальной составляющей** переводческой компетенции.

Содержание пособия «Теория перевода» направлено на развитие именно базовой части переводческой компетенции, являющейся основой профессиональной деятельности специалиста, поскольку все остальные составляющие переводческой компетенции развиваются неравномерно, что обусловлено различиями в способностях людей, их различными склонностями и профессиональной специализацией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Акуленко, В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка [Текст] / В.В. Акуленко. – Харьков, 1972.
2. Алексеева, И.С. Введение в переводоведение [Текст]: учеб. пособие для высш. проф. образования / И.С. Алексеева. – М.: Академия, 2011.
3. Алексеева, И.С. Письменный перевод. Немецкий язык [Текст]: учебник / И.С. Алексеева. – СПб.: Союз, 2006
4. Бархударов, Л.С. Язык и перевод [Текст] / Л.С. Бархударов. – М., 1975.
5. Борисова, Л.И. «Ложные друзья переводчика» научно-технической литературы [Текст] / Л.И. Борисова. – М., 1989.
6. Брандес, М.П. Стиль и перевод [Текст] / М.П. Брандес. – М., 1988.
7. Брандес, М.П. Предпереводческий анализ текста [Текст] / М.П. Брандес, В.И. Провоторов. – М., 2001
8. Будагов, Р.А. Ложные друзья переводчика [Текст] / Р.А. Будагов // Человек и его язык. – М., 1976.
9. Ванников, Ю.В. Проблемы адекватности перевода: Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности [Текст] / Ю.В. Ванников // Текст и перевод. – М., 1998. – С. 34-37.
10. Вине, Ж.-П. Технические способы перевода [Текст] / Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне; пер. с франц. Г. Туровера // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Сборник статей: пер. с англ., нем., франц; вступительная статья и общая ред. перевода В.Н. Комиссарова. – М., Межд. отнош., 1978.
11. Виноградов, В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы [Текст] / В.С. Виноградов. – М., 1978.
12. Влахов, С. Непереводимое в переводе [Текст] / С. Влахов, С. Флорин. – М., 1980.
13. Воеводина, Т.В. Устный перевод в его коммуникативном аспекте и его соотношение с другими видами перевода [Текст] / Т.В. Воеводина // Тетради переводчика. Вып. 20. – М.: Высшая Школа, 1983. – С.66–77.
14. Вопросы перевода в зарубежной лингвистике [Текст]. – М., 1978.
15. Вульферт, И.И. Пособие по переводу немецкого научно-технического текста [Текст] / И.И. Вульферт. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1967.
16. Гак, В.Г. Языковые преобразования [Текст] / В.Г. Гак. – М., 1998.
17. Гак, В.Г. Теория и практика перевода [Текст] / В.Г. Гак, Б.Б. Григорьев. – М., 1997.
18. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981.

19. Гарбовский, Н.К. Теория перевода [Текст]: учебник / Н.К. Гарбовский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
20. Готлиб, К.Г.М. Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика» [Текст] / К.Г.М. Готлиб. – М., 1972.
21. Дзенс, Н.И. Теория перевода и переводческая практика (с немецкого языка на русский и с русского на немецкий) [Текст]: учебное пособие / Н.И. Дзенс, И.Р. Перевышина. – СПб.: Антология, 2012. – 560 с.
22. Егер, Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность [Текст] / Г. Егер // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. – С.138.
23. Епихина, Н.О. Практические основы письменного перевода. Общая теория перевода [Текст]: учеб. пособие / Н.О. Епихина, Д.В. Зиновьев. – Красноярск: СибГТУ, 2006.
24. Зеленецкий, А.Л. Сравнительная типология немецкого и русского языков [Текст] / А.Л. Зеленецкий, П.Ф. Монахов. – Л.: Просвещение, 1983.
25. Комиссаров, В.Н. Лингвистика перевода [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М., 1980.
26. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М., 1999.
27. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение [Текст]: учеб. пособие / В.Н. Комиссаров. – М., 2001.
28. Крушельницкая, К.Г. Советы переводчикам [Текст]: справочное пособие по немецкому языку / К.Г. Крушельницкая, М.И. Попов. – М.: Высшая школа, 1992.
29. Крюков, В.Н. Межъязыковая коммуникация: проблемы понимания [Текст] / В.Н. Крюков // Перевод и коммуникация. – М., 1977. – С. 74.
30. Курелла, А. Об ответственности переводчика» [Текст] // Теория и практика перевода / А. Курелла // Перевод – средство взаимного сближения народов. – М.: Прогресс, 1987. – С.106-131.
31. Латышев, Л.К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы ее достижения) [Текст] / Л.К. Латышев. – М.: Международные отношения, 1981.
32. Латышев, Л.К. Технология перевода [Текст] / Л.К. Латышев. – М., 2001.
33. Левицкая, Т.Р. Проблемы перевода [Текст] / Т.Р. Левицкая, А.М. Фитерман. – М.: Международные отношения, 1976.
34. Лилова, А. Введение в общую теорию перевода [Текст] / А. Лилова. – М., 1985.
35. Львовская, З.Д. Теоретические проблемы перевода [Текст] / З.Д. Львовская. – М.: Высшая школа, 1985.
36. Любимов, Н.М. Перевод – искусство [Текст] / Н.М. Любимов. – М., 1982.

37. Маковский, М.М. Краткий словарь «ложных друзей переводчика» [Текст] / М.М. Маковский // Теория лексической аттракции. – М., 1971.
38. Миньяр-Белоручев, Р.К. Общая теория перевода и устный перевод [Текст] / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М., 1980.
39. Миньяр-Белоручев, Р.К. Теория и методы перевода [Текст] / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М., 1996.
40. Найда, Ю. К науке переводить [Текст] / Ю. Найда // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 115.
41. Нелюбин, Л.Л. Перевод и прикладная лингвистика [Текст] / Л.Л. Нелюбин. – М., 1983.
42. Оболенская, Ю.Л. Диалог культур и диалектика перевода [Текст] / Ю.Л. Оболенская. – М., 1998.
43. Перевод и коммуникация [Текст] / Под ред. А.Д. Швейцера и др. – М., 1996.
44. Реформатский, А.А. Лингвистические вопросы перевода [Текст] / А.А. Реформаторский // Иностранные языки в школе. – 1952. – № 6. – С. 12.
45. Рецкер, Я.И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык [Текст] / Я.И. Рецкер // Теория и методика учебного перевода. – М., 1950.
46. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика [Текст] / Я.И. Рецкер. – М., 1974.
47. Роганова, З.Е. Перевод с русского языка на немецкий [Текст] / З.Е. Роганова. – М.: Высшая школа, 1971.
48. Семенец, О.Е. История перевода [Текст] / О.Е. Семенец, А.Н. Панаев. – Киев, 1989.
49. Семенов, А.Л. Основы общей теории перевода и переводческой деятельности [Текст]: учеб. пособие для вузов / А.Л. Семенов. – М.: Академия, 2008.
50. Слепович, В.С. Курс перевода [Текст] / В.С. Слепович. – Минск: ТетраСистема, 2004.
51. Стрелковский, Г.М. Научно-технический перевод [Текст] / Г.М. Стрелковский, Л.К. Латышев. – М., 1980.
52. Текст и перевод [Текст] / Под ред. А.Д. Швейцера. – М., 1988.
53. Тюленев, С.В. Теория перевода [Текст]: учеб. пособие для вузов / С.В. Тюленев. – М.: Гардарики, 2004.
54. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода [Текст] / А.В. Федоров. – М., 1983.
55. Хайт, Ф.С. Пособие по технике перевода специальных текстов с немецкого языка на русский [Текст] / Ф.С. Хайт. – М.: Высшая школа, 1986.
56. Чернов, Г.В. Теория и практика синхронного перевода [Текст] / Г.В. Чернов. – М., 1978.
57. Черняховская, Л.А. Перевод и смысловая структура [Текст] / Л.А. Черняховская. – М., 1976.

58. Чужакин, А.П. Устный перевод XXI: теория + практика, переводческая скоропись [Текст] / А.П. Чужакин. – М., 2001.
59. Швейцер, А.Д. Междисциплинарный статус теории перевода [Текст] / А.Д. Швейцер // Тетради переводчика. – М, 1999. – С. 21.
60. Швейцер, А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты [Текст] / А.Д. Швейцер. – М., 1988.
61. Шеметов, В.Б. О семиотическом подходе к теории перевода [Текст] / В.Б. Шеметов // Актуальные вопросы лингвистики, перевода и методики преподавания иностранных языков Тезисы докладов научно-практической конференции. – Челябинск, 1999.
62. Якобсон, Р. О лингвистических аспектах перевода [Текст] / Р. Якобсон // Избранные работы. – М., 1985.
63. Caryl, E. Comment faut-il traduire? [Text] / E. Caryl. – Lille, 1986.
64. Catford, J. A Linguistic Theory of Translation [Text] / J. Catford. – L., 1965.
65. Dolmetscher – und Übersetzer Ausbildung [Text]. Materialien eines Internationalen Produktionsseminars 17.-21.12.1993. Goethe-Institut und Sprachen-und Dolmetscher-Institut, München. – (Hrsg.) München, 1994.
66. Jager, G. Translation und Translationslinguistik [Text] / G. Jager. – Halle, 1975.
67. Kade, O. Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung [Text] / O. Kade. – Leipzig, 1980.
68. Kautz, U. Handbuch Didaktik des Übersetzens und Dolmetschens [Text] / U. Kautz. – München, Goethe-Institut, 2000.
69. Lederer, M. Interprete pour traduire [Text] / M. Lederer. – Paris, 1997.
70. Maletzke, G. Interkulturelle Kommunikation Zur Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen [Text] / G. Maletzke. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. – 226 S.
71. Mounin, G. Les problemes theoriques de la traduction [Text] / G. Mounin. – Paris, 1963.
72. Neubert, A. Text and Translation [Text] / A. Neubert. – Leipzig, 1985.
73. Newmark, P. Approaches to Translation. Centre for Translation and Language Studies University of Surrey [Text] / P. Newmark. – Phoenix ELT, New York, London, Toronto, Sydney, Tokyo, Singapore, 1995. – 200 p.
74. Nida, E. The Theory and Practice of Translation [Text] / E. Nida, C.R. Taber. – Leiden, 1964.
75. Nida E., Reybum W.D. Meaning Across Cultures [Text] / E. Nida, W.D. Reybum. – N.Y., 1976.
76. Risku, H. Translatorische Kompetenz. Kognitive Grundlagen des Übersetzens als Expertentätigkeit [Text] / H. Risku. – Tübingen: Stauffenburg, 1998. – 294 S.
77. Toury, G. In Search of a Theory of Translation [Text] / G. Toury. – Tel-Aviv, 1980.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
Тема 1. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАУКИ О ПЕРЕВОДЕ	6
Тема 2. РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА	11
Тема 3. ПОНЯТИЙНАЯ ОСНОВА ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА	17
Тема 4. СУЩНОСТЬ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА	25
Понятие эквивалентности перевода	26
Явление интерференции в переводе	27
Тема 5. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ХАРАКТЕР ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА	33
Теория перевода и литературоведение	33
Теория перевода и лингвистика	36
Теория перевода и сопоставительная стилистика	42
Междисциплинарный подход к изучению перевода	55
Тема 6. ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА	61
Перевод как объект теории. Определение перевода	61
Предмет теории перевода	68
Тема 7. СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПЕРЕВОДА	72
Перевод как система	72
Целостность переводческого преобразования текста	73
Структурность переводческого преобразования текста	78
Взаимодействие перевода с окружающей средой	79
Иерархичность – свойство системы перевода	83
Перевод как интерпретирующая системная деятельность.	
Перевод и семиотика	91
Тема 8. ЕДИНИЦЫ ПЕРЕВОДА	96
Единицы перевода и единицы языка	100
Единицы перевода и единицы смысла. «Единица ориентирования»	103
Единицы перевода как кванты переводческих решений	106
Тема 9. ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА:	
ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ И АДЕКВАТНОСТЬ	110
Эквивалентность. К определению понятия	110
Истинность как свойство эквивалентности	111
Эквивалентность и смысл. Денотативное и сигнификативное значения	112
Понятие и концепт	116
Денотат и референт	118
Объективное и субъективное в переводе	121

Эквивалентность и адекватность, верность и точность	123
Многоуровневые теории эквивалентности.....	131
Теория формальной и динамической эквивалентности. Прагматический инвариант	137
Эквивалентность перевода как нормативная категория	144
Адекватность, эквивалентность и оценка перевода	144
Эквивалентность и закономерные соответствия	146
Тема 10. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ПЕРЕВОДА	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	162
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	163

Учебное издание

Каргина Елена Михайловна

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Часть 1

Научно-понятийная и концептуальная основа

Учебное пособие

В авторской редакции

Верстка Т.А. Лильп

Подписано в печать 10.10.14. Формат 60×84/16.
Бумага офисная «Снегурочка». Печать на ризографе.
Усл.печ.л. 9,77. Уч.-изд.л. 10,5. Тираж 80 экз.
Заказ №456.

Издательство ПГУАС.
440028, г. Пенза, ул. Германа Титова, 28.